ФЭНТЕЗИ–БЕСТСЕЛЛЕР

Анна
ОДУВАЛОВА

БАБОЧКА НА ЕЕ ПЛЕЧЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Город Кромельск стоит на границе миров – нашего и магического. Грань, разделяющая их, очень тонка, и магия просачивается к нам. Испокон веков колдуны и неупокоенные личи-некроманты ведут борьбу за обладание этой силой. В самой гуще этой борьбы оказывается девушка Рада, которая приехала в Кромельск, получив в наследство квартиру. А вместе с квартирой и таинственный портрет кисти неизвестного художника, изображавший цыганку, на плече которой то появляется, то исчезает бабочка. Каким-то образом с этим портретом связан странный парень Бер, преследующий Раду буквально по пятам. Сама того не желая, Рада втягивается в круговорот событий, где любовь, страх и магия сплелись в смертельном объятии…

- Анна Одувалова
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

    - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2

Анна Одувалова
Бабочка на ее плече

© Одувалова А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

1837 год

Августовский вечер, пахнущий дождем, подгнившей травой и хвойной свежестью близкого леса, превратился в бархатные сумерки, укрывшие обширную территорию барской усадьбы. С полей уже давно пригнали скот, припозднившиеся гости разъехались после театральной постановки, для которой хозяин пригласил режиссеров и декораторов из самой Москвы.

В недавно отремонтированном двухэтажном доме с белоснежными, упирающимися в крышу колоннами наконец-то стихли голоса. Челядь готовилась ко сну, стараясь убраться как можно дальше от господских покоев, в которых жизнь только начиналась.

– Танцуй, цыганка! – в голосе отдающего приказание звучит смех и ласковое подтрунивание. Несмотря на повелительные нотки, мужчина лишь просит.

Полутемная комната освещена только огнем сложенного у стены массивного камина с изразцами. Поленья трещат весело, мелкие искры вылетают из очага и рассыпаются золотом по металлической пластине, закрепленной на полу. Замершая в круге света молодая цыганка медленно переступает босыми ступнями по дощатому полу, задавая себе ритм. Призывно улыбается мужчине, расположившемуся в глубине комнаты, потом неторопливо поднимает вверх руки с бубном и начинает древний, завораживающий танец. Она танцует не по приказу, а по велению души. Двигается так, как живет, – свободно, раскованно, рисково. Оранжевые, словно осенние листья, отблески пламени в черных волосах, алая, в виде бабочки, заколка у виска и золотые кольца серег, мелькающие среди крупных кудрей.

Обнаженные плечи – смуглые на фоне белоснежной блузки – двигаются в такт ритму, который отбивают босые ноги. Взлетает красная юбка, открывая стройные лодыжки, а в руках мелко дрожит и мелодично позвякивает бубен.

Белая свободная блузка, заправленная под широкий цветастый пояс, в один момент распахнулась на груди, но танцовщица, казалось, не заметила этого. Полная, не затянутая корсетом грудь мелко задрожала, как только цыганка дернула плечами, исполняя тряску, приводящую публику в трепет. Темно-коричневые крупные соски мелькнули и снова скрылись за тонкой тканью блузы.

Мужчина, наблюдающий за танцем из кресла, сжал бокал с вином так сильно, что побелели костяшки пальцев, облизнул губы и подался вперед, стараясь снова поймать взглядом бесстыдный сосок. Цыганка разгадала это намеренье, хитро улыбнулась и повернулась спиной, тряхнув гривой длинных черных волос, которые водопадом скользнули между лопаток вниз, закончившись чуть ниже ягодиц. Цыганка двигалась легко и непринужденно кружилась, вьющиеся пряди падали на смуглое лицо, закрывая его словно черная вдовья вуаль.

– Ты колдунья! – выдохнул мужчина, когда танцовщица замерла на миг, повернувшись к нему лицом и откинув назад спутавшиеся кудри.

Девушка хитро усмехнулась, сбросила на пол выбившуюся из-под пояса блузку и медленно двинулась к креслу. «Дзынь-дзынь» – пели звонкие бубенцы, а цыганка улыбалась и совершенно не смущалась, хотя была одета лишь в низко сидящую на бедрах юбку.

Зритель одной рукой торопливо притянул девушку за талию и, усаживая на колени, поймал жадными губами сосок, похожий на маленькую вишневую косточку, – коричневый, ароматный и твердый. Шелковый, привезенный из Европы аргамак с райскими птицами на полах был лишь прихвачен кушаком и почти не скрывал наготу вальяжно устроившегося в кресле помещика. Цыганка тихо засмеялась, мягко повела плечами и, ловко освободившись от сильных рук, скользнула вниз, на брошенную к ногам медвежью шкуру. Девушка склонила голову и потерлась щекой о мужское бедро.

– Ты забрала мою душу! – Мужчина расслабленно откинулся в кресле и прикрыл глаза от наслаждения. Бокал с вином в руке мелко задрожал, когда мягкие губы нежно скользнули по обнаженной коже.

– А сердце? – Голос цыганки был низкий, с хрипотцой, совсем не девичий, но соблазнительно ласкающий и завораживающий. – А сердце отдашь?

Господин в кресле на секунду приоткрыл глаза, улыбнулся с нежностью, великодушно кивнул и шепнул:

– Забирай!

– Спасибо, драгоценный!

Девушка поднялась с колен, резко и быстро скользнула вперед и, запечатлев на губах мужчины поцелуй, вонзила руку в его грудную клетку со словами:

– Этот трофей я ждала долго!

– Ведьма! – сорвавшееся с губ оскорбление прервалось хрипом, перешедшим в бульканье.

Голубые, прозрачные глаза начали стекленеть, а цыганка торжествующе отступила, сжимая в руке еще трепещущее сердце. Черная, похожая на мутный дым сила вытекала из безжизненного тела и оседала к ногам цыганки клубящимся туманом. Девушка сделала шаг вперед, и темные, дымные струи хищно устремились к ее ногам. Вместо того, чтобы отступить в сторону, она позволила туману окутать узкие ступни. Коснувшись кожи, сила стала рассеиваться, с тихим шипением она таяла и светлела, скоро превратившись в едва заметный бледный дымок, который устремился вверх, скользнул по стройным рукам с браслетами, смуглой коже груди и, задержавшись на щеке, просочился в приоткрытый рот. Цыганка тяжело вздохнула и на секунду прикрыла глаза. На ее красивом лице появилась усталость, стали глубже складки у носа. Она будто постарела, но скоро это наваждение исчезло, лицо опять разгладилось, а на губах появилась улыбка. Кровь из зажатого в руке сердца стекала к локтям и капала на пол, а танцовщица улыбалась, глядя на мертвое красивое лицо того, кому она станцевала не один танец.

А за окном собиралась гроза невиданной в этих краях силы. Наползли темные тучи, загородив луну, поднялся ветер, громыхнул гром, и росчерк молнии вонзился в спокойную гладь неширокой реки.

Глава 1
Портрет цыганки

Электричка остановилась у пыльного перрона в полдень. Стройная девушка со спутанной гривой длинных черных волос и с браслетами-фенечками на загорелых руках ничем не выделялась в разномастной толпе спешащих людей, утомленных жарой и долгой поездкой.

Разве что на едва тронутых блеском губах застыла довольная улыбка, а не раздраженная гримаса, и глаза горели интересом и азартом. Ни духота вагона, ни крикливые соседи, ни вонь пота, забившая нос за четыре часа пути, не испортили ей настроение. Рада с усилием закинула объемный рюкзак на плечо, поудобнее перехватила ручку неподъемного чемодана и последняя из вагона шагнула в раскаленную жару июльского полдня. Едва девушка ступила на перрон, мощный шквал ветра подхватил летящую юбку, швырнул в лицо волосы и заставил зажмуриться, спасая глаза от колючего песка. Секунда – и все стихло, будто и не было этого ураганного порыва. Лишь люди удивленно озирались и ловили по перрону свои летние панамы и легкие пакеты.

Солнце висело на безоблачном небе и светило по-июльски жарко. Иссиня-черную макушку тут же начало припекать, и девушка нацепила белоснежную кепку, совсем не вязавшуюся со свободным и этническим стилем бохо[1].

Рада выглядела немного странно. С крупными украшениями на хрупкой шее, в длинной развевающейся юбке и совершенно чумовых туфлях на невероятном каблуке. Девушка нерешительно замерла на перроне, растерявшись на какое-то время в бегущей к выходу с платформ толпе. В отличие от спешащих людей Рада не знала, куда мчаться, так как оказалась в городе впервые.

Волосы прилипли ко лбу и сзади к шее, и девушка в который раз пожалела о том, что не забрала их в хвост. Оправданием глупости служила лишь утренняя прохлада: когда Рада выходила из дома около пяти утра, жары еще не было.

Мимо, к припаркованным за углом такси, пробежала тетка с огромным чемоданом. Рада едва успела отскочить в сторону, налетела на немолодого плотного дядечку и чуть не сбила с ног малыша, а потом толпа внезапно схлынула. На перроне осталось всего несколько человек. Девушка медленно побрела вдоль путей по направлению к старому, местами облупившемуся вокзалу, построенному, скорее всего, в начале прошлого века. Ветхое деревянное здание красили, наверное, еще во времена СССР.

Когда-то оно было бордовым, а сейчас превратилось в уныло-серое с грязно-коричневым оттенком и производило неопрятное впечатление. Рада надеялась, что сам город выглядит лучше. Спешить было некуда, и девушка озиралась по сторонам. За несколькими линиями рельсов простиралось поле, на окраине которого виднелся большой завод. Его высокие трубы торчали в небе черными дымящимися иголками и издалека напоминали брошенные на землю грабли.

Рада ускорила шаг, чтобы побыстрее завернуть за угол обшарпанного вокзала и увидеть город. Она верила – там, за поворотом, окажется интереснее. Иначе просто не может быть.

Впервые у Рады появилась возможность провести лето вдали от шумной и излишне заботливой семьи. Нет, она их всех, конечно, очень любила, но последнее время лучше всего это получалось делать на расстоянии. Год назад она поступила в университет и стала появляться дома только ночью. Всю неделю она скучала по вечно ржущим сводным братьям, папе у телевизора и запаху маминого пирога, а в выходные, когда вся семья собиралась вместе, мечтала сбежать из этого дурдома как можно быстрее.

И вот неожиданно после успешно сданной сессии выпал такой шанс. Умер папин дед, девушка даже боялась представить, сколько лет было старику. Она никогда его не видела, только слышала, что после ее рождения папа с ним сильно повздорил и больше не общался, а сейчас прадед по непонятной причине завещал квартиру не своему внуку, а ей – Раде. И у нее теперь будет пусть небольшая и находящаяся не в столице, но своя квартира.

Рада не ожидала, что эта новость разозлит папу и он запретит ехать и вступать в права наследования. К счастью, сводные братья Димка и Кирилл – сыновья мамы от первого брака – согласились прикрыть ее перед родителями, и вот, после звонка нотариуса, девушка оказалась здесь, в незнакомом городе, в нескольких часах езды от шумной Москвы. Впереди девушку ждали бумажные формальности и почти два месяца свободы от родительской опеки. Врать маме и папе было неприятно, но соблазн получить собственную недвижимость и пожить без надзора оказался сильнее угрызений совести. Рассудив подобным образом, Рада, с подачи Димки и Кирилла, сказала, что поехала с институтской группой в археологический лагерь. Девушку и правда туда звали, но два месяца свободы представлялись намного привлекательнее, чем лопата и никому не нужные черепки.

Разноцветные бродячие кошки сидели на узком бетонном

бордюре, отделяющем неширокий пыльный газон от проезжей части. Рада потрепала теплое мурлычущее тело и неторопливо двинулась дальше, выискивая взглядом остановку или хотя бы пешеходный переход. Трасса перед зданием вокзала оказалась довольно оживленной, а парковка была забита до отказа. Правда, стояли на ней, в основном, такси – как машины с логотипами местных фирм, так и старые «Жигули» с ярко-оранжевыми шашечками на крыше и шумными, смуглыми водителями за рулем. Но среди безликих или просто унылых авто попадались вполне интересные экземпляры.

Рада зацепилась взглядом за ярко-красную спортивную «Ауди» и огромный мотоцикл, рядом с которым замер насупленный парень лет двадцати. Ничего примечательного – обычный, разве что слишком большой. Не толстый, просто ширококостный, с огромными руками и богатырским размахом плеч. Рада безразлично скользнула по нему взглядом и отвернулась. Сделала шаг в сторону дороги и почувствовала сильный толчок в спину. Вскрикнув, девушка пошатнулась на своих высоченных каблуках и полетела на проезжую часть под колеса несущихся автомобилей.

Как он успел подскочить, Рада так и не поняла, только почувствовала сильные руки, сжимающие талию. Сердце колотилось в бешеном ритме, колени дрожали, а в горле стоял комок. Так близко к смерти ей бывать не доводилось. Если бы незнакомый байкер не успел, она бы точно оказалась под колесами.

– Спасибо, – выдохнула Рада и торопливо отстранилась. Спасший ее молодой человек пугал не намного меньше, чем перспектива очутиться на проезжей части. Парень был выше на голову, хотя Рада никогда не жаловалась на маленький рост, и от него исходила мощная волна подавляющей силы. От него хотелось бежать. Несмотря на жару, незнакомец был одет в темно-серую водолазку с высоким воротником и черные линялые джинсы. Прямые русые волосы, на вкус Рады слишком длинные – чуть выше широченных плеч, – были растрепаны, видимо, из-за того, что парень ехал на мотоцикле. На лице, словно вырубленном топором из дерева, застыло недовольное выражение. Возможно, кто-то и счел бы его симпатичным, но Раде он совсем не понравился – слишком мрачен и брутален.

– Осторожнее на каблуках. – Хмурый тип кивнул в сторону вызывающе-красных туфель на шпильке.

– Ага, конечно, это каблуки виноваты в том, что какой-то м… – начала Рада, но осеклась и в последнюю минуту удержалась от нецензурного выражения. – Какой-то урод толкнул меня под

колеса! Наверное, мои кроссовки сделали бы его менее неуклюжим!

– Ты была одна… – Голос низкий и глухой, казалось, парень с трудом выталкивает из себя слова.

Рада сглотнула, чувствуя, как по позвоночнику пробежал холодок. Девушка точно знала – ее кто-то толкнул. Странно, что спаситель этого предпочел не заметить.

– Пошли!

– Куда? – Рада резво отпрыгнула и настороженно уставилась на парня. События принимали совсем уж нехороший оборот. Такой схватит и утащит за собой, даже пикнуть не успеешь, и вряд ли кто рискнет вступиться!

– Ты – Рада? Я встречаю тебя. – Новый знакомый был немногословен и этим пугал еще сильнее.

– Как ты узнал, что я приеду… Кто сказал? – Девушка против воли отступила на несколько шагов и затравленно оглянулась, пытаясь найти пути к бегству.

– Отец. Он вчера должен был позвонить, – терпеливо пояснил парень. – У тебя нет ключа.

– Твой отец – нотариус? – наконец догадалась Рада и облегченно выдохнула. – Так это же замечательно! – Провожатый ее не устраивал, но это было однозначно лучше, чем пытаться найти нужную улицу и дом самой. – Ты меня проводишь?

– Да. Пойдем. – Парень махнул рукой с зажатым в ней брелоком от ключей в сторону припаркованного хромированного байка, и радость Рады испарилась. Ехать с неулыбчивым незнакомцем на железном монстре, таком же огромном и устрашающем, как и его хозяин, не хотелось.

К счастью, сзади на мотоцикле нашлась удобная ручка, обтянутая темно-коричневой кожей, а значит, не нужно прикасаться к угрюмому, пугающему парню. Девушке не хотелось обнимать его за талию.

Рада надеялась, что дорога до дома прадеда будет короткой. Перед поездкой в новое место девушка почитала справку в Википедии и с удивлением узнала, что Кромельск – старинный город с почти тысячелетней историей. Не такой популярный, как, например, Владимир, но не менее интересный. Как и многие русские города, он пережил войны и не один десяток пожаров. Где-то здесь даже остались старинные, еще деревянные укрепления. Они чудом уцелели после уничтожившего половину города пожара 1879 года. Опаленное дерево стало крепче камня и почти не разрушалось. Рада составила себе целый список мест, где хотела бы побывать. Лучше всего можно узнать город через его архитектуру и жителей, через места, пользующиеся дурной

славой, и людные «центральные» площади. А вот музеи девушка не любила, там не чувствовался дух и жизнь города, там была законсервирована смерть.

Миновав несколько светофоров на оживленной трассе, видимо, центральной улице города, молодые люди свернули в тихий проулок и, попетляв между невысокими домами барачного типа, остановились в тихом дворе возле трехэтажного дома, стоящего буквой «Г».

– Спасибо… – Рада стащила с головы шлем и поспешно отдала, неожиданно понимая, что даже не знает, как обратиться к незнакомцу. Он не представился, да девушка и не горела желанием узнавать его имя. Надеялась, что короткое знакомство не продолжится.

– Как найти квартиру? – поинтересовалась она, рассматривая одинаковые подъездные двери с новыми кодовыми замками. Дом не был похож на привычную «хрущевку»: окна больше, зато балконы напоминали птичью клетку – маленькие прямоугольники, огороженные толстыми металлическими прутьями, с наваренным сверху уголком. На таких можно только стоять, причем в гордом одиночестве.

– Я провожу, – буркнул парень и, не дожидаясь согласия Рады, направился к угловому подъезду. Девушка поразилась такой бесцеремонной наглости, но поспешила следом, даже толком не оглядевшись по сторонам. Впрочем, и смотреть не на что. Двор у дома был самый обычный и ничем не примечательный. Сказать, что дальше провожатые не требуются, Рада просто не успела. Парень уже уверенно открывал кодовый замок на двери.

– Тринадцатая квартира, – заметил он и быстрым шагом двинулся по крутой каменной лестнице с высокими ступенями. В подъезде после полуденной жары оказалось холодно и пахло сыростью. Площадки были большими, а потолки высокими, под три метра. Гулкое эхо цокающих по камню каблуков разносилось по всему подъезду, и становилось жутковато.

– Почему тут так тихо? – удивленно поинтересовалась Рада, пытаясь за банальным вопросом скрыть нарастающее беспокойство. Здесь было неуютно.

– Дом старый, живут одни старики. Но у тебя будет соседка, если захочешь…

– В смысле? – не поняла девушка и даже забежала немного наверх. Привычка выражаться полуфразами и незаконченными предложениями начинала раздражать.

– Дед сдавал ей комнату… художница. Рыжая…

– Какая рыжая художница? – Но парень этот вопрос

проигнорировал, замер перед новой металлической дверью и занес руку для звонка.

– Я думала, квартира моя?! – Рада все же забежала вперед и уставилась в глаза новому знакомому. Они оказались самыми обычными, цвета бутылочного стекла, в обрамлении колючих русых ресниц.

– Твоя, – согласился парень и отступил, пытаясь сохранить дистанцию.

Открывшая дверь в квартиру Рыжая была действительно рыжей. Не только кудрявые, собранные в неряшливый пучок волосы, но и ресницы, брови, веснушки на вздернутом носу и даже хитрые кошачьи глаза. Пальцы и те были изляпаны оранжевой краской.

– Ничего себе! – выдохнула она и через порог подалась вперед, восхищенно уставившись на Раду. Художница была невысокой, и, чтобы рассмотреть лучше, ей пришлось встать на носочки. Рыжая бесцеремонно взяла Раду за подбородок и повернула из стороны в сторону, изучая черты лица.

– Прости… – спустя минуту пробормотала она, отступила и спрятала руки за спину. – Просто я… в шоке, если честно… ты поймешь почему. Сейчас!

И она развернулась, намереваясь скрыться в темном коридоре. Взлетела длинная зеленая юбка, и сверкнули пятки, тоже измазанные краской.

– Рыжая, – окликнул ее мой провожатый. – Это Рада – хозяйка квартиры, в которой ты живешь!

– Да поняла я! – раздался приглушенный голос откуда-то издалека, и снова все стихло.

– Пошли, – махнул Раде парень и шагнул в квартиру.

Вспыхнул свет, и они оказались в просторном пустом коридоре. Справа стояли рамы для картин, слева – сами картины, прислоненные к стене, и узкий шкаф. Рада с чувством удовлетворения заметила, что ремонт в длинном коридоре делали, по всей видимости, недавно. На полу новый линолеум, подвесной потолок, а на стенах жидкая штукатурка бежевого цвета. Симпатично, гораздо лучше, чем представляла себе девушка.

– Раньше квартира была коммунальной, потом в ней остался только твой дед. Приватизировал и одну комнату сдал Рыжей. Ему остались две другие. – Мой провожатый уверенно пошел по коридору и остановился еще у одной двери, с врезанным замком. – Степан Григорьевич…

– Кто? – удивилась девушка, увлеченная изучением абстрактной картины на стене.

– Твой дед…

Показалось, в голосе парня мелькнул сарказм и тщательно скрываемая злость.

– А-а-а-а… – Виноватой Рада себя не чувствовала. Даже не стала поправлять, что этот Степан Григорьевич являлся не дедом, а прадедом. Но разве это важно? Неважно и то, что Рада не по своей воле была незнакома с ним.

– Он сделал перепланировку. Внутри много изменено, – продолжил парень, достав из кармана запечатанный конверт и намереваясь вскрыть, но Рада опередила и выхватила его из рук.

– Спасибо, дальше я сама, – отрезала она, прижимая к себе толстый, пожелтевший картон.

Парень взглянул хмуро, но послушно отступил, едва заметно пожав плечами.

– За дверью две комнаты и даже небольшой санузел, – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Кухня у вас с Рыжей одна на двоих, если конечно, позволишь ей жить дальше. В конверте ключи и деньги.

– Какие деньги?

– Это плата Рыжей за квартиру. Здесь за все полгода со смерти деда.

– Имя-то у Рыжей есть?

Известие о деньгах улучшило настроение, и Рада улыбнулась, решив, что слишком предвзято отнеслась к своему провожатому. Просто чересчур уж он странный, отталкивающий и навязчивый.

– Я – Алена! Но все меня называют Рыжая или Рыжа, – художница выскользнула из двери напротив и сама ответила на вопрос. В руках она держала массивный холст, оформленный в багет. Рада могла видеть только тыльную сторону картины.

– Что это?

– А вот фиг его знает, – честно ответила художница и развернула холст. – Я рисовала копию…

Рада сначала замерла, а потом отступила к стене, прикрыв рот ладонью. Рыжая держала в руках нарисованный портрет внушительных размеров. Молодая цыганка в белоснежной блузке и цветастой юбке. В волосах алый цветок, на обнаженном плече татуировка – яркая бабочка, а на пухлых, карминовых губах улыбка. Красивая картина, стилизованная под портрет девятнадцатого века. Прописаны искрящиеся золотые серьги и наборные бусы из мелких разноцветных бусин. Рада бы восхитилась и красотой изображенной девушки, и работой мастера, если бы с портрета на нее не смотрела она сама. Только красивой Рада себя не считала, не было у нее в глазах такого огня. Да и цыганской крови практически не было, так, несколько

капель, подаривших смуглую кожу, нос с небольшой горбинкой и крупные, черные кудри.

– Откуда у тебя это? – Голос внезапно сел, и Рада откашлялась.

– Нарисовала. – Рыжая, казалось, даже удивилась такому вопросу. – Я же художница. Этот портрет заказал твой дед незадолго до смерти…

– У него не было моих фотографий. Откуда…

– А я рисовала не с фотографии, а с репродукции старинной картины. Точнее, даже не с репродукции, а с ксерокопии страницы какой-то книги. Так ты ее заберешь? Мне-то она ни к чему, а Степан Григорьевич успел расплатиться.

– Так! – Рада взмахнула руками и резко разорвала конверт с ключами. – Не хочу об этом думать. Сначала в душ, потом кофе, потом все остальное! Хорошо?

– Как скажешь! – Рыжая безразлично пожала плечами. Повернула картину к себе, полюбовалась, буркнула под нос непонятное: – Снова, что ли, прилетела?! – и на ходу попыталась что-то стряхнуть с холста.

Дверь ее комнаты хлопнула, и молодые люди остались в коридоре одни.

Рада не знала, что нужно провожатому, но, похоже, он очень хотел попасть в квартиру прадеда. Девушка допускала, что он собирался просто поглазеть.

– Мне неловко об этом говорить, но я хочу в туалет и очень устала. Может быть, мы все же расстанемся? Или ты ждешь за услугу денег?

– Денег? – хмыкнул парень. Одна сторона его губы поползла вверх, и на лице появилась презрительная усмешка. – Нет, спасибо. Мои услуги вряд ли тебе по карману.

Кажется, получилось его задеть. Это к лучшему, некоторых людей можно прогнать только так. Обидев. Правда, на душе после этого стало погано, но, с другой стороны, он виноват сам. Мог бы уже давно уйти и не смущать!

Рада уже облегченно выдохнула, но оказалось, что рано. Парень обернулся у двери и тихо произнес:

– Зря ты сюда приехала. Сидела бы в своей Москве, всем было бы лучше…

Девушка сглотнула, собираясь резко ответить нахалу, но молодой человек развернулся и вышел, а Рада прислонилась спиной к стене, чувствуя, что ноги слегка дрожат. «Откуда такая неприкрытая агрессия? К чему непонятные угрозы?» Ответа на этот вопрос не было.

Глава 2
Кофейные разговоры

Рука с ключом слегка дрожала. Рада входила в бывшую квартиру прадеда с опаской – боялась очутиться в старом, затхлом помещении, пахнущем болезнью и смертью. Ей доводилось бывать в жилище одиноких стариков, и только сейчас девушка осознала, где именно собирается прожить все лето.

Протяжно застонала, открываясь, массивная стальная дверь, из квартиры пахнуло пылью и, как ни странно, сеном. Неприятных, кислых и тяжелых запахов болезни и старости, которых так боялась девушка, не было.

Нащупав выключатель на стене, Рада зажгла свет и огляделась. Небольшая, около двух квадратных метров, прихожая отделялась от комнаты узким одежным шкафом. На открытой вешалке все еще висела добротная кожаная куртка, не из дешевых. Внизу стояли две пары ботинок, черные и коричневые, – и те и другие начищены. На тумбочке со строгим зеркалом – пара газет полугодовой давности, пачка дорогих сигарилл и перчатки.

Не похоже было, что здесь жил одинокий старик. Казалось, квартира принадлежала респектабельному мужчине средних лет, и он не умер, а вышел погулять или в магазин. О том, что квартира пустует достаточно давно, говорил лишь толстый слой пыли на светлом ламинате.

Рада не стала разуваться, решив, что пол все равно придется мыть, и прошла в погруженную в сумрак комнату, видимо, служившую то ли залом, то ли кабинетом. Занавешенные тяжелыми шторами окна казались особенно унылыми. Рада замерла напротив них и внезапно заметила мелькнувшую за тяжелой тканью тень, очень похожую на человеческую. Крик застрял в горле. «Что за черт!» – пробормотала девушка и кинулась вперед. Чувствуя, как быстрее начинает стучать сердце, рванула шторы и уставилась в пыльное окно, выходящее во двор.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Рада, снова задернула плотную ткань, отступила, но на сей раз не заметила ничего странного. Обычные шторы на обычном окне.

Девушка еще немного постояла, всматриваясь, но потом поняла, что, вероятнее всего, ей почудилось. Рада тряхнула волосами, потерла руками лицо, пытаясь прийти в себя, и продолжила осмотр.

Угловой диван стоял рядом с журнальным столиком. Массивный письменный стол в углу. На полированной,

имитирующей камень столешнице девушка, к величайшему удивлению, обнаружила закрытый ноутбук. Стены от пола до потолка занимали стеллажи с книгами.

Дома у родителей тоже имелась неплохая библиотека, но она не шла ни в какое сравнение с той, которую собрал прадед. Можно было насчитать не одну сотню корешков. Рада медленно прошлась вдоль полок к окну. Провела рукой по старым шершавым переплетам, даже не обращая внимания на заголовки – она успеет их изучить позже, сейчас же есть лишь время оглядеться по-быстрому. Девушка раздернула темно-коричневые, с золотистым орнаментом шторы, и в большое окно хлынул солнечный свет. В воздухе тут же сверкнули переливающиеся пылинки, и Рада интуитивно попыталась разогнать их ладонью. «Здесь точно стоит как можно быстрее все вымыть, – решила она, – а то уже в горле першит от пыли».

Квартира удивила. Рада рассчитывала получить свободную, собственную жилплощадь, а оказалась в сундуке с загадками. Здесь было чисто, аккуратно и дорого.

Прадед не бедствовал, и, похоже, находился в здравом уме и твердой памяти, иначе чем объяснить ноутбук и книги? Видимо, Степан Григорьевич не чуждался технического прогресса. Вторая комната, в которую вела темно-коричневая дверь со стеклом, оказалась маленькой спальней, примыкающей одной стеной к общей кухне. Именно здесь сделали перепланировку, о которой сказал мрачный провожатый. Часть комнаты отгородили, и сейчас там находился индивидуальный санузел. «Ничего примечательного», – заключила Рада, заглянув в приоткрытую дверь. Белая раковина-тюльпан, скромная душевая кабина и унитаз. На батарее до сих пор висит темно-синее полотенце.

Вот сама спальня Раде не понравилась, эта комната была совсем старческой. Узкая кровать на панцирной сетке, платяной шкаф у стены и тумбочка с лекарствами.

– Здесь я спать не буду, – заключила девушка и торопливо вышла. Находиться в спальне было не очень приятно. Рада не могла отделаться от ощущения, что прадед, вполне возможно, умер именно здесь. От этих мыслей по спине пробегали мурашки, и хотелось очутиться как можно дальше.

Вернувшись в зал, девушка испытала облегчение. Присела на широкий диван и наконец-то скинула туфли. Ноги гудели, и нестерпимо хотелось выпить кофе. Рада закрыла на секунду глаза, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя.

Стоило составить план действий. Завтра с утра нужно сходить к нотариусу, а сегодняшний вечер можно посвятить уборке, и хорошо бы купить кровать в спальню, жаль, личных

денег у Рады было немного. Девушка торопливо открыла конверт с оплатой за квартиру, который передал парень, и присвистнула, увидев сумму. Потом мысленно поделила ее на шесть месяцев со дня смерти прадеда и решила, что выгонять Рыжую не будет. Если уж она не мешала прадеду, ей точно не помешает, а деньги за аренду квартиры будут очень кстати. Того, что скопилось за полгода, хватит не только на кровать с матрасом, но еще и останется на комфортную жизнь в течение как минимум месяца, а если экономить, и двух. Одна проблема решилась сама собой. Хотя бы работу на лето искать не придется.

Настроение улучшилось. Рада достала из рюкзака открытые сланцы, гель для умывания и новое полотенце – самые важные вещи. Переобулась, умылась и вышла на кухню в надежде раздобыть кофе. На натуральный она, конечно, не рассчитывала, но планировала выпросить у своей квартирантки хотя бы пару ложек растворимого.

Рыжая сидела на подоконнике с чашкой ароматного кофе в руках. Одуряющий запах плыл по помещению, у Рады даже потекли слюнки. Похоже, художница тоже любила божественный напиток, и не растворимый, а молотый.

– Хочешь? – поинтересовалась Рыжая, лукаво улыбнувшись. – В турке еще осталось, наливай. Чашки – в верхнем левом ящике. Стеклянная, с панорамой города, – его любимая… – с легкой грустью сказала она и тихо добавила: – Я ее подарила на день рождения. Года два назад…

В ее голосе прозвучала тоска, и Раде стало не по себе. Посторонняя девушка, квартирантка, оказалась ближе прадеду, чем она сама. Разве это правильно?

Рыжая прислонилась спиной к откосу. Она отмылась от краски и распустила волосы, которые теперь золотились в лучах солнца и напоминали нимб – мелкие кудряшки, торчащие в разные стороны, словно солнечные лучики. Волосы у Рыжей были довольно длинные и спускались ниже лопаток, но основная их часть сосредоточилась вокруг миловидного лица, по форме напоминающего сердце – острый подбородок, широкие скулы и ямочки на щеках.

– Какой он был? – наконец решилась спросить Рада. Достала из шкафа кружку, про которую говорила новая знакомая, и плеснула в нее все еще ароматный, но уже слегка остывший кофе.

– Странный, – не задумываясь, ответила художница, крепче обхватив глиняную чашку. У Рыжей были короткие ногти, не покрытые даже прозрачным лаком, длинные пальцы и худые запястья с тонкой, фарфоровой кожей, сквозь которую просвечивали голубые вены. Девушка походила на фею – хрупкое,

волшебное существо. Ей ли говорить о странности?

– Странный… – Рада усмехнулась и присела на табуретку. – Очень уж расплывчатое определение.

– Поверь, оно ему подходило!

Рыжая спрыгнула с подоконника и поставила кружку в мойку.

– Так ты заберешь картину? – сменила она тему. Видимо, говорить про Степана Григорьевича художница почему-то не хотела.

– Заберу. – Рада пожала плечами. – Если расскажешь, с чего ты ее рисовала.

– Даже покажу, – ответила она, исчезла за дверью и вернулась буквально через минуту. – Вот!

Рыжая протянула помятый, испачканный масляной краской альбомный лист. Саму картину в раме она прислонила к кухонному шкафчику.

Рада осторожно развернула листок и поняла, что это ничего не дает. У нее в руках оказалась обычная ксерокопия не очень хорошего качества.

– Мне кажется, это сделано из какого-то журнала или из книги… Я еще ругалась, что рисовать копию с ксерокопии репродукции, да еще такого качества, просто невозможно. Здесь же и цвета толком не разглядишь, и лицо хоть и хорошо видно, рисовать неудобно! А он мне тогда ответил: «Алена, ты же девочка талантливая. Уверен, что сама додумаешь так, как нужно!» Я вообще предполагала, что Степан Григорьевич хотел обновить интерьер и поддержать меня. Зимой как раз было плохо с деньгами. Думала, Новый год буду отмечать, в лучшем случае, с бутылкой пива. А тут он так вовремя со своим заказом…

– Здесь вроде бы какие-то буквы. – Рада попыталась разглядеть надпись под копией портрета, но она была очень мелкой, и на буквах стояла большая зеленая клякса.

– Говорю же! Этот портрет из какой-то книги или журнала.

– Странно… а почему у этой девушки на плече нет бабочки? А на твоей картине есть. Тоже желание прадеда?

– Нет… – Казалось, Рыжая немного смутилась, закусила губу, словно размышляя, сказать или нет, но потом отшутилась, улыбнувшись: – Бабочка прилетела сама. Но, согласись, она неплохо тут смотрится?

– Неплохо, – согласилась Рада. – Ты не против, если я заберу и образец? Вдруг удастся найти, откуда он?

– Конечно, забирай! Зачем он мне? Он и сохранился лишь потому, что я хламьевщица. Убираюсь редко, а уж выкидывать нажитое непосильным трудом добро и вовсе не люблю.

– Даже мятые листочки? – Рада не смогла сдержать улыбку.

Рыжая ей нравилась – непосредственная и открытая, с такими просто найти общий язык.

– И их тоже! Против натуры не попрешь!

Рыжая улыбнулась и направилась к двери, но Рада ее остановила, спросив:

– Слушай, если ты портрет нарисовала давно, то почему прадед его не забрал?

– Тут вообще странная история. – Художница покорно развернулась и прислонилась к дверному косяку. – После того, как я закончила работу, Степан Григорьевич пришел и посмотрел. Причем изучал очень внимательно, в каждую черту вглядывался, даже проверял слой краски или как мазки положены, я уж испугалась, что не понравилось. Но он похвалил, заплатил даже больше, чем я озвучила, и забрал «Цыганку» себе. А потом… – Рыжая запнулась. – Перед смертью зашел, попросил, чтобы картина пока побыла у меня. Я спросила, долго ли, он ответил, что, вероятнее всего, нет. Еще сказал: «Поймешь, когда отдать будет нужно!» Я тогда не обратила внимания на эти слова, они вылетели из головы. А вечером Степан Григорьевич…. – Рыжая замолчала и махнула рукой. – Сегодня я увидела тебя и действительно поняла, что картину нужно отдать.

– Кстати, – добавила девушка. – Не думала, что ты его правнучка. Внучка – еще может быть. Хорошо выглядел, старый черт! – неожиданно весело усмехнулась она. – Я бы ему больше шестидесяти не дала. Он до последнего преподавал в нашем вузе. Мы там и познакомились. Я вешала объявление о поиске квартиры, а он шел мимо…

– А как он умер? – перебила художницу Рада. Просто этот вопрос не давал покоя.

– Глупо… – С лица Рыжей моментально ушла улыбка. – В тот же день, когда отдал мне картину. Он, когда зашел ко мне, выглядел странно – бледный, отстраненный, но я не придала значения. Он был странным всегда, да и сама я тоже… – Она помолчала. – От меня он ушел к себе. Поскользнулся и сильно ударился головой в ванной. Его обнаружил Бер буквально спустя полчаса. Степан Григорьевич днем не закрывал дверь, у нас всегда заперта входная. Думаю, к лучшему….

– Бер? – недоверчиво спросила Рада. – Кто это?

– Парень, который тебя привез… – пояснила Рыжая. – Вообще он Артем, но все его зовут Бер.

– А что он там делал?

– А чему ты удивляешься? Они общались. Твой дед вел у них какой-то курс. К нему много студентов приходило, не только Бер. Он никогда не отказывал в помощи, давал консультации и

прочее… Никто не ожидал… Вообще, нелепая смерть, особенно для него.

– Почему особенно для него?

– Понимаешь, есть такие люди, от которых исходит сила. Они всегда в центре внимания, они всегда лидеры. К ним тянутся, интуитивно определяя сильнейшего. Такие не погибают, просто поскользнувшись на кафельной плитке.

– Я не знала. – Рада закусила губу. – Мы даже не были знакомы и никогда не виделись.

– Теперь вот узнала, – невесело хмыкнула Рыжая. – Прости, но мне нужно идти. До вечера должна доделать один заказ, если не успею, мне оторвут голову.

– Хорошо. – Рада рассеянно кивнула и взяла в руки все еще пахнущую краской картину. – А мне нужно купить новую кровать, – добавила она себе под нос, предполагая, что Рыжая ее все равно не слышит, но из прихожей тут же послышался звонкий голос:

– Отправляйся в «Сокол» – там самый большой выбор и вменяемые цены! На такси удобнее, если что! Тем более города ты не знаешь, а мне провожать тебя сегодня некогда.

Остаток дня Рада потратила на уборку комнат, выбрасывание старого хлама и покупку кровати. Правда, разобрать или хотя бы проглядеть все бумаги прадеда за один вечер было невозможно. Поэтому девушка даже не пыталась это сделать. Разборку с макулатурой она решила оставить на потом. Сегодня же выбрасывала обычный мусор, протирала пыль, мыла полы и стирала шторы.

Мебель привезли уже после восьми, но сборщики за умеренную плату вошли в положение несчастной, только сегодня приехавшей девушки и поставили кровать часам к десяти вечера. После этого Рада наконец-то смогла выдохнуть свободно. Прадед оказался действительно странным, иначе к чему было в каждый угол пихать непонятные черные мешочки, из которых местами торчала трава или пух. Зато стало понятно, почему в квартире стоял отчетливый запах сена. Таких мешочков Рада насобирала штук двадцать, они были рассованы даже под унитазом и между оконных рам в спальне. В пластиковое окно дед, видимо, засунуть их не смог, поэтому в зале они просто лежали в уголочках на подоконнике.

Генеральная уборка отняла все силы. Зато после нее девушка чувствовала себя в незнакомом месте чуть уютнее. Ужинать она собралась ближе к одиннадцати. Желания что-либо готовить не было, поэтому Рада заварила себе крепкий чай и достала из холодильника купленный днем йогурт. Ближе к двенадцати на

кухню выползла чумазая, замученная Рыжая и устало опустилась на табуретку.

– Доделала заказ? – спросила ее Рада и получила безрадостный кивок.

– Вот когда пишешь что-то для себя, в удовольствие, то ощущения совсем другие. Можно рисовать сутками и получать прилив силы и вдохновения, но портреты на заказ выматывают неимоверно. Чувствую себя, словно выжатый лимон. Но за них платят деньги… Кстати о деньгах, – встрепенулась художница, и ее взгляд прояснился. – Я за этот месяц уже заплатила Беру, а со следующего мне искать квартиру или…

– Если хочешь, оставайся, – махнула рукой Рада. – На тех же условиях. Я не против, и деньги не лишние.

– Вот и замечательно! – Рыжая подскочила с табуретки. – Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Очень привыкла к этой комнате. Совсем не хотелось отсюда съезжать. Сегодня весь день была как на иголках и все боялась спросить. Спасибо тебе огромное, теперь я спокойна и смогу уснуть.

Грязный, неопрятный бомж жался к мусорным бакам в тупике узкого переулка, прикрывая лохматую, давно не чесанную голову руками.

– Тварь! – шипел нависающий над ним респектабельный мужчина – такие обычно передвигаются на «лексусах» и не заглядывают в трущобы. – Что ты собирался натворить?! И ведь почти получилось у гаденыша. Ты понимаешь, что едва все не испортил, урод!

– Лучше, хотел как лучше…. – бормотал бомж едва слышно. – Похвала… хотел похвалу…

– Какая, к чертям собачьим, похвала? Убить тебя мало за такие проделки, да руки марать не хочется! С вами связываться – себе дороже! Разрешишь жить, пригреешь под крылом, а вы вечно норовите влезть туда, куда не следует, и испортить то, на что были затрачены колоссальные усилия!

– Лучше, Жорик хотел как лучше!

– Если Жорик хочет сделать как лучше… – Мужчина наклонился к бомжу, заставив того сжаться еще сильнее. – То пусть не лезет туда, куда не просят. Держись подальше. Ты понял? И своим передай: если увижу хоть одного рядом, выгоню всех без права вернуться. Ты понял? – заорал мужчина, схватив за грудки существо, почти не похожее на человека, и, добившись судорожного кивка головой, отступил, брезгливо вытерев ладони чистым платком, который тут же швырнул на покрытый мусором асфальт.

Бомж, дрожащий в углу у мусорных ящиков, грязный, в одежде неопределенного цвета, практически растворялся в окружающей обстановке. Чем сильнее он боялся, чем больше старался стать незаметным, тем сложнее было разглядеть сжавшееся тело. Он, словно хамелеон, мимикрировал, сливался в одно целое с мусорными ящиками, цветастым рваным пакетом на потрескавшемся асфальте и грязно-розовой, облупившейся стеной дома.

– И запомни, когда понадобится ваша помощь, я скажу. До этого сидите тише воды и ниже травы.

Мужчина резко развернулся и вышел из подворотни, а бомж, затравленно оглянувшись по сторонам, принялся выползать из своего ненадежного укрытия. Он передвигался на четвереньках, прижимаясь к асфальту, припадая на пузо и замирая. Его одежда словно слегка меняла цвет, подстраиваясь под общий фон. Грязные руки с отросшими кривыми ногтями дрожали. Он боялся и старался оставаться в тени.

Две усталые женщины с огромными пакетами продуктов прошли совсем рядом с ним, но даже не заметили, только поморщились от резкого, характерного запаха.

Глава 3
Бражник

Густая темная ночь наползла на город, погружая его в сон. Погасли фонари, освещающие улицы, стихли голоса припозднившейся молодежи, и мир замер, увязнув в черноте. Остались бодрствовать только мелкие жужжащие твари – надоедливые июльские комары, они проникали в любую щель, и Рада, чтобы не доставали ночью, воткнула в розетку фумигатор. Через некоторое время противное жужжание, доносившееся изо всех углов, стихло.

Полуденная жара спала, но толстые каменные стены дома прогрелись до такой степени, что в квартире до сих пор стояла духота. Рыжая даже не стала закрывать оснащенное москитной сеткой окно на кухне. Велик был соблазн распахнуть окно и в спальне, но Рада, поразмыслив, все же не рискнула. В незнакомом месте и так спать боязно, а девушка не привыкла ночевать в одиночестве. Дома за соседней стенкой вечно до полуночи перешучивались братья, а здесь она оказалась совершенно одна в незнакомой квартире. Рыжая не в счет, до ее комнаты далеко. Их разделяет длинный, пустынный коридор.

Рада не стала на ночь глядя думать о том, куда можно повесить портрет, подаренный Рыжей. Просто прислонила его к единственной свободной стене, рядом с дверью в туалет. Над письменным столом в зале было подходящее для «Цыганки» место. Девушка решила завтра озаботиться поисками молотка и гвоздя, а сегодня наконец-то лечь спать. День выдался очень длинным и сложным, а с утра к одиннадцати часам нужно идти к нотариусу. Главное – не проспать.

Душно. Сон беспокойный и тревожный. Рада вертелась с боку на бок и постоянно просыпалась. Время тянулось очень медленно. Оглушающе тикали часы на стене, начинала болеть голова. Девушка приоткрыла глаза и откинулась на спину, размышляя о том, что нужно бы дойти до кухни и выпить таблетку.

В комнате было темно, но падающий из окна лунный свет позволял разглядеть детали скудной обстановки. Они выступали черными, кривыми силуэтами около стен, казавшихся серыми. Рядом с портретом девушка увидела едва заметный в сумрачном свете силуэт человека.

Стараясь не закричать, осторожно приподнялась на локтях и с замиранием сердца уставилась на призрачную фигуру. Перед ней замер мужчина крепкого телосложения в обычном домашнем

халате. Он наклонился к картине и осторожно, слегка дотрагиваясь, погладил холст. С призрачных пальцев сорвалась настолько яркая искра, что Рада зажмурилась, а когда, пытаясь отдышаться, открыла глаза, уже никого не было. Осталось лишь ощущение холода, пробежавшего по спине, да едва уловимый незнакомый запах.

Она внимательно посмотрела вокруг, подошла к картине и протянула руку к холсту, как это делал призрак несколько секунд назад, но ничего не произошло. Пальцы ощущали лишь неровную поверхность. Масляные краски были наложены широкими, рельефными мазками. Рада не видела саму картину, но чувствовала, как она нарисована. Рыжая действительно обладала впечатляющим художественным талантом. Только вот что за чертовщина творилась здесь секунду назад?

Девушка потерла виски руками, поняла, что голова уже не болит, а значит, и нет необходимости тащиться на кухню за таблеткой, еще раз бросила взгляд на картину и устало опустилась на кровать. Теперь, окончательно проснувшись, Рада не понимала, сон или явь она видела несколько минут назад. Разум говорил о том, что призрачная фигура – всего лишь сон, но, с другой стороны, уж очень реальной она выглядела.

После пригрезившихся странностей Рада не думала, что сможет уснуть. Но едва только ее голова коснулась подушки, девушка отключилась, успев заметить сквозь закрытые веки очередную вспышку, но открыть глаза уже не смогла, вязкий, липкий, словно подтаявшая на солнце жвачка, сон не отпускал. Он затягивал, прижимал к подушке, не давал нормально вздохнуть.

Стало страшно, холодный ужас стек струйкой пота по спине, а левое плечо обожгла боль, от которой захотелось кричать. Казалось, что к коже прислонили раскаленное клеймо. С губ сорвался крик, и Рада инстинктивно схватилась за обожженное место, просыпаясь. Резко села на кровати, не открывая глаз и тяжело дыша. Провела рукой по плечу и, не почувствовав боли, снова рухнула на смятую постель и моментально уснула, подложив ладонь под щеку и натянув на голову одеяло.

Утром девушка проснулась от солнечных лучей, бьющих в глаза сквозь неплотно прикрытые светлые занавески. Она потянулась, с содроганием вспоминая кошмары, преследовавшие ее всю ночь, и спустила ноги с кровати, протирая заспанные глаза. Судя по ощущениям, проснулась она намного раньше будильника, заведенного на девять утра.

Рада нащупала мобильник на прикроватной тумбочке и посмотрела на время. «Так и есть. Рань несусветная – семь сорок

пять». Несколько минут она разглядывала босые ступни с ярким летним маникюром и размышляла, не поспать ли еще. Девушка уже почти улеглась обратно в кровать, когда ее взгляд зацепился за прислоненный к стене портрет. Сон как рукой сняло – слишком уж яркими были воспоминания о том, как кто-то стоял возле него ночью.

Рада подскочила с кровати, не глядя на картину, отправилась в ванную и попыталась убедить себя, что ночью ее преследовали лишь обычные кошмары. Девушке удалось достаточно быстро взять себя в руки. На самом деле, кто мог проникнуть в квартиру? Дверь заперта, окна закрыты. «Все это несусветные глупости!» – решила она и запретила себе об этом думать, со вкусом потянулась и пошла умываться. Большое зеркало с узким шкафчиком под косметику отражало заспанную физиономию, на которой самым примечательным был нос с едва заметной горбинкой – яркое доказательство цыганских корней, о которых в семье уже давно никто не помнил. Рада считала свой нос большим, но все остальные ее сомнений не понимали и гордо именовали его аристократическим. Девушка не спорила, к тому же он делал интереснее ее миловидную, но все же заурядную внешность. Глаза цвета горячего шоколада, мягкая линия подбородка и высокие скулы – чуть интереснее, чем привычные для средней полосы России русые волосы и светлые глаза. Но все равно скучно! Вот и приходится вносить разнообразие в свою внешность с помощью ярких, цветастых шарфов, летящих юбок и авторской бижутерии. Рада предпочитала не упоминать, что автором украшений, как правило, являлась она сама – немного стеснялась своего хобби. Она знала людей, у кого «цацки» получались намного лучше, и это не давало покоя.

Девушка уже вытерла лицо полотенцем и собралась выходить, когда заметила темное пятно у себя на левом плече, повернулась, чтобы рассмотреть получше, и обомлела. На смуглой коже распахнула крылья бабочка величиной с донце средних размеров чашки – красивая, словно живая, с черно-оранжевыми крыльями и полосатым тельцем. Точно такая же, какая была изображена на портрете цыганки. Рада вскрикнула, попыталась смыть ее с плеча, но ничего не получилось. Рисунок въелся в кожу, словно татуировка.

Девушка выскочила в коридор и кинулась к портрету, чтобы с ужасом заметить, что на плече цыганки сейчас гладкая ровная кожа. «Бабочка просто исчезла или перелетела на мое плечо?»

«Да что же творится?!» – всхлипнула Рада и, не соображая, что делает, с бешеным криком: «Рыжая!» выскочила в коридор, прямо как была, в веселых розовых пижамных шортиках и

коротком топе на тонких лямках. Подбежала к комнате художницы и, не замечая выступивших на глазах слез, со всей мочи забарабанила кулаком в дверь. Через секунду щелкнул замок, и на пороге появилась заспанная, взлохмаченная Рыжая с выражением недовольства на лице.

– Что надо? Я сплю! – невежливо буркнула она, даже не пытаясь открыть глаза.

– Смотри! – Рада расплакалась в голос и ткнула пальцем себе в плечо, тихо надеясь, что бабочка испарилась. Лучше показаться дурой, чем поверить в реальность происходящего. К сожалению, бабочка оставалась на месте – все такая же красивая, неподвижная и один в один похожая на ту, которая раньше была изображена на картине Рыжей. – Что это такое?

– Ничего себе! – Художница все же открыла глаза и теперь с интересом разглядывала плечо своей новой соседки. При этом она выглядела удивленной, но не шокированной, что настораживало.

– Удивительно…

– Конечно, удивительно! – Голос Рады, обычно низкий, сейчас повысился до сопрано. – Она еще вчера была на картине, а сегодня уже у меня на плече. Как такое вообще может быть?!

– Они, конечно, улетали и раньше… – задумчиво пробормотала Рыжая себе под нос, – но никогда на живого человека… очень-очень странно…

– Что? Что ты такое говоришь?

– Поставь, пожалуйста, кофе, а то как-то плохо соображается, а я пока оденусь и причешусь хоть, что ли… – Художница со вздохом запустила пальцы в торчащие в разные стороны волосы и закрыла дверь, а Рада, удивленно хлопая глазами, осталась стоять в коридоре, размышляя над тем, что новая знакомая обладает удивительной способностью – не замечать вопросы, которые ей не нравятся.

Делать было нечего, и девушка, стараясь не думать о странностях этого утра и ночи, отправилась на кухню по заказу Рыжей варить кофе. Судя по всему, соседка что-то знала, только вот Рада подозревала – объяснение ей вряд ли понравится.

Кофе девушка варила на автомате, привычно, по маминому рецепту с небольшими собственными усовершенствованиями. Сначала на дно турки насыпала три ложки с горкой ароматных, уже перемолотых зерен, потом кинула ложку сахара – он почти не давал сладости, но гасил излишнюю горчинку. Затем налила холодной фильтрованной воды и поставила на маленький огонь, внимательно наблюдая за скапливающейся по краям турки пенкой. Она должна стать густой и подняться. Главное – не

упустить момент и вовремя выключить, не позволив напитку закипеть. Когда высокая пенка поползла вверх, Рада выключила газовую конфорку и кинула в почти готовый кофе корицы – совсем немного, на кончике чайной ложки.

Простое, привычное занятие подействовало благотворно. К приходу Рыжей волнение почти прошло, слезы высохли, руки перестали дрожать, и девушка уже размышляла над тем, что скажет родителям. За татуировку папа прибьет, а в ночную историю просто не поверит.

– Как пахнет! – Рыжая появилась, видимо, учуяв запах, и тут же схватила большую кружку, в которую уже был налит кофе. – Ты волшебница! – Она довольно зажмурилась, принюхиваясь и делая осторожный глоток. Похоже, кофе смирил художницу с ранним пробуждением, по крайней мере, на ее лице сейчас появилась довольная улыбка.

Рада налила остатки кофе себе и присела на табуретку напротив.

– Рассказывай, – потребовала она.

Рыжая вздохнула, поморщилась и попыталась пригладить торчащие в разные стороны золотистые пружинки волос.

– Понимаешь… – Она посмотрела на Раду глазами, полными тоски, как человек, которому сейчас придется сознаться в постыдном поступке. – Ты только сразу меня не посылай далеко и надолго. Хорошо? Я бы тебе никогда не рассказала, если бы… – Она указала чашкой с кофе на плечо Рады. – Иногда, когда я рисую, мои картины оживают…

– Что? – Рада посмотрела на новую знакомую, как на умалишенную.

– Я же просила! – обиделась художница. – Понимаю, что звучит странно! Ну а я что сделаю? Я стала замечать эту свою особенность, еще когда ходила в художественный кружок. Подобное происходит только с работами, в которые я действительно вкладываю душу. Поэтому и рисую чаще всего природу или портреты. Портреты не оживают, даже если я рисую того, кто мне очень симпатичен, например фанарты по сериалам. Возможно, потому что у создаваемого мной образа уже есть реальный прототип. А вот бабочки… бабочки с моих картин улетают с завидной регулярностью… Но я никогда не видела, чтобы они улетали с одной картины на другую, тем более на живого человека! Правда-правда!

– Что у тебя оживает, кроме бабочек? – мрачно пробормотала Рада, понимая, что рано радовалась адекватной и милой квартирантке. В соседки ей досталась сумасшедшая.

– Один раз рисовала осень в парке… – хмыкнула Рыжая. –

Потом полдня выгребала опавшие кленовые листья! Чтоб ее! Пришлось перерисовывать! Так они до сих пор летают, но сейчас хоть внутри картины. Хочешь, покажу?

– Да ну тебя! – Рада нахмурилась, идти с сумасшедшей никуда не хотелось.

– Не веришь, – заключила Рыжая и резко поднялась, со стуком поставив на стол кружку.

Она убежала так быстро, что не было времени даже извиниться. Художница, видимо, обиделась, но чушь, которую она несла, была несусветной. Кто бы в нее поверил?! Впрочем, Рада ошибалась, соседка оказалась не обидчивой, а просто странной. Она вернулась через минуту с большой картиной в руках. Похоже, все свои шедевры Рыжая хранила дома.

– Смотри! – гордо ткнула она пальцем в усыпанную желтой листвой аллею, ведущую в глубину осеннего парка к старому бронзовому фонтану в виде нескольких пухлых младенцев с кувшинами вокруг каменного цветка. Красивый пейзаж, но самый обычный. Рада с улыбкой посмотрела на аллею и охнула. По полотну словно пробежала рябь, подул едва заметный ветер, и листья на дорожке разлетелись по сторонам, обнажив темно-серый мокрый асфальт.

– Они всегда так. – Рыжая махнула рукой, не обращая внимания на потрясенный взгляд Рады. – К вечеру снова засыплет всю аллею. Такая работа хорошая! – обреченно покачала головой художница. – Только вот кому ее продашь такую-то? Стоит у меня в углу.

– Я думаю, такая она стоит еще дороже… – Справиться с шоком не удавалось, и Рада сидела с открытым ртом. В голове не укладывалось, что все это происходит на самом деле.

– Нет уж. – Художница даже отступила на шаг и нахмурилась. – Не хочу попасть в какую-нибудь лабораторию… я лучше уж буду молчать и тебе советую. У нас в городе спокойно относятся к колдунам и ведьмам, некоторые даже в дома с привидениями верят, но, думаю, расскажи я о своих картинах, мигом упекут в «дурку». Вот я и молчу… так спокойнее.

– Это невероятно, такого не бывает… – Рада потрясенно покачала головой.

– Ага, – невесело хмыкнула Рыжая и достала из кармана пачку тонких сигарет с темным фильтром. – На свое плечо посмотри! Очень удобно не верить в странные вещи, если не являешься их частью. Когда они происходят непосредственно с тобой, это сделать намного сложнее. Ну, прилетела тебе на плечо бабочка, смирись, и главное, не беги никому рассказывать. Хорошо вот, тебе попалась невпечатлительная я, а так могла бы

мигом оказаться в смирительной рубашке. С такими вещами стоит быть осторожнее.

– Ты права. – Рада затравленно покосилась на сигарету, зажатую в тонких пальцах Рыжей, сглотнула, но просить не стала. Она не курила и не собиралась. Только поступив на первый курс, пробовала и почти втянулась, но быстро поняла, что ей это не нужно, а сейчас вот захотелось закурить. Наверное, от нервов и переизбытка впечатлений. Но совершенно ни к чему.

Рыжая докурила и обратилась к соседке:

– Дай я повнимательнее рассмотрю твою бабочку. Как интересно… – Художница наклонилась так близко, что практически возила носом по плечу. – Судя по характерному рисунку на теле, напоминающему человеческий череп, это ночная бабочка, бражник или, как его еще называют, «мертвая голова».

– Мертвая голова?! – Рада передернулась. – Жуть какая!

– Это еще не самое жуткое… – Художница закусила губу. – Есть новость похуже. Я не знаю, откуда она взялась сначала на портрете, а потом у тебя на плече. Но точно могу сказать – я ее не рисовала…

– Ты же говорила…

– Да, но я никогда не рисовала бражников… Вчера на картине я заметила бабочку в первый раз, даже разглядывать детально не стала. Появилась и появилась, хорошо хоть не на носу. Разместилась гармонично на плече, переделывать не надо. Говорю же, с моими картинами такое бывает… Понимаешь, я ее не рассматривала, а сейчас вижу… это настоящий бражник, все полосочки на месте, рисунок на крыльях, череп…. Нет, я не рисовала.

– Но знаешь, как он выглядит?

– Знаю, я же художница. Мне свойственно подмечать детали.

– А что же это тогда такое?

– Представления не имею, но могу сказать, что, кроме меня, картину видел и трогал только твой прадед.

– Мне нужно понять, кто изображен на картине и откуда там взялась бабочка, – категорично заявила Рада. – Иначе спать спокойно не смогу! Так хоть за делом буду.

– Я тебе помогу, – пообещала Рыжая. – Чувствую себя в некотором роде виноватой. Откуда начнем поиски?

– Сейчас ниоткуда. – Рада сокрушенно покачала головой. – Мне нужно к нотариусу. Боюсь, что уже опаздываю. Опять придется вызывать такси!

– Ну ладно, тогда подумаем над этим вечером, – согласилась Рыжая. – И послушай моего совета. Не заморачивайся. Пока тебе бабочка ничем не мешает.

– Вот именно. Пока…

Глава 4
Городской вояж

Кафе «ОкулоFF» было маленьким и незаметным. Оно располагалось на цокольном этаже здания, принадлежавшего одной из крупнейших в городе нотариальных контор, и имело невзрачный вход со стороны заднего двора. Зато внутри заведение отличалось дизайнерскими интерьерами и изысканной кухней. Здесь царила атмосфера начала двадцатого века – все еще ощущался дух вычурного викторианства, но его уже теснили простые и строгие формы, которые пришли вместе с индустриализацией и техническим прогрессом.

Сюда не мог заглянуть случайный прохожий. Кафе «ОкулоFF» являлось заведением для избранных и не нуждалось в дополнительной рекламе. Сейчас в помещении было немного посетителей. Звучала ненавязчивая музыка, не заглушающая неспешные разговоры. По залу плыл запах свежесваренного кофе и дорогих сигарет. Кафе словно застыло во времени. Тут почти не чувствовалось веяние прогресса, даже телевизора не имелось, и посетители, обладая достаточно развитым воображением, могли представить, будто песня доносится не из колонок, а исполняется вживую.

Несколько клерков пили кофе. Они, словно братья-близнецы, отличались друг от друга лишь цветом галстуков и оттенком костюмов. Среди посетителей привлекали внимание двое. Первый – русоволосый парень, словно сошедший с обложки глянцевого журнала. Он тоже был в белоснежной рубашке и идеально подогнанном сером костюме, но без галстука. Молодой человек выделялся наглым, вызывающим взглядом пронзительно синих глаз. Он сидел откинувшись на спинку стула и неторопливо пил кофе. Видимо, никуда не спешил и вряд ли здесь работал. Слишком отчетливое презрение читалось на его лице, когда он бросал взгляд на очередного менеджера, суетливо допивающего кофе и ежеминутно косящегося на часы.

Второй выделяющийся из толпы посетитель больше походил на туриста, а не на клерка. Молодой человек положил ноги на стол, покрытый белоснежной скатертью, и увлеченно что-то набирал на планшетном компьютере. На парне была черная майка-борцовка, узкие джинсовые шорты и легкие кожаные сланцы. Солнечные очки, которые использовались как ободок, удерживали темные волнистые волосы и не давали им сползти на глаза. На парня косились снисходительно и неприязненно даже

официанты, здесь привыкли совсем к другим посетителям – красивым, дорого одетым женщинам и мужчинам в костюмах.

Хлопнула стеклянная дверь, которая соединяла помещение кафе и нотариальную контору, и в зале появилась высокая блондинка с волосами, забранными в гладкую прическу. Женщина лет тридцати была красива и, несмотря на жару, соблюдала дресс-код. Ее вишневого цвета строгий костюм сидел идеально, как и замшевые лодочки на высоченном каблуке.

София Морозова являлась правой рукой владельца нотариальной конторы – Дмитрия Сергеевича Окулова. Софию уважали, побаивались и про себя звали кто Снежной королевой, а кто Снежной бабой, но она не обращала внимания ни на первых, ни на вторых. Женщина обвела пристальным взглядом мигом притихших клерков, бесцеремонно хлопнула по плечу нахального парня в шортах и прошипела:

– То, что тебя взяли программистом, не является поводом вести себя, словно свинья! Ноги со стола убери!

Бросив это, она, не останавливаясь ни на секунду, двинулась в глубь зала. Новый программист скорчил недовольную гримасу, но ноги со стола все же убрал и снова уткнулся носом в планшет.

– София, какая приятная неожиданность… – Мягкий баритон заставил женщину поежиться, но она все же выдавила из себя приторную улыбку:

– Нет, неожиданность – это твое присутствие в городе, а не мое…

– Не скажи, я, как и ты, предпочитаю жить здесь.

Молодой человек жестом пригласил Софию присесть. Она на секунду задумалась, но потом грациозно опустилась на услужливо отодвинутый официантом стул. На ее лице застыло любезное, но настороженное выражение. Несмотря на то что парень был как минимум на пять лет младше ее, София заметно его опасалась.

– Но, тем не менее, в последнее время ты отсутствовал, – осторожно заметила она, внимательно рассматривая парня кошачьими, зелеными глазами. Словно пыталась прочитать ответ у него на лице.

– На то имелись причины, поверь… и я не собираюсь тебе о них рассказывать.

– Меня не интересует, почему тебя здесь не было. – София взяла себя в руки, и сейчас ее голос звучал жестко и холодно. – Все вздохнули с облегчением, поверь. Многих гораздо больше интересует, зачем ты сейчас вернулся в город. Что ты здесь делаешь?

– Завтракаю, – слегка улыбнувшись, ответил молодой человек

и демонстративно приподнял небольшую белую чашку с дымящимся эспрессо. – Думаю, ты согласишься, что лучший кофе в городе делают именно здесь. Вот, зашел по старой памяти. Изменилась вывеска, название и интерьер, но, как я и предполагал, традиции сохранились. Не думал, что мой визит вызовет такой ажиотаж, и сама София Морозова спустится составить мне компанию…

– Не льсти себе, – презрительно бросила женщина. – Я, как и ты, просто зашла выпить кофе. Он ведь достаточно хорош, чтобы заставить тебя вернуться спустя столько времени. – Она недоверчиво усмехнулась, принимая из рук официанта высокий бокал с пенящимся латте.

– По-моему, достойная причина.

Молодой человек улыбнулся, поднимаясь со стула. Светлые волнистые волосы упали на лоб. Несмотря на короткую, аккуратно уложенную стрижку, челка все равно непослушно лезла в глаза, придавая строгому образу некую бесшабашность.

София невольно засмотрелась на сильную шею в вырезе белоснежной рубашки.

– Любуешься? – усмехнулся молодой человек, проследив за взглядом.

– Изучаю…

– Всегда к твоим услугам. – Он небрежно кинул деньги за кофе на стол и, отвесив женщине шутливый поклон, вышел.

София напряженно посмотрела синеглазому вслед, сделала глоток латте и, едва за ним закрылась дверь, поспешно встала, достав из сумки мобильный телефон.

– Дмитрий, у нас проблемы, – напряженно заметила она, уверенным шагом продвигаясь к стеклянным дверям, ведущим внутрь здания. – Источники не соврали. Александр в городе. Нужно быть начеку, подозреваю, он захочет спутать нам все планы.

София убрала телефон в алую сумочку и машинально поправила волосы. Женщина уже взялась за ручку стеклянной двери, но тут ее взгляд упал на программиста, который опять, как ни в чем не бывало, развалился на стуле, нервируя своим пляжным видом и позой заядлого бездельника. София терпеть не могла устроившихся по блату мелких нахалов. Парень раздражал неимоверно, будь ее воля – уволила бы его прямо сейчас, но пришлось только ядовито заметить:

– Мальчик, тебя работа не заждалась? Перерыва еще не было!

– Тетенька, – язвительно парировал он, не поднимая глаз от экрана планшетника. – Я работу могу и тут работать, а вы мне мешаете!

Парень демонстративно помахал планшетником, показывая, где сосредоточена вся его работа, и Софии не осталось ничего, кроме как уйти, хлопнув стеклянными дверями. Нахальный программист сегодня являлся меньшей из возможных проблем. Она еще успеет сказать в споре с ним последнее слово.

* * *

Конечно, после всех утренних мистических событий Рада опаздывала. Не хватило времени даже подобрать соответствующие украшения к коротким джинсовым шортам и свободному коричневому топу, девушка надела любимые медные браслеты с бусинами и первую попавшуюся висюльку на шею – крупный – бирюзовый камень на затемненной цепочке из непонятного металла. Торопливо сунула ноги в высокие ажурные сапоги из мягкой шоколадной кожи, схватила объемную сумку с кучей милых сердцу безделушек и выскочила за дверь, на бегу крикнув Рыжей: «Пока!»

Такси уже ждало у подъезда и спасло Раду от позорного опоздания. В результате к нотариусу она успела даже чуть раньше назначенного времени. Всю дорогу девушка сдерживалась, чтобы не начать грызть ногти от волнения и нетерпения. Казалось, такси движется очень медленно, а секунды убегают с невероятной скоростью. Чтобы лишний раз не дергаться, на часы Рада во время пути не смотрела. Поэтому удивилась, заметив, что до приема у нотариуса осталось еще больше десяти минут, а она уже прибыла на место.

Нотариальная контора, в которой ей назначил встречу Дмитрий Сергеевич Окулов, располагалась в исторической части города, не очень далеко от квартиры, полученной Радой в наследство.

Здесь не было новостроек и пугающих зданий из стекла и бетона. Мощенная булыжником дорога, сохранившаяся еще, наверное, с дореволюционного времени, старые липы с побеленными стволами по краю тротуара и ощущение замершего времени. Визуально все здания – невысокие и отреставрированные – относились к девятнадцатому – началу двадцатого века. На первых этажах располагались разные фирмочки и маленькие магазинчики, а верхние этажи почти все были жилыми. Нотариальная контора находилась в угловом двухэтажном доме с белыми колоннами и занимала оба этажа. В старинном особняке странно смотрелась белая пластиковая дверь со стеклом и черная вывеска с серебряными буквами – они

выбивались из общего стиля провинциального города девятнадцатого века.

Девушка замерла на тротуаре, разглядывая здание и не решаясь зайти внутрь, перед глазами поплыла дымка, и на секунду мир вокруг преобразился – исчезли вывески, фасады зданий посветлели, а за спиной Рада услышала цокот копыт по брусчатке. Девушка испуганно обернулась, но лишь с неудовольствием заметила на парковке перед зданием знакомый мотоцикл, сверкающий на летнем солнце хромировкой. Медленно повернулась лицом к нотариальной конторе, но и она выглядела обычно.

Рада испуганно подумала, что в последнее время ее сознание творит странные вещи. Это пугало, но не больше, чем вчерашний мрачный провожатый. С ним встречаться не хотелось. Но здание нотариальной конторы большое, не сложно будет разминуться с неприятным владельцем хромированного монстра. Правда, мечты не сбылись. С Бером девушка столкнулась в дверях, из которых он выскочил с такой скоростью, что едва не сбил ее с ног.

Рада пискнула и отскочила в сторону, но не дождалась ни извинений, ни элементарного приветствия. Бер пролетел мимо и вскочил на свой мотоцикл. Казалось, парень не переодевался со вчерашнего дня – та же темно-серая водолазка с высоким горлом и потертые джинсы. «Грубиян!» – пробормотала себе под нос девушка и вошла внутрь, сердито хлопнув дверью. На душе остался неприятный осадок. Хоть Раде и не понравился вчерашний провожатый, но он мог хотя бы сказать: «Привет!» Обычная, ни к чему не обязывающая вежливость. Обидно, что единственный знакомый парень в этом городе даже не счел нужным поздороваться!

У нотариуса было скучно. Раду в холле встретила высокая стройная дама, будто шагнувшая из сериала про юристов: бордовый костюм со слишком откровенным для офиса декольте, профессионально подведенные кошачьи глаза и платиновые волосы. Знающая себе цену Снежная королева. Рада даже почувствовала холод, исходящий от нее. По спине пробежали мурашки – неприятное ощущение, которому девушка постаралась не придавать значения.

Женщина с вежливой улыбкой усадила Раду в кресло и попросила чуть-чуть подождать. «Чуть-чуть» растянулись в полчаса, которые девушка коротала, пролистывая старый журнал о жизни звезд. Кроме него на журнальном столике лежали только местные газеты и какое-то финансовое обозрение. А планшетник, хорошо помогающий скрасить часы ожидания, как назло, остался дома.

К счастью, время ожидания наконец-то подошло к концу, и следующие полчаса Рада слушала и пыталась не утонуть в потоке информации. Из кабинета вышла с ворохом бумаг и кучей наставлений. Предстояло посетить десяток местных инстанций, и все это вызывало тоску и головную боль. Зря девушка надеялась, что вступление в права наследования – это быстрый и безболезненный процесс. К тому же времени для сбора всех документов было не так уж и много.

Нотариус с незапоминающимся лицом объяснял что-то про полгода со дня смерти завещателя, но девушка не вникала, уловив только, что на все про все у нее чуть меньше двух недель, а некоторые справки делаются небыстро, поэтому заказать их нужно вот прямо сейчас, а лучше вчера.

В коридоре Рада постаралась запихнуть все тридцать три бумажки в объемную, но не предназначенную для переноски документов сумку и, конечно же, рассыпала листы по полу, выругалась и принялась сгребать их в одну кучу, проклиная себя за неуклюжесть. Сидя на пыльном полу нотариальной конторы и пытаясь сложить стопкой ворох бумаг, девушка чувствовала себя неловкой коровой и испытывала единственное желание – убежать отсюда как можно дальше.

– Позволите? – голос низкий, бархатный, заставивший вздрогнуть, прозвучал где-то совсем близко. Рада вскинула голову и увидела перед собой пронзительно-синие глаза с темно-серыми вкраплениями возле маленького, со спичечную головку, зрачка. Цвет радужки был настолько неестественным, будто светящимся изнутри, что девушка даже не смогла сначала разглядеть лицо их обладателя, только завороженно кивнула в ответ на предложенную помощь.

Молодой человек лет двадцати пяти в идеально сидящем сером костюме-тройке ловко собрал все листы и с улыбкой протянул их Раде. Сердце забилось так часто, что казалось, разорвет грудную клетку, а по губам расплылась глупая улыбка. Парень был красив. Светлые, коротко подстриженные волосы, волевой подбородок с небольшой ямочкой, открытая улыбка и светящиеся глаза – оказывается, в городе живут не только хмурые, недовольные буки.

Рада, не отводя взгляда от лица незнакомца, завороженно кивнула и хрипло пробормотала «спасибо», а парень весело ответил:

– Не за что, – и исчез в коридоре, оставив после себя шлейф дорогого древесного парфюма.

– Нужно было ловить… такие не каждый день пробегают мимо, – задумчиво пробормотала Рада и на негнущихся ногах

двинулась к выходу. «Интересно, каковы шансы, что мы где-нибудь встретимся вновь? Я ведь даже не узнала, как его зовут…»

После полумрака офисного коридора на улице оказалось ослепительно ярко и тепло. В старом здании с толстыми стенами и небольшими окнами даже летом не исчезла влажность, и Рада немного замерзла, поэтому сейчас с удовольствием жмурилась под обжигающими лучами. Через час она их, конечно, проклянет и будет мечтать оказаться в тени, но пока было просто хорошо, и девушка старалась не думать о том, насколько утомительна может быть летняя пыльная жара.

Встреча с синеглазым незнакомцем значительно улучшила настроение, и девушка решила не брать такси до дома. Рыжая примерно объяснила, как добраться, и даже нарисовала внятную карту на помятом листе бумаги в клетку. Нужно было начать изучение города, в котором Рада планировала провести ближайшие два месяца. В конце концов, ездить на такси летом – преступление против здорового образа жизни.

Пока неспешно брела по раскаленному солнцем асфальту, девушка успела позвонить маме и наврать про практику, испытать прилив угрызений совести, перезвонить Кириллу и рассказать правду, избегая упоминаний о мистических событиях. Поплакаться из-за нелюбви лгать родителям, получить шутливые наставления, щедро сдобренные Димкиными язвительными комментариями, и немного успокоиться. Кирилл прав. Раз уж задумана ложь, нечего сворачивать с середины пути. В конце концов, папа и мама тоже неправы. Неужели хорошая квартира будет лишней? Вряд ли они могут обеспечить троих детей жилплощадью, так какой смысл вставать в позу из-за ссоры, случившейся восемнадцать лет назад? Тем более один из ее участников уже почти полгода как умер. Этого Рада не понимала.

Она задумалась и, не посмотрев по сторонам, двинулась по пешеходному переходу, лишь краем глаза отметив белые полосочки на проезжей части. Неожиданно плечо обожгла такая боль, что девушка резко замерла, схватившись рукой за рисунок бабочки. Она затормозила лишь на миг, но этого мгновения хватило, чтобы оценить ситуацию и резко отпрыгнуть назад на тротуар, едва не сбив подошедшую к переходу старушку. По тому месту, где секунду назад стояла Рада, на полной скорости пронесся огромный черный джип, массивные колеса чиркнули по бордюрным кирпичам. Автомобиль мог раскатать ее по раскаленному асфальту так, что не осталось бы даже мокрого пятна.

Сзади возмущенно выругалась бабка, проклиная на чем свет стоит водителя, все автомобили и технический прогресс в целом,

а Рада поняла, что не может ей даже ответить. Дыхание вырывалось со свистом, к глазам уже не первый раз за день подступили слезы, а ладони стали влажными от пота.

Она, сдерживая рыдания, на негнущихся ногах отошла в сторону, нервно сглотнула и попыталась отдышаться и прийти в себя. Уже второй раз в этом городе она оказалась на волосок от смерти. Вчера ее спас Бер, а сегодня – появившаяся на плече странная бабочка. «Что за чертовщина такая творится? Как подобное может быть? Откуда боль, и почему так вовремя? – панически размышляла девушка и с тоской смотрела на дорогу. – У меня началась черная полоса? Или еще что похуже?»

Рада уже почти решила взять до дома такси и больше не искушать судьбу, но потом передумала, убедив себя, что все неприятности случайны и не стоит забивать ими голову. Девушка была далека от различных мистических учений и не любила сдаваться. Мир вокруг виделся простым и понятным, и пусть он таким и остается.

Придурков, которые не тормозят перед «зеброй», много, и не только здесь. Недаром папа – водитель со стажем, сам всегда уважающий пешеходов – не раз говорил Раде, что машина большая и железная, а дочь у него хрупкая. Поэтому, независимо от правил, «больших и железных» стоит пропускать, а по пешеходному переходу идти только тогда, когда все автомобили уже остановились. Простое правило, которое спасает жизнь. Сейчас девушка про него забыла и едва не пострадала. Нет смысла искать в этом эпизоде еще какую-то подоплеку, во всем виновата невнимательность и халатность.

Но настроение испортилось, и Рада недовольно побрела к ближайшему светофору, решив сегодня больше не экспериментировать с прогулками по нерегулируемым «зебрам». Лучше пять минут постоять и перейти дорогу в толпе.

Чтобы немного себя подбодрить, девушка зашла в небольшой уютный магазинчик за мороженым. Внутри народа практически не было – молодая мама с ребенком и странная женщина средних лет, отсутствующим взглядом уставившаяся на входную дверь. Посетительница в теплом, не по погоде, бежевом плаще стояла в центре зала, словно статуя, не замечая никого вокруг. Рада, стараясь не выдать свою заинтересованность, обогнула неподвижную фигуру и остановилась у прилавка, дожидаясь, пока мальчишка лет шести выберет мороженое. Занятие это оказалось ответственным. Малыш менял свое мнение раза три, в результате его мать не выдержала и купила эскимо на свой вкус. Ребенок схватил разноцветный пакетик, резко развернулся и, даже не посмотрев по сторонам, кинулся к выходу. Рада хотела его

осадить, испугавшись, что ребенок налетит на женщину, замершую прямо у него за спиной. Резко обернулась, но мальчишка уже открывал дверь. Центр зала был пуст.

Мимо Рады пробежала молодая мама, поспешно засовывая деньги в кошелек, а девушка так и осталась стоять с открытым ртом. Было совершенно непонятно, куда делать еще одна посетительница.

– Вы что-то хотели или так, постоять зашли? – не очень вежливо окликнула Раду продавщица.

– Да, конечно. – Девушка медленно обернулась и ткнула пальцем в шоколадное эскимо.

– Дети, они такие. Шумные и непосредственные, – по своему растолковала недоуменный взгляд продавщица. – Появятся свои, и чужих будете воспринимать спокойнее.

– Что? – не поняла Рада, а потом, сообразив, о чем говорит продавщица, с улыбкой покачала головой. – Нет… я люблю детей, просто испугалась, что малыш собьет женщину, которая стояла на проходе, а ее уже и нет.

– Так и не было больше никого. – Продавщица пожала полными плечами. – Малой с матерью, да вы зашли. Померещилось с жары, наверное.

– Наверное… – потрясенно пробормотала Рада и, на автомате взяв мороженое, вышла на улицу. После случившегося в магазине стало совсем нехорошо. Чем дальше, тем больше странного происходило в этом городе. На минуту даже захотелось отправиться не в квартиру, а прямиком на электричку до Москвы, но потом девушка вспомнила, что придется объясняться с мамой и папой. И не только из-за практики, про которую она наврала, но и по поводу бабочки на плече, и решила, что не стоит торопить события.

По дороге она зашла в несколько указанных в списке инстанций и, просидев у кабинетов в общей сложности несколько весьма неприятных часов, добралась до дома ближе к шести вечера, когда палящее солнце перестало нещадно жечь черную макушку и лишь ласково согревало обнаженные плечи. В очереди в ЖЭК Рада снова видела странного человека с остановившимся взглядом. Он прошел в приоткрытую дверь мимо столпившихся у кабинета людей, даже не извинившись.

– А что, он без очереди? – автоматически поинтересовалась девушка и получила в ответ недоуменные взгляды.

– Кто? – не поняла женщина у двери и подозрительно покосилась на Раду. Девушка сглотнула и предпочла, потупившись, пробормотать:

– Простите, видимо, ошиблась.

Раде совершенно не нравилось то, что творится вокруг. Если один невидимый для остальных человек мог быть случайностью, то два – это уже пугающая закономерность, о которой лучше молчать. Ни к чему выставлять себя сумасшедшей.

Глава 5
Скамейка памяти

К тому времени, когда Рада доползла до квартиры, осталось одно-единственное желание: спрятаться под одеяло у себя в комнате и уснуть до утра. Девушка устала от творящихся вокруг странностей, от очередей и длинного, утомительного дня. Хотелось, чтобы он закончился и забрал с собой все, что внесло сумятицу в размеренную и комфортную жизнь.

Но Рыжая, встретившая на пороге, разрушила все планы. Художница была довольна, свежа и пританцовывала от нетерпения. Огненные пушистые волосы походили на заплетенную в косички, а потом распущенную гриву смешного пони по имени Ежик, который катал детей в парке недалеко от родительского дома.

– Какая-то ты замученная! Нужно кофе. Я сварю, – безапелляционно заявила Рыжая и, не дожидаясь ответа, отправилась на кухню. Легкая, светлая юбка до пят, сшитая из тонкого льняного материала, несмотря на скромный покрой, смотрелась провокационно, обрисовывая контур стройных ног похожей на фею девушки.

Рада вздохнула и покорно отправилась за соседкой, хотя ни кофе, ни разговоров не хотелось, но еще в меньшей степени хотелось что-либо объяснять и спорить, а просто уйти не позволяло воспитание. К тому же ей искренне нравилась Рыжая. Ни к чему ее обижать показным безразличием. Художница заражала энергией и не обращала внимания на хмурый вид соседки.

По кухне поплыл тонкий аромат кофе, и Рада внезапно осознала, что за весь сегодняшний день съела только одно мороженое. В холодильнике стоял йогурт, но хотелось чего-то посущественнее.

– Есть хочешь? – как ни в чем не бывало осведомилась Рыжая, и Рада, не удержавшись, воскликнула:

– Ты мысли, что ли, читать умеешь?

– Не-е-т, – опешила художница, как-то слишком уж активно отмахнувшись. Едва кофе по плите не расплескала. – Просто предположила… ну не хочешь, как хочешь. А то вон плов остался. На меня периодически нападает кухонное настроение, и я готовлю. Сама ем мало, поэтому приходится либо друзьям скармливать, либо выкидывать. Ой! – осеклась она. – Ты не обижайся, я плов предлагаю не потому, что все равно выкидывать.

Он действительно вкусный!

– Я не обижаюсь. – Рада искренне улыбнулась. На душе потеплело. Непосредственность Рыжей забавляла, а не раздражала. Хотя люди, которые слишком быстро вторгаются в личное пространство, раздражали, но Рыжая была исключением. Несмотря на этот недостаток, она оказалась удивительно приятной в общении.

Плов пах так вкусно, что Рада едва дождалась, пока он подогреется. Горячий, жирный, с крупными кусками морковки и сочными ягодами барбариса. У девушки потекли слюнки, и она съела всю тарелку, хотя порция, которую положила Рыжая, казалась просто огромной.

Рада и не представляла, насколько была голодна, пока тарелка не опустела. Сейчас стало намного лучше, напало сытое, умиротворенное спокойствие. Кофе девушка пила не торопясь, щурясь от наслаждения, маленькими осторожными глотками. Тревоги отступили на второй план, усталость прошла, а мир снова заиграл яркими красками. «Как мало нужно человеку для счастья», – подумала девушка, делая очередной глоток терпкого, горьковатого напитка, пахнущего корицей.

– Тебе надо погулять, – заявила Рыжая, дождавшись, когда Рада допьет кофе.

– Нет… я сегодня весь день гуляю! Нагулялась до тошноты, если честно.

– Сегодня ты весь день бегаешь по делам, – возразила Рыжая, – а тебе нужно погулять. – От нее оказалось непросто отвязаться. – Собирайся, покажу тебе город. К тому же сама не появлялась на улице уже… – Она задумалась. – Восемь дней.

– Восемь дней? – изумилась Рада, которая никогда не была домоседкой. В четырех стенах ей быстро становилось тесно. Даже украшения она предпочитала мастерить в гостях. Это не всегда удобно, но привыкнуть можно ко всему. Зато не скучно. – Как такое возможно?

– А вот так. – Рыжая пожала плечами. – Минусы творческой профессии. Обычно я выползаю хотя бы в магазин, а в течение учебного года еще и на пары, а тут так сложилось. Сессия закончилась, мама три дня назад заезжала с полными сумками еды, вот я и не выходила никуда. Незачем. С заказчиками по Интернету общаюсь, а друзья привыкли, что периодически я исчезаю на неопределенный срок.

– А мама почему у тебя так быстро уехала? Она живет где-то недалеко?

– Да. Она приезжает часто, но ненадолго. В деревне слишком большое хозяйство, чтобы оставить его на произвол судьбы: две

коровы, коза, поросенок, куры и мой младший брат. Отец нас бросил давно, когда Митька только родился. Мама воспитывала одна, работала с утра и до заката, но мы все равно едва сводили концы с концами, поэтому я начала очень рано работать. Сначала помогала маме, летом собирала ягоды и грибы на продажу, иногда сама продавала, но потом поняла – это совсем не мое. От физического труда на свежем воздухе меня тошнит. Рисовала я всегда, даже ходила в художественный кружок при сельском клубе. После одиннадцатого класса поступила сюда, на худграф. Мама честно предупредила, что практически не сможет мне помогать. Первые два года было очень голодно, но потом постепенно я стала рисовать лучше и лучше, подтянулись заказчики, и теперь я ничуть не жалею о своем выборе. Мама поставляет мне свежее мясо, молочко и овощи со своего огорода, а я живу себе в удовольствие, учусь и еще немного помогаю им с братом. Вот так. Вся моя нехитрая судьба в двух предложениях.

– Не похожа ты на деревенскую девочку, – усмехнулась Рада, восхищенно разглядывая свою хрупкую и утонченную соседку. Рыжая была настоящей представительницей богемы – непосредственная, немного странная, с пронзительным взглядом и бледной кожей. Сложно представить, как она доит корову.

– Я всегда умела хорошо приспосабливаться к любой ситуации. – Художница пожала плечами. – Везде принимают за свою. Так ты идешь гулять или нет?

– Пойдем, – махнула рукой Рада. – Только джинсы надену, а то к вечеру если и не похолодает, то комары налетят однозначно.

– Хорошо. А пока гуляем, озвучу мысли, которые мне пришли в голову. Они касаются того, где Степан Григорьевич мог взять ксерокопию репродукции и как нам найти нужную книгу.

Девушки медленно брели по пустынной, тихой улочке мимо старых домов, нижние этажи которых были кирпичными и утопали в земле почти по маленькие окна, а верхние – деревянными, как правило, с нарядными, цветными наличниками. Дома походили один на другой, но в то же время отличались своей неповторимой индивидуальностью. Где-то имелись небольшие палисадники с вычурными клумбами и лебедями, сделанными из старых покрышек, где-то резные наличники поражали воображение кучей завитушек и искусной столярной работой. Рада разглядывала их с интересом, проникаясь духом старинного города, а Рыжая болтала.

– Твой дед до последних дней работал на кафедре культурологии нашего университета. Он проводил много времени со студентами или в библиотеке. Я более чем уверена в том, что

книга, с которой он делал копию, где-то в университете. Мы можем завтра сходить сначала на кафедру, и если секретарь не в курсе и Семен Григорьевич делал ксерокопию не на их оборудовании, значит, наведаемся в библиотеку. Меня там хорошо знают и, думаю, дадут его формуляр…

– Из которого мы узнаем, какие книги он брал, – закончила за Рыжую Рада. Ей понравилось предложение художницы. То, что она говорила, имело смысл.

– Именно так. Очень удивлюсь, если мы не отыщем нужное. А сегодня я тебе покажу наш парк! – радостно заявила Рыжая и уверенным шагом направилась дальше по узкому тротуару. – Во-первых, там красиво. Во-вторых, есть крепостная стена, очень старая, которая относится к главной достопримечательности города – кремлю. В-третьих, из парка открывается непередаваемо прекрасный вид на реку. У меня есть пейзажи всех времен года. Но из разряда тех… непродаваемых… – Она недовольно сморщилась, намекая на свой удивительный талант.

– То есть место вдохновляющее? – Рада понимающе улыбнулась, испытывая неясную радость от того, что странности имеются не только у нее. Настроение улучшилось, к тому же девушка с момента выхода из дома не видела ни одного человека с остановившимся взглядом и почти смогла убедить себя, что утром они ей просто мерещились из-за перегрева.

– В парке всегда много народа – молодежь гуляет именно там, – продолжила рассказывать Рыжая, помахав кому-то рукой. – Можно встретить кого угодно, – прокомментировала она свой жест. – Поэтому знакомство с городом и его лицами нужно начинать именно отсюда. Ну и, как ты уже заметила, парк расположен недалеко от нас. Осталось только перейти дорогу.

Вообще, мы живем в старой части города. Если проехать по главной дороге южнее, то попадешь совсем в другой мир – современные здания, офисные и торговые центры, девятиэтажки. Там даже ритм жизни кажется быстрее и интенсивнее, но здесь мне нравится больше. У старой части города с дореволюционными постройками свое, особое очарование. Здесь культурный и исторический центр, а там рабочий и деловой.

– Но нотариальная контора отца Бера в старой части города, – задумавшись, отметила Рада.

– Это, как бы выразиться деликатнее… – медленно начала Рыжая, пытаясь подобрать нужные слова, но потом махнула рукой на это бессмысленное занятие. – Впрочем, к черту деликатность. Это – понты. Аренда и недвижимость в Старом городе баснословно дорогая, поэтому офисы здесь себе могут позволить только очень богатые люди. Такие, как папаша Бера. Он ведь не

местный. Несколько лет назад семья Бера перебралась сюда из Москвы. Его отец сразу же открыл нотариальную контору и подружился с мэром. Незаметно фирма Окулова стала самой крутой и популярной в городе. Кстати, вон и парк! Правда, красиво?

В парк, расположенный на краю старого крепостного вала, вела узкая тропинка, проходящая сквозь дыру в ограждении, и попасть туда можно было круглосуточно, в отличие от территории самого кремля, которую на ночь закрывали – массивные деревянные ворота восемнадцатого века запирали на засов.

Существовали, конечно, и красивые парадные, кованые ворота, ведущие на территорию парка, но ими, как пояснила Рыжая, пользовались редко. Располагались они совсем в другой стороне, и подойти к ним можно было, только миновав рыночную площадь и старые торговые ряды. Парк выглядел запущенно и походил на слегка облагороженный лес, через который вела мощенная тротуарной плиткой тропинка, заканчивающаяся на заросшем травой и незабудками склоне. С края вала открывался шикарный вид на извивающуюся в полях реку, небольшой остров вдалеке и россыпь похожих на горох домиков соседней деревушки. Здесь тропинка превращалась в широкую аллею с новыми лавочками на кованых ножках.

Со стороны реки доносилась музыка – на песчаном пляже жались друг к другу несколько небольших кафешек с выставленными прямо на песок столиками. Кусочек цивилизации на диком берегу с ракитами, полощущими ветви в проточной воде.

– Здесь действительно красиво, – согласилась Рада, вглядываясь в растекающийся по небу розовый закат, напоминающий пролитый на голубую скатерть клубничный кисель. – Умиротворяющее место.

– А то! – мечтательно вздохнула Рыжая, подойдя к краю холма и взглянув вниз на реку. – А зимой здесь такие классные горки! Можно улететь до середины реки! Вот даже признаться стыдно, но мы с университетской группой каждые выходные приходим кататься. Чудное зрелище: малые дети с мамашами, школьники и мы. – Рыжая усмехнулась и повернулась к Раде, по своему обыкновению резко сменив тему: – Пошли искать свободную лавочку, а то ноги устали.

С этим были проблемы. На лавочках, стоящих по краю вымощенной дорожки, сидели парочки, стайки девчонок, компании с гитарами или благообразные старушки, отмахивающиеся от комаров вениками из веток сирени, которая

росла на территории парка в огромном количестве.

Рыжая оказалась права. Парк действительно являлся местом паломничества всего города. Вечером, в приглушенном свете садящегося солнца, по чистым тропинкам прогуливалось много народа, и все освободившиеся места сразу же оказывались заняты вновь подошедшими людьми. Девушки неторопливо брели по высокому берегу, который в древности был крепостным валом. С одной стороны находился довольно крутой склон, ведущий к реке, с другой – простирался парк, деревья, кусты сирени, лавочки и тропинки, а за ними массивная и очень древняя крепостная стена, отгораживающая парк от города и оживленной магистрали.

Одна лавочка казалась особенной. Она стояла не в один ряд со всеми остальными, а чуть в стороне, на коротко стриженном газоне, была выполнена из темного камня, вероятнее всего, черного мрамора и походила больше на памятник, чем на место, где можно присесть. К тому же рядом стояла массивная ваза из такого же черного камня. Из нее торчал засохший букет цветов, а рядом на земле лежали искусственные розы.

На спинке лавочки сидела в одиночестве симпатичная грустная девчонка и смотрела прямо перед собой невидящим, потерянным взглядом. Синие узкие джинсы, патрули с яркими шнурками, олимпийка, а на голове кепка козырьком назад. Несмотря на всю свою обычность, девушка на лавочке словно находилась в другом измерении. Она была одна, не пыталась ни с кем заговорить, да и ее словно никто не замечал. Люди проходили мимо и даже не поворачивали голову в ее сторону.

– Это напоминание об одном трагичном случае. – Рыжая остановилась рядом с Радой и проследила за ее взглядом. – Лавочку установили в память о шестнадцатилетней девушке. В прошлом году она погибла. Разбилась, когда каталась с парнем на мотоцикле. Парню – ничего, а она неудачно упала на бордюр… Когда девушка была жива, на этом месте всегда собиралась компания, в которой ее очень любили. Ребята и нашли деньги на памятник… Ее парень до сих пор каждую неделю приносит сюда цветы.

Рада, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы, смотрела прямо перед собой, отчетливо понимая, кто сидит на спинке лавочки с остановившимся взглядом. От этого понимания становилось еще страшнее и хуже. Девушка могла принять многое, готова была поверить в странности, но всему есть предел. Видеть умерших людей, молчаливыми тенями наблюдающих за живыми, она не хотела.

– Рыжая. – Голос дрожал, когда Рада задавала

провокационный вопрос. – Это памятник, и именно поэтому на лавочке никто и не сидит?

– Все так! Но не будем грустить! Пошли дальше искать место под солнцем или, вернее, под луной!

– Пошли… – Девушка послушно двинулась следом, бросив прощальный взгляд на мраморную лавочку. Грустная симпатичная девчонка медленно исчезала в сгущающихся сумерках, а Рада внезапно успокоилась. Похоже, со странностями придется смириться, иначе они сведут с ума.

Глава 6
Бер

Темнело. Воздух сгущался, нарастал гул голосов. Казалось, после того, как вспыхнули фонари, народа на центральной аллее парка только прибыло. Какое-то время Рада боролась с желанием рассказать Рыжей о том, что, похоже, видит призраков, и почти проиграла сражение. Но тут среди разномастной, незнакомой толпы увидела Бера. Его компания расположилась чуть в стороне, у старого, неработающего фонтана, но девушка не хотела искушать судьбу и встречаться. Находиться недалеко от него было почему-то очень неуютно.

– Слушай, пойдем отсюда! – Рада оглянулась через плечо на Бера, который стоял, прислонившись к своему мотоциклу. Руки парень сложил на груди словно специально. Мышцы, как у героя боевика девяностых, хищно вздувались под тонким трикотажем темно-серой водолазки, а колючий взгляд из-под надвинутой на брови банданы, казалось, пронизывает насквозь. И еще Раде не нравился его мотоцикл – он являлся символом вседозволенности. Парк явно был пешеходной зоной, но, по всей видимости, не для Бера.

– До жути неприятный парень! Прямо аж в дрожь бросает!

– Ну, это ты зря, – не согласилась Рыжая. Она, в отличие от Рады, была бы не против подойти к компании, но послушно развернулась, подхватив приятельницу под руку. – Бер неплохой. Не понимаю, чем он тебе так не глянулся? Парень как парень! Даже вполне симпатичный и эффектный. Нужно как-нибудь нарисовать, колоритный типаж… заставить бы его раздеться… – мечтательно протянула она, сощурившись от удовольствия. И тут же стала похожа на кошку, пытающуюся стянуть со стола кусок колбасы. Рада этих мечтаний и восторгов не разделяла.

– Да ну! – Она махнула рукой, втайне радуясь, что тема призраков сама собой стала неактуальна. Обсуждать Бера было безопаснее. – Мрачный, с этим тяжелым взглядом и темными водолазками – он пугает, и вообще в нем чувствуется нечто звериное. Ты сама его не боишься?

– Нет. – Рыжая беспечно пожала плечами. – Он не сделал мне ничего плохого. А по поводу мрачности, так у всего есть причины, и у этого тоже. Причем очень даже весомые.

– А причины внушать ужас одним взглядом?

– Ну, это просто у тебя разыгралось воображение. Вот и все.

– Ну, так развей мои страхи. Расскажи о причинах мрачности

Бера. Вдруг я проникнусь и оттаю?

– Понимаешь, – не очень охотно продолжила Рыжая. Видимо, желая вступиться за своего знакомого, она начала разговор, который сама не очень хотела продолжать. – Когда четыре года назад Бер с родителями приехал в наш город, местная газета тут же опубликовала скандальную статью. Прошлое, от которого бежала семья Окуловых, настигло их и здесь. Признаюсь честно, я не осталась в числе равнодушных и даже глянула в Интернете подробности этой истории.

– Какая история?

– Сейчас постараюсь рассказать тебе то, что знаю сама. Только учти, я не настолько хорошо знакома с Бером и от него самого это не слышала. Он не распространяется о прошлом, и, сама понимаешь, не многие решаются спросить… Так вот, в Москве жила обычная семья необычного достатка. Папа – крутой делец, нечистый на руку, то ли юрист, то ли депутат, то ли нотариус. Врагов у него было много и покровителей немало. Жесткий, если не сказать жестокий, беспринципный. Совсем непонятно, как с ним уживались утонченная жена и похожий на нее сын. Артем Окулов – подающий надежды музыкант, ребенок тонкой духовной организации. Короче, не парень, а оранжерейный цветок…

– Бер? – усмехнулась Рада, представив верзилу со скрипкой.

– Подожди, я тебе пока рассказываю счастливую часть этой истории. Отец сыном был не очень доволен. Не его поля ягода. Такого в дело не возьмешь, и бизнес такому не оставишь. Но заниматься Артемом ему было некогда, и парень играл на своей скрипке, читал книжки и ни о чем не знал заботы. А иногда на отца нападала тоска, и он начинал делать из сына мужика. Брал с собой то в сплав на байдарках, то в конный поход по побережью озера Байкал. Мужик из Бера не получался, отец бесился, но скоро забывал до следующего раза.

Летом, когда Артему исполнилось четырнадцать, отец утащил его в очередное путешествие. По-моему, сплав по горным рекам. Но об этом прознал кто-то из врагов Окулова. Артема похитили и спрятали неизвестно где в окрестностях. С отца потребовали много денег и, подозреваю, что-то еще, а чтобы он воспринял ситуацию и условия всерьез, прислали палец…

– Бера… – У Рады перехватило дыхание. Смеяться и подшучивать резко перехотелось.

– Да. Представляешь? Мерзавцы отрезали две фаланги мизинца у этого оранжерейного цветочка, талантливого музыканта, мальчика, для которого самым страшным испытанием был поход на байдарках. Отец, конечно, подорвался и выполнил

все требования, но это заняло время. Артема искали все, кто только мог. Отец обналичил свои счета, занял денег у друзей и родни, продал некоторые вещи – на это ушло несколько дней. А на передачу выкупа никто не явился. То ли нужны были не деньги, а нечто другое, то, что Окулов уже сделал, то ли дела у преступников пошли как-то не так… неизвестно.

– А дальше?

– А дальше начинается еще более интересная часть. Куча поисковых бригад прочесала окрестные леса, поля, села и деревушки. Подняли на ноги кого только можно, но Артема так и не нашли. Он словно в воду канул. Его посчитали погибшим, а почти через три года он самостоятельно вышел в какой-то глухой поселок из леса. Уже таким.

– Как сейчас? – Рада украдкой бросила взгляд на Бера, от которого девушки ушли уже достаточно далеко.

– Более или менее. Родители думали, он свихнулся. Все же цветочек и подающий надежды музыкант. Летели за ним со слезами на глазах – я видела фотку матери в самолете… Но Артем не спятил, просто одаренный мальчик исчез, и на его месте …

– На его месте появился Бер, – закончила Рада.

– Он никогда не снимает водолазку, по крайней мере, на людях. Даже летом, когда мог бы радовать всех своим обнаженным торсом. Говорят, потому что все его тело покрыто ужасными шрамами – это память о нескольких годах ада…

– Похоже, ваших девчонок шрамы не пугают, – не удержалась Рада, пытаясь за язвительным комментарием скрыть потрясение.

– Конечно. – Рыжая невозмутимо пожала плечами. – Шрамы мужчину украшают. А потом, у Бера есть деньги и загадка, многих привлекает именно это, – добавила она и продолжила рассказ: – После приключившейся жуткой истории семья уехала из Москвы. Мать так толком и не оправилась, похоже, посчитала, будто сына подменили. Попрыгала вокруг него, пока он долечивался и проверялся в Москве, а потом уехала то ли в Париж, то ли в Лондон. Здесь бывает наездами. Когда гостит, от Бера не отходит, он ее тоже, можно сказать, только на руках не носит. Но, похоже, она его немного побаивается, и Бер это чувствует. Вот так-то, а ты говоришь – мрачный… Я не знаю, каким образом он окончил школу, говорят, экстерном, и как поступил на юридический, но учится он не хуже других. И если сначала сплетничали, что отец заплатил много денег, то ко второму курсу все смирились. С программой он справляется. Сейчас перешел на пятый курс…

– Я просто поверить не могу! Совершенно нереальная

история, думала, такое только в фильмах бывает! А что все-таки с ним произошло?

– Никто не знает. Исходя из его слов, похитители просто в один день исчезли. Вероятнее всего, ушли, получив желаемое, а Бер сбежал. Его держали в охотничьей хижине. Оттуда он выбрался, но заблудился в лесу.

– Почти на три года…

– Да. Он сказал, что практически ничего не помнит. Вроде бы бегал по лесу, прятался, коренья ел. Но… Рада, ты представляешь! Шрамы! Откуда они могли появиться? Как он лечил раны без элементарных бинтов и антибиотиков? Как он не погиб зимой от голода и холода? Ты вообще можешь представить, через что он прошел?

– Нет, – покачала головой девушка, чувствуя, как в горле встает ком. – Я не понимаю, как можно пережить такое и не спятить. Это нереально.

– Знаешь, почему он Бер? – неожиданно сменила тему Рыжая.

– Медведь?

– Я тоже так думала, это прозвище прикрепилось к нему уже здесь, в городе. Но нет, не медведь, а сокращенное от «берсерк.» Его практически нельзя вывести из себя, но если вдруг получится, лучше не попадаться на пути – снесет, как цунами.

Домой девушки пришли поздно. Пробирались по сонным улицам города практически на ощупь, потому что фонари выключили. Свет горел лишь в редких окнах трехэтажных домов, из которых состоял весь микрорайон. Три пятиэтажки на их фоне смотрелись настоящими высотками.

– Да, на освещении у нас традиционно экономят, – недовольно бухтела Рыжая, подсвечивая себе телефоном. – Самое главное, добраться вон до того перекрестка, там начинается наш двор, который неплохо освещен. Лампочки есть у каждого подъезда.

– Очень надеюсь, – фыркнула Рада, которая, впрочем, не страдала куриной слепотой и неплохо ориентировалась в темноте. Она, конечно, не могла сказать, что видит как кошка, но и проблем с ориентацией в пространстве не испытывала, с уверенностью огибая ямы на асфальте и канализационные люки. Да и окружающую обстановку могла разглядеть вполне сносно. Вот, например, сейчас ее внимание привлек припаркованный на входе во двор знакомый мотоцикл. Он стоял под прикрытием кустов, но все равно бросался в глаза, порождая неясное беспокойство.

«Что он здесь делает?» – испуганно подумала Рада и ускорила

шаг, вызвав недовольство Рыжей.

– Зачем ты так несешься?! – возмутилась она. – Я вообще ничего не вижу! Жесть! Куда свет-то делся?

Фонари, о которых говорила художница, сегодня не горели. Двор был погружен в плотную, непроглядную темноту. Даже Рада почувствовала себя неуверенно, пробираясь к подъезду по узкой тропинке мимо детской площадки. Протяжно и несчастно скрипнули качели, а Рада шарахнулась в сторону, едва сдержав испуганный крик. Зато ответ на вопрос Рыжей родился сам собой.

– Хочу побыстрее оказаться дома! – нервно заметила Рада, с опаской оглядываясь через плечо. – Судя по свету в окнах, проблем с электричеством нет. Просто, видимо, кто-то выключил уличное освещение.

– Здесь есть проблемы с живыми людьми! – буркнула Рыжая. – Район-то старый. Живут одни бабушки, а они в это время уже спят. Не то, что мы! Не удивлюсь, если одна из них в целях экономии выключила и уличное освещение!

Ощущение беспокойства не отпустило Раду, даже когда она оказалась в подъезде, и усиливалось с каждым шагом. Совершенно иррациональное, непривычное чувство, заставляющее вздрагивать от малейшего шороха.

Длинный и пустой коридор квартиры встретил тишиной. Здесь все было спокойно и по-домашнему уютно. Знакомо пахло давно высохшей краской и немного терпкими и сладкими духами Рыжей. Художница попрощалась и ушла к себе, а Рада замерла у двери в свои комнаты. Тревога не проходила.

Девушка прислонилась ухом к замку. Ей послышалось какое-то движение за дверью. Рада поспешно открыла замок и влетела в квартиру. Здесь было темно и тихо.

Включив свет, девушка остановилась, то ли приглядываясь, то ли принюхиваясь, и готова была поклясться – здесь кто-то хозяйничал. Она быстро обошла комнату в поисках подтверждения своих подозрений.

«Так и есть!» Рада заметила, что не все вещи лежат на своих местах. Например, кто-то переставил ее чемодан. Рядом с ноутбуком деда на гладкой столешнице остались отчетливо проступающие отпечатки, будто кто-то оперся об нее ладонями. От правой руки остался четкий отпечаток, а от левой – слегка смазанный. Рада пробормотала проклятье, когда заметила, что на отпечатке левой руки можно разобрать только четыре пальца. Это, конечно, ровным счетом ничего не значило, след от руки просто мог размазаться, но на душе стало гадко и тревожно.

Рада пробежалась по комнатам, но в спальне все осталось без изменений, а вот на подоконнике в зале девушка обнаружила

след от мужского ботинка – едва заметный, серый, он отпечатался на белом пластике.

Стало нехорошо. Сердце колотилось как сумасшедшее, а руки вспотели. Рада не могла поверить в то, что у кого-то хватило наглости забраться в ее квартиру. Причем был всего лишь один подозреваемый. Тот, кто очень сильно хотел попасть в квартиру деда.

Шум заводящегося мотоцикла подтвердил самые нехорошие подозрения. Ревущий звук растворился в тишине, унося с собой злоумышленника. Теперь Рада была уверена не на девяносто, а на сто процентов – в квартире хозяйничал Бер. Только вот что он здесь искал и зачем ему это нужно? Вряд ли его целью были ценности. Рада не прятала кошелек, он лежал здесь, на тумбочке, со всеми деньгами. Тут же валялись подаренные мамой золотые сережки-колечки. Ни то, ни другое не заинтересовало незваного гостя. Или Бер искал у деда нечто более ценное. Тогда зачем трогал ноутбук, но не взял?

Рада даже растерялась. В голове была каша, и девушка не знала, что делать. И здесь не было тех людей, которым она привыкла доверять и которые могли помочь дельным советом.

Первым порывом было вызвать полицию, вторым – кинуться к Рыжей и рассказать ей, третьим – позвонить братьям и напугать до икоты их, но потом Рада решила, что ни то, ни другое, ни третье не имеет смысла. Ни к чему пороть горячку. Из дома ничего не пропало, значит, полиция не кинется ловить Бера, скорее всего, просто покивает, проторчит тут полночи и потом закинет дело в дальний угол. А Рыжую просто не хотелось дергать. Они еще не были знакомы настолько близко. Вариант позвонить Кириллу и Димке казался самым привлекательным, но Рада не хотела их пугать. Они все равно ничем не смогут помочь.

Поэтому Рада постаралась успокоиться и взять себя в руки. Подошла к ноуту и нажала на кнопку включения. Замигал экран, пошла загрузка, и на синем фоне появилась белая строка и требование пароля. Видимо, Бер увидел то же самое. Но почему тогда не забрал ноутбук с собой? И какую информацию он на нем искал?

Рада не понимала, что творится вокруг, но с каждой новой неприятностью росло желание разобраться во всем. Правда, периодически оно сменялось паникой и девушке хотелось бежать из этого города со всех ног. Но сейчас страх пропал, осталась лишь злость. Рада решила завтра обязательно найти Бера и лично поинтересоваться, зачем он был в квартире деда.

Глава 7
Бабочки в животе

С огромного вантового моста Новый район в догорающем летнем закате смотрелся внушительно. Он завораживал и походил не на провинциальный городок, а на современный крупный мегаполис, в котором даже ночью кипит жизнь. Внизу, на недавно построенной развязке виднелись широкие светящиеся ленты фар. Несмотря на поздний час, машин все равно было на порядок больше, чем в Старом городе с его узкими улочками и дорогами, в некоторых местах все еще вымощенными брусчаткой. Эти отрезки являлись сущим наказанием для автомобилистов и гордостью администрации – подобное дорожное покрытие можно встретить разве что во Львове да еще в паре столь же старых и красивых городов. Ну, и в Кромельске.

Новая часть города, расположенная на левом берегу реки, появилась относительно недавно – в семидесятые годы двадцатого века. Она выросла вокруг крупного химического предприятия, загнувшегося чуть позже, в девяностые. В начале двухтысячных всю его немаленькую территорию превратили в огромный торгово-развлекательный центр, который пользовался популярностью даже у столичных жителей и предоставлял несколько тысяч рабочих мест.

В путаных кварталах многоэтажек, в темных подворотнях собирались наркоманы, а на ярко освещенных центральных улицах с магазинами, работающими круглосуточно, можно было встретить совсем другую публику – торопливых, одетых в офисные костюмы менеджеров, разъезжающую на дорогих машинах золотую молодежь и местных представителей элиты. Обычно они жили в респектабельной и тихой старой части, но вечерами нередко выбирались сюда, чтобы окунуться в пеструю и шумную ночную жизнь.

На парковке перед напоминающей свечку девятиэтажкой почти не было свободных мест, но темно-красная «Ауди» стояла свободно и гордо, словно олимпийская чемпионка на пьедестале. Рядом с ней никто не ставил свои авто. Опасались непростого характера ее хозяйки и не желали с ней связываться.

София бросила взгляд в окно и улыбнулась, чувствуя, как волнения и тревоги уходят. К ней с детства относились по-особенному, и это правильно. Она совсем не такая, как обычная серая масса мелких и жалких людишек. Ей доступно то, что большинству даже не снилось. Это касается и денег, и карьеры, и

некоторых личных особенностей.

Тонкие пальцы с острыми, покрытыми темно-вишневым лаком ногтями нервно барабанили по пластиковому подоконнику. Клац, клац, клац – выбивали они неизвестный ритм. София неподвижно смотрела на фонари, освещающие двор. На строгом, скандинавском лице почти не было макияжа – лишь темная тушь на ресницах. Впрочем, София и не нуждалась в украшении – идеальная, гладкая кожа, отливающая жемчужно-лунным в приглушенном свете неяркой лампы. Изумрудные, холодные глаза и широкие скулы – Снежная королева. Ей самой нравилось это прозвище.

– Как наши успехи? – она наконец подала голос, обращаясь к кому-то у себя за спиной.

– Пока ничем порадовать не могу.

– Она получила силу?

– Да.

– В чем же проблема? Мне кажется, все бы уже должно закончиться. – В голосе звучит лед. – Чем быстрее, тем для нас лучше и проще…

– Пока не получается, хотя мы стараемся, но есть проблемы…

– Какие?

– Сила защищает…

– Пока эту защиту пробить просто, дальше будет сложнее. И ты это прекрасно знаешь. Не понимаю, к чему медлить. Как только она поймет, на что способна, будет сложно победить.

– Сегодня была попытка, которая закончилась неудачей. Мы планировали проникнуть в дом, но…

– Что «но»?

София обернулась резко и сделала стремительный шаг в глубь комнаты. Даже в длинном шелковом пеньюаре она смотрелась как в офисном костюме – строго и по-деловому. Безукоризненная укладка, прямая спина, сосредоточенное, неулыбчивое лицо.

– Нас опередили… – глухо отозвался мужчина.

София взяла с низкого журнального столика бутылку мартини и плеснула себе в широкий бокал на длинной тонкой ножке. Он походил на изящную стеклянную воронку.

– Кто опередил? – Женщина прищурилась, бокал с мартини в ее руке дрогнул.

– Кто-то… – В голосе ее собеседника промелькнуло раздражение.

– Ты хочешь сказать, он опять влез в неприятности? – София не смогла скрыть язвительный смешок. – Слушай, скоро придется принимать меры! Ты это понимаешь?

– Не он, – раздраженно отрезал мужчина. – Точнее, не только он. Есть причина посерьезнее, и ее должна устранить ты, иначе ничего не выйдет…

– Все же я была права. Александр появился здесь не просто так!

София раздраженно сделала глоток и снова отвернулась к окну.

– Это та сила, которую остановить не удастся. Пытались многие, однажды это практически получилось, но нам тягаться с ним бессмысленно. Эту силу необходимо опередить, обойти, перехитрить… Александру нужно не то же самое, что нам. Мы успеем. Действуй энергичнее, обратись к твоим слишком активным друзьям. Думаю, они те, кто нам сейчас поможет. И если мы провалим это задание, придется несладко всем. Ты должен понимать. Слишком многое поставлено на кон.

– Хорошо. Завтра, думаю, все закончится. Просто нельзя действовать в открытую, в лоб. Нужно быть осторожнее, все должно выглядеть случайностью…

– Наших оппонентов не проведешь.

– Ты, как всегда, права, но формального повода вступить с нами в противостояние у них не будет. Прости, но я не хочу заявлять о своих планах открыто. Нам тут не нужна война.

– Вынуждена согласиться, – спустя несколько секунд осторожно заметила София, чувствуя, как спадает напряжение собеседника.

– У тебя все готово? – поспешил он сменить тему.

– У меня давно все готово. Как только ты сделаешь свою работу, мы будем свободны.

В пустой, безлюдной квартире было неуютно и страшно. Собственные шаги казались оглушительно громкими, хотя Рада старалась передвигаться на цыпочках. В темных углах мерещились неясные, дрожащие тени, и девушка, не выдержав, включила во всех комнатах свет. Стало чуть лучше, но все равно беспокойство и неясная тревога не исчезли. Особенно не по себе было из-за того, что Рада понимала – тот, кто проник в квартиру один раз, может навестить ее еще. Например, ночью, когда она спит. Вдруг уже навещал, просто она спала и не заметила? А он стоял, наблюдал, рассматривал…

Хотелось запретить себе думать о плохом, но мысли вновь и вновь возвращались к вечерним событиям. Рада давно стерла след ботинка с подоконника, но он слишком хорошо врезался в память, как напоминание о том, что здесь небезопасно. Девушка боролась с искушением, проснувшись утром, бежать по городу в

поисках того, кто установит на окна решетки. Жаль, но на это денег точно не хватит. Имеющийся у нее лимит не безграничен.

Рада переоделась в легкий светло-голубой халат и достала из чемодана длинную шелковую сорочку цвета шампанского. Девушка любила дорогое белье и красивые ночнушки, хотя периодически не гнушалась и веселенькими пижамками с умильными котятами на груди и попе. Но такое случалось нечасто. Пижамки Рада обычно надевала тогда, когда хотела уюта, тепла и почувствовать себя маленькой девочкой. В те моменты, когда нужна была уверенность, девушка предпочитала кружева и тонкий, дорогой атлас.

Каждый по-своему борется с трудностями и пытается вернуть уверенность себе. Рада делала это с помощью красивого белья. У нее были комплекты на все случаи жизни. Для сложного экзамена, для важного разговора, для девичника и, конечно, для свидания. А эта купленная на две повышенные стипендии сорочка помогала успокоиться и собраться перед важным днем или, как сегодня, пережить тревожную ночь.

Рада, сжав зубы, пообещала себе быть сильной, включила горячую воду и шагнула в душевую кабину, жалея, что здесь нет ванны – большой, глубокой, которую можно заполнить водой с ароматной, ласкающей кожу пеной. Девушка специально включила напор посильнее и теперь мужественно стояла под обжигающими, хлещущими струями. Сначала было даже неприятно, но постепенно вода снимала напряжение с усталых плеч, мышцы расслаблялись, а тревоги уходили.

Из душа Рада выползла расслабленная, раскрасневшаяся и сонная. Ноги стали ватными, и навалилась скопившаяся за долгий день усталость. Прохладный шелк ночной сорочки приятно ласкал кожу при каждом движении. Девушка посетовала про себя на то, что нельзя постоянно ходить так, облачившись лишь в тонкий скользящий материал. В нем она чувствовала себя первобытной нимфой, и это было прекрасное чувство. Нимфы созданы для любви и удовольствия, им неведомы тревоги.

В кровать Рада ложилась с улыбкой. Девушка любила комфорт и красоту. Вчера, второпях, она не смогла найти достойные простыни – такие же изысканные, как белье, которое предпочитала носить, но пообещала себе исправиться в ближайшие дни. Нужно только спросить у Рыжей, где есть хороший магазин. Засыпала Рада, полностью успокоившись, с чувством, что никакая опасность сегодня ей не грозит, все неприятности остались в прошлом, а завтра будет новый день, и он обязательно окажется удачнее, чем предыдущий. В трудные дни Рада говорила себе: «Завтра будет лучше, чем вчера!» – и

часто подобное убеждение срабатывало. Мама называла это «позитивным настроем», а Димка – «инфантильным идиотизмом». Воспоминания о семье вызвали улыбку, и Рада заснула, успев подумать о том, что сегодня закрутилась и забыла позвонить домой.

Сон затягивал как омут – темный и глубокий. Только тонуть в мутных водах на сей раз было совсем не страшно, а наоборот, приятно и волнительно. Жар рождался на кончиках пальцев, и словно ток пробегал по венам, заставляя сжиматься от наслаждения каждую клеточку тела, и срывался с губ тихим, хриплым стоном.

Рада выгнулась на кровати и протянула руки к тому, кто осторожно коснулся поцелуем губ. Сон оказался совершенно сказочным и в то же время реальным. От этого становилось страшно и сладко. Девушка не удивилась появлению в сновидениях синеглазого незнакомца – он был притягательно красив и засел в сердце. Но она и предположить не могла, что почувствует во сне силу его рук и попробует на вкус губы – нежные, пахнущие мятой и ментолом.

Дыхание опалило щеку, влажный язык прочертил дорожку сначала к мочке уха, а потом вниз к шее, задержался на пульсирующей вене. Нежную кожу обжег несильный укус. Рада тихо вскрикнула от неожиданности и подалась навстречу скользнувшим по груди рукам. Они сминали тонкий шелк рубашки и заставляли прогибаться в пояснице, стараться быть ближе, прижиматься теснее.

Девушка вцепилась в жесткие, светлые волосы Синеглазого, когда горячий влажный язык очертил ореол соска сквозь тонкую ткань ночной сорочки. Сжала коленями сильные мужские бедра, с раздражением ощущая не горячую кожу, а грубый материал джинсов, и тут же рванула пряжку на кожаном ремне.

Синеглазый слегка отстранился и хрипло засмеялся, услышав недовольный стон. Рада открыла глаза и сразу же утонула в светящейся синеве. Она завораживала, сводила с ума и заставляла терять голову. Девушка приподнялась на локтях и сама впилась в притягательные губы жадным поцелуем, для того чтобы спустя секунду рухнуть на спину под весом тренированного мужского тела, задохнуться от острого желания и через мгновение очнуться в пустой кровати.

Сердце стучало как бешеное, дыхание сбивалось, а руки все еще дрожали. Влажные пряди волос прилипли ко лбу. Рада сглотнула и села, чувствуя, как к щекам приливает краска. Второй раз ей снился реалистичный и слишком яркий сон. После вчерашнего сна у нее на плече появилась бабочка, а сегодня… Об

этом даже думать не хотелось. Но тело все еще ныло от смелых ласк, а сорочка изрядно помялась.

Несмотря на то что Синеглазый произвел впечатление, в этот сложный день было не до него. Девушка почти не думала о красивом лице и поджарой фигуре парня, но сон не просто вернул мимолетную вспышку симпатии, он ее усилил, перевел на новый уровень, и это Раде совсем не нравилось.

Какой смысл испытывать легкую, кружащую голову влюбленность и желание к молодому человеку, которого, скорее всего, даже не увидишь? Закончившийся так неожиданно сон оставил после себя стыд и болезненную неудовлетворенность.

Рада встала с кровати, медленно подошла к окну и прислонилась пылающим лбом к холодному стеклу. Она стояла так, не двигаясь и не поднимая глаз. А над городом медленно светлело небо. Летом ночи короткие, и первые лучи солнца уже появились на кромке неба алыми, огненными всполохами.

Девушка чуть отстранилась от окна и взглянула вдаль. В серой утренней дымке восходящее солнце казалось умытым кровью. Рада внезапно поняла – бесполезно убеждать себя перед сном в том, что все будет хорошо. Похоже, хорошо не будет до тех пока, пока она не поймет, какая же чертовщина творится в этом городе.

Глава 8
Секрет цыганки

Рада так и не рассказала Рыжей о ночном визите неизвестного и уж тем более не стала распространяться о слишком волнующем сне. При воспоминании о нем до сих пор бросало в жар. За завтраком Рада чуть не проболталась, но ее соседка была сонной, от этого чумной и сразу предупредила, что в таком состоянии не может адекватно реагировать на события и поддерживать осмысленный разговор. Она пояснила – это не зависит от настроения и случается каждое утро. Момент оказался упущен, и Рада решила молчать обо всех странностях. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснит все сама. Она уже поняла – Рыжая относится к Беру с симпатией, и поэтому высказывать свои необоснованные подозрения не имело смысла. Кто знает, как на них отреагирует художница? Ссориться с ней не хотелось.

Чем Раде безусловно понравился Кромельск, так это тем, что в пределах Старого города до любой точки можно было добраться пешком. Вот и в университет они с Рыжей отправились неспешным шагом мимо парка, вдоль крепостной стены по узкому ровному тротуару, залитому обжигающим летним солнцем.

Здесь чувствовался дух древности. Казалось, закрой глаза – и мигом перенесешься куда-нибудь в далекое прошлое. Но Рада этого не делала, слишком хорошо она помнила свои ощущения вчера перед зданием нотариальной конторы. Вообще, этот город притягивал и отталкивал одновременно. С одной стороны, несмотря на все странности, Рада чувствовала себя здесь как дома – ей нравились мощеные дороги, утопающие в зелени дома и белоснежная стена кремля, с другой – еще никогда в жизни Рада так сильно не боялась. Правда, девушка не была уверена, что в ее страхах повинен сам город. Все мистические, необъяснимые странности начались после той ночи, когда на плече появилась бабочка. Сильнее всего хотелось узнать, почему так произошло и кто за этим стоит. Единственной маленькой зацепочкой был портрет, который копировала Рыжая. Рада верила – если узнает, кто на нем изображен, то поймет и все остальное.

Солнце палило нещадно, и навстречу постоянно попадались люди с полотенцами на плечах. Раде тоже хотелось купаться. С утра можно было сбегать на речку, тем более городской пляж располагался около старого крепостного вала и хорошо просматривался из парка, в котором они вчера гуляли с Рыжей.

От дома минут пятнадцать, не больше. Но девушка не пошла. Ждала, когда освободится художница.

Рада не думала, что обещание Рыжей: «скоро пойдем, только немного доделаю» – растянется до трех дня. Правда, художница успокоила, сказав, что летом в университете бесполезно искать кого бы то ни было до обеда. На кафедру даже секретарь приходит ближе к часу. Да и библиотека работает с одиннадцати утра до семи вечера. Поэтому и причин для паники нет. Пришлось поверить на слово и положиться на Рыжую, которая, безусловно, знала город и его жителей намного лучше, чем сама Рада.

Пятый корпус университета, где находилась библиотека исторической и культурологической литературы, кафедра культурологии и несколько больших аудиторий, в которых занимались студенты худграфа, располагался в старом, как и все в этом районе, двухэтажном здании. Напротив возвышался более современный пятиэтажный корпус, выбивающийся из архитектурного ансамбля района.

Внутри, за толстыми метровыми стенами из красного кирпича, было прохладно и тихо. Гулкое эхо шагов раздавалось по всему первому этажу. Рада старалась топать потише, но на каблуках это было невозможно. Они с Рыжей напоминали двух подкованных кобылиц. На топот выбежал круглый лысоватый вахтер. Увидев Рыжую, он заулыбался.

– Аленка, а тебе что не отдыхается? Уж по учебе соскучилась?

– Да нет, Михал Всильч, – ответила на улыбку художница. – Я по делам на кафедру культурологии. Есть там кто?

– А как же! Инга Игоревна сегодня здесь, ну и Наташенька, конечно же.

– О! – довольно воскликнула Рыжая. – А больше нам никто и не нужен. Спасибо, Михал Всильч.

– Да не за что, – крикнул вахтер уже из комнаты охраны.

Рыжую действительно хорошо знали. Молоденькая, немного старше самой художницы лаборантка Наташенька радостно заулыбалась и кинулась обниматься. А строгая, прямая как трость заведующая кафедрой Инга Игоревна сначала недовольно прищурилась, лишь слегка кивнув Рыжей, но потом тоже оттаяла. Особенно после того, как узнала, что Рада внучка Семена Григорьевича.

– Ваш дед был удивительным человеком. Если вы хоть частично унаследовали его живой ум, тот огонь, который горел в его душе, страсть к науке и творчеству, то замечательно впишетесь в наш учебный процесс. Я бы обрадовалась такой студентке. Кстати, вы уже выбрали себе специальность или еще

учитесь в школе?

– В университете, в Москве… – несколько растерянно ответила Рада. – Я искусствовед – в будущем…

– Даже не зная деда, выбрали специализацию, близкую к его. Вот это настоящая родственная связь! Вам все же стоит рассмотреть наш вуз. Мы возьмем вас с удовольствием.

– Но зачем мне это? – удивилась Рада. – Мне нравится университет, в котором я сейчас учусь. Не вижу смысла менять свою жизнь.

– Ну… – Инга Игоревна неопределенно пожала плечами. Ее лицо при этом не изменило выражение, оставшись невозмутимым. – Ситуации бывают разные. Вдруг провинциальная жизнь затянет вас так сильно, что вы решите остаться здесь. Наш город обладает гипнотической притягательностью.

Рада от изумления открыла рот, а пока придумывала достойный ответ, Инга Игоревна поднялась со стула, взяла сумку и, улыбнувшись, заметила:

– Приятно было пообщаться с вами, девушки, но мне пора. Я и так заработалась в отпуске.

К сожалению, на кафедре ничего не знали ни о репродукции, ни о том, чем в последнее время занимался дед Рады. Пока Рыжая трепалась с лаборанткой, которой, видимо, было скучно сидеть в одиночестве, Рада подошла к стене. На ней висел стенд с фотографиями, чем-то напоминающий выпускной альбом из советского прошлого: незнакомые строгие лица, каждое в овале, а внизу инициалы и должность. По-видимому, здесь были представлены все сотрудники кафедры. Заметив портрет пожилого мужчины, Рада замерла, черная лента внизу фотографии развеяла оставшиеся сомнения. Это был дед, которого девушка никогда не видела. Точнее, почти никогда. Страх, липкий и противный, мурашками пробежал по спине и рукам и замер холодом в пальцах.

Несмотря на то что Рада никогда в жизни не встречала мужчину с фотографии, а до недавнего времени даже не вспоминала о его существовании, в ту ночь, когда на ее плече появилась бабочка, девушка в своем странном сне видела его. Именно он, облаченный в клетчатый махровый халат, стоял рядом с портретом, нарисованным Рыжей. Мысль, посетившая Раду, была нереальной и дикой, но, похоже, единственно верной. Нужно только улучить момент и уточнить у художницы некоторые детали.

Рыжая освободилась через несколько минут.

– Наташка посоветовала зайти в читальный зал библиотеки, –

сказала художница. – Во-первых, Степан Григорьевич проводил там много времени, а во-вторых, в библиотеке есть ксерокс, и дед вполне мог сделать копию там.

Рада расстроилась. Она даже не ожидала, что первая неудача с поисками выбьет ее из колеи. Зато Рыжая не унывала, казалось, она не умеет этого делать. Ее энтузиазм не уменьшился ни на йоту. Она уверенно миновала длинный пустой коридор, в конце которого располагалась лестница, ведущая в цокольный этаж, где и была библиотека.

– Скажи мне, – медленно начала Рада, – а когда дед умер… – Девушка запнулась, думая, как бы сформулировать оставшуюся часть вопроса. – Какая на нем была одежда? Прости, вопрос, наверное, дурацкий, но мне правда надо знать.

– Халат, – пожала плечами Рыжая, даже не оглянувшись.

– Клетчатый? – дрожащим голосом уточнила Рада, прекрасно зная ответ.

– Ага. А ты откуда?… – Художница резко развернулась и подозрительно уставилась на Раду, но девушка только мрачно отмахнулась.

– Не спрашивай, ладно?

– Ну хорошо. – Рыжая пожала плечами и пошла дальше.

Рада была ей благодарна. Художница умела, когда нужно, не задавать лишних вопросов. Возможно, потому что и сама предпочитала часть замечаний оставлять без ответа. У нее тоже имелись тайны, распространяться о которых не хотелось.

Бредовая мысль подтвердилась, и от этого Раде стало еще хуже. Девушка понимала, как нелепо думать, будто видит призраков. Но тогда чем объяснить присутствие странных людей в очередях, грустную девочку на скамейке и деда, стоящего возле картины? Что он там делал? Возможно, к бабочке имеет отношение именно он, а не цыганка с портрета? Мог ли дед все подстроить сам и зачем ему это было нужно?

В голове роилось много вопросов, но ни одного ответа. Она слишком мало знала о своем родственнике и, похоже, о себе. Откуда эти способности, о которых даже рассказать кому-либо страшно? Понятно, так или иначе, в их появлении виновата бабочка, но что она означает, как появилась и каким образом обычная татуировка или рисунок на плече может заставить видеть мертвых? В фантастических фильмах и книгах призраки, как правило, хотят сообщить какую-то информацию, передают сообщения через тех, кто их видит, но в реальности они просто слоняются с потерянным видом и не обращают на Раду и на остальных никакого внимания. Получается, им ничего не нужно, они просто есть?

Собственные мысли казались бредом тяжело больного человека, но избавиться от них Рада не могла. Он прокручивала в голове событие за событием и начинала нервничать сильнее. Абстрагироваться от ситуации и сделать вид, будто ничего необычного не происходит, не удавалось. Девушка пыталась найти в себе еще какие-то изменения, но не находила. Хотя… пожалуй, обострилось то, что принято называть интуицией. Вчера вечером она точно знала – дома ждут неприятности, а потом сразу же поняла, кто именно побывал у деда в квартире. Сегодня хоть и не хотела себе в этом признаваться, но чувствовала – на кафедру идти не имеет смысла. А вот по поводу библиотеки внутреннее чутье молчало. Будто его и не было.

– Мы пришли. – Рыжая остановилась у массивных деревянных дверей и изо всех сил рванула за огромную металлическую ручку. Тяжелые створки из потемневшего от времени дуба поддались с трудом.

В библиотеке было прохладно, тихо и пахло пылью. Рада быстро оценила такой подарок судьбы, каким являлась Рыжая. Похоже, художницу знали везде и всегда радовались, когда она заглядывала на огонек. Как и на кафедре, в библиотеке ее встретили объятиями, радостными приветствиями и еще благодарностями. Рада не сразу поняла за что, а потом ее взгляд упал на стены, на которых было много картин – ярких, солнечных, так похожих на саму Рыжую. Тут и греющиеся на солнышке полосатые кошки в шляпах и с зонтиками, и нависшая над тихой речкой деревянная церквушка, и молодая пара, выведенная силуэтом на фоне красно-желтого заката. Не возникло ни малейших сомнений в том, кто автор этих работ. Какими бы они ни были разными, в них всех ощущалась частичка Рыжей – ее непосредственность, лучистая улыбка, задумчивый взгляд.

Рада даже не удивилась, что формуляр деда им дали без проблем. Библиотекарь только улыбнулась и, покачав головой, заметила:

– Вам, девушки, очень повезло. Мы раз в год перебираем формуляры и уничтожаем те, которые уже не пригодятся. Заглянули бы вы на неделю позже, и мы ничем бы не смогли вам помочь.

– Мне кажется, я уже видела эту иллюстрацию в книге. – Елизавета Николаевна, пожилая женщина с лучиками морщинок вокруг светло-голубых, усталых глаз, задумчиво повертела в руках ксерокопию. – Сейчас не вспомню, где именно… у меня есть несколько предположений. Постараюсь помочь. Вам ведь нужно не все, что изучал Степан Григорьевич?

– Нет, конечно. – Рыжая махнула рукой. – Нас интересует только эта картина. Я копировала ее в прошлом году. Тогда даже не задалась вопросом, кто это, а сейчас стало интересно.

– Тогда подождите чуть-чуть, я постараюсь найти. Аленушка, мы всегда рады вам помочь.

Елизавета Николаевна скрылась где-то между книжными полками, а Рада с Рыжей устроились за длинным, обшарпанным столом, предназначенным для посетителей.

– Скажи, пожалуйста, почему тут так много твоих картин?

– Я их все подарила… – невозмутимо ответила Рыжая, с нескрываемым удовольствием разглядывая собственную работу, висящую на стене рядом со столом. На холсте размером примерно в полватмана развалилась толстая полосатая кошка. Она щурилась и подставляла солнышку пушистое, отъеденное пузо.

– И не жалко? – с усмешкой спросила Рада, проследив за взглядом художницы.

– Жалко, конечно. – Рыжая пожала плечами. – Поэтому и подарила.

Заметив недоуменный взгляд, художница вздохнула и сочла нужным пояснить:

– Понимаешь, я рисую много. Не все на заказ. Некоторые картины продать просто не могу, ты сама знаешь почему. Другие не хочу – они мне нравятся, а сумму, за которую я готова с ними расстаться, мне никто не заплатит. Оставлять все у себя не имею возможности – места очень мало, приходится дарить…

– Где логика? Ты не хочешь продавать, но даришь…

– Логика есть. Вот смотри, например, библиотека. Я им дарю картины, а они меня любят и хвалят. Это тешит мое творческое самолюбие. Картины висят здесь и восхищают не только работников, но и посетителей – это мне нравится. Я люблю, когда меня хвалят. – Она простодушно улыбнулась. – К тому же я сама могу прийти сюда в любое время, это примиряет меня с тем, что картины уже как бы мне не принадлежат. А еще я могу их забрать, например, на выставку или насовсем, оставив взамен другие… Это сотрудничество выгодно всем. А если я картину продаю, то больше ее не вижу и иногда скучаю…

Елизавета Николаевна не возвращалась долго, Рада даже подумала, что библиотекарь о них забыла, и порывалась уйти, но Рыжая ее удержала.

– Елизавета Николаевна ничего никогда не забывает! – возмутилась она. – Особенно за пять минут. Куда ты торопишься? Жди.

– Мне кажется, мы потратили день зря…

Но Рада оказалась не права, Елизавета Николаевна появилась спустя полчаса, довольно улыбаясь. Она несла в руках большую толстую книгу.

– Как я могла забыть! – Она всплеснула руками. – Совсем рассеянная стала. – Женщина сокрушенно покачала головой. – Ведь Степан Григорьевич часто обращался к этой книге. Она его по-настоящему заинтересовала.

– А что это за книга? – подалась вперед Рыжая, пытаясь разглядеть изображение на белой глянцевой обложке.

– Это краеведческие исследования профессора Анны Осиповны Истоминой. Она наша землячка и давно занимается историей родного края. Эта ее работа посвящена историческому музею Кромельска. Точнее, одному конкретному периоду. – Елизавета Николаевна присела на краешек стула напротив девушек и принялась рассказывать. Сейчас она была похожа на строгую учительницу первых классов. – Исторический музей основал далекий предок Анны Осиповны – зажиточный купец Всеволод Истомин в начале девятнадцатого века. В его залах были представлены картины, утварь, интерьеры. Коллекция пополнялась, но во время Отечественной войны в музее случился пожар. Большая часть экспозиции сгорела, и Анна Осиповна занималась восстановлением истории утерянных экспонатов по сохранившимся свидетельствам, старинным фотографиям или записям очевидцев.

– То есть картина была всего лишь утерянным экспонатом… – расстроенно отозвалась Рада. – Жаль…

– Увы, больше о ней ничего не известно.

Елизавета Николаевна открыла книгу на середине и показала портрет, под которым находилась надпись: «Неизвестный художник. Первая треть XIX века».

– Также тут написано, что портрет передал в музей неизвестный даритель. Ориентировочно после пятидесятых годов девятнадцатого века. К сожалению, больше здесь ничего нет. А вы искали портрет из-за поразительного сходства? – обратилась она к Раде, заговорщически улыбнувшись. Так, словно сумела разгадать некую весомую тайну.

– Да, – расстроенно кивнула девушка. – Мне было так интересно, кто изображен на портрете. Как ее звали, кто художник… думала, вдруг смогу взглянуть на оригинал?

– Оригинала, к сожалению, вы не увидите, он погиб во время пожара, но, возможно, сможете узнать о том, кто изображен, у Анны Осиповны. У нее должны сохраниться материалы, на основе которых она поместила информацию о портрете в этой книге. Здесь картине посвящена пара строк, но это вовсе не означает,

что профессор не знает больше. Попробуйте с ней поговорить. Ее вы можете найти каждый день в музее. Только, если хотите застать ее наверняка, лучше приходить с утра. Сейчас, думаю, будет поздновато. Анна Осиповна – ранняя птичка.

– Видишь! – обрадованно заявила Рыжая, когда девушки оказались на улице. – Поход удался, мы нашли ниточку, ведущую к картине! А ты расстраивалась! Никогда не нужно сдаваться.

– Нашли, – согласно кивнула Рада, не особо разделяя энтузиазм Рыжей. – Теперь главное, чтобы эта профессорша согласилась со мной поговорить.

– А почему бы и нет? – удивилась Рыжая. – Достаточно посмотреть на тебя и на портрет, и причина интереса становится ясна. К тому же увлеченные люди любят поговорить о предмете своих изысканий. Все пройдет замечательно, вот увидишь. А сейчас предлагаю отпраздновать наш маленький успех в ближайшей кафешке, тем более очень уж хочется есть. Я знаю одно интересное место, пошли. Оно хорошо отражает городской дух. Тебе понравится.

Рада согласно кивнула. Она тоже изрядно проголодалась. Вдали от мамы с трудом получалось соблюдать хотя бы подобие режима. Готовить обед и ужин было лениво, а организм все равно требовал еды, причем не йогуртов и пельменей, а что-нибудь повкуснее.

Глава 9
Неприятный разговор

Кафе, о котором рассказывала Рыжая, действительно оказалось симпатичным и атмосферным. Оно располагалось в подвальном помещении одного из старых двухэтажных домов, было стилизовано под винный погреб и называлось соответствующе – «Погребок».

Каменные арки под низкими, сводчатыми потолками служили опорой для первого этажа дома и придавали подвальному помещению индивидуальность и аутентичность. Около стен стояли огромные бочки для хранения вина. Из каждой торчал маленький краник. Рада сделала вывод, что, вероятно, оттуда посетителям наливают спиртное.

Рыжая подтвердила эти догадки, добавив, что пиво хозяева варят сами и в наличии есть более десяти сортов. Мебель в кафе была добротная, дубовая: массивные столы и неподъемные лавки.

Несмотря на вечерний час, народа собралось не так уж много. Основная масса расположилась наверху, за столиками под открытым небом. Рада тоже предлагала устроиться там, но Рыжая не согласилась, сославшись на то, что внизу не так жарко и значительно интереснее. Рада не стала спорить: во-первых, соседке лучше знать, а во-вторых, за свободным столиком возле небольшого заборчика, имитирующего плетень, сидел пожилой мужчина с осунувшимся лицом и смотрел вдаль пустыми, страшными глазами. Раде хватило одного взгляда, чтобы понять, кто это, и поспешно уйти следом за Рыжей в полупустой, прохладный зал.

Кормили тут на убой – вкусно, недорого и много. За разговорами время летело незаметно, и, только собравшись домой, Рада вспомнила о своих планах. Она решила прогуляться в парк и поискать там Бера. Делиться замыслом с художницей не хотелось. Тогда пришлось бы рассказать о пока не подтвердившихся подозрениях, и Рада постаралась отделаться обтекаемыми, ничего не значащими фразами.

К счастью, Рыжая не уточняла, куда и зачем хочет прогуляться соседка, и свою компанию навязывать не стала, наоборот, заметила, что весь день бездельничала, поэтому не может себе позволить заниматься этим еще и ночью.

– Работать надо, – печально резюмировала она и помахала Раде рукой у входа в парк.

Пока девушки сидели в кафе, дневная жара спала, и

солнышко уже не обжигало, а лишь ласкало последними лучами обнаженные плечи. Тихий ветерок теребил волосы на затылке, и Рада испытывала приятное, сытое умиротворение. Хотелось гулять и наслаждаться видами старинного парка, а не выяснять отношения с Бером, который пугал и раздражал.

Девушка медленно брела по мощенным тротуарной плиткой тропинкам, вдыхая пряный воздух, пропитанный запахом цветущей липы. Неожиданно накатила робость, и желание ругаться отпало. Мелькнула мысль: а не оставить ли все так, как есть? Может быть, Бер, если в квартиру залезал он, больше не посмеет туда сунуться, опасаясь быть застигнутым на месте преступления?

Желание сдаться и повернуть назад было сильным и соблазнительным, поэтому Рада разозлилась моментально. Она не терпела слабость ни в себе, ни в других. Стоило поговорить с Бером и донести до него информацию о том, что она в курсе, кто именно вломился в квартиру. В следующий раз он должен не один раз подумать, прежде чем снова сунуться к ней домой.

Рада сделала одолжение нахалу, не вызвав полицию. Так почему же должна робеть и испытывать неловкость? Пусть нервничает Бер, когда увидит ее. Если, конечно, получится его найти.

Впрочем, Рада не сомневалась в том, что парень окажется на вчерашнем месте. Кромельск был небольшим городом. Вероятнее всего, компании каждый вечер собираются на излюбленных скамейках. Где еще дышать свежим воздухом теплым летним вечером, как не в парке над рекой.

Девушка шла неторопливо, любуясь видами, медля и собираясь с духом. Бер ее пугал до оцепенения. Было в этом парне нечто пугающее, как в призрачных безмолвных фигурах. Ощущение нечеловечности, наверное. Рада даже себе не могла объяснить, что именно. Понимание на уровне инстинктов сидело глубоко в душе и заставляло не подходить, соблюдать дистанцию и преодолевать себя, даже если нужно всего лишь перекинуться парой слов. Интересно, другие люди чувствовали то же самое, находясь рядом с Бером? Или это ее субъективное ощущение? Узнать бы ответ на вопрос.

«У Рыжей, может быть, спросить? – подумала девушка и тут же мысленно себя одернула: – Не имеет смысла. Она Беру симпатизирует, значит, не чувствует ничего подобного».

Парня Рада нашла без проблем. Компания, окружившая лавочку возле старинного неработающего фонтана, сегодня была больше, чем вчера. Несколько припаркованных на траве мотоциклов, парни, девчонки, «полторашки» пива под ногами и

хохот. «Интересно, Бер не боится ездить за рулем пьяный?» – некстати подумала Рада и поморщилась. Какое ей до этого дело?

Подойти к шальной, полупьяной толпе было страшно, но девушка сделала над собой усилие и решительно шагнула вперед со словами:

– Поговорить нужно… – Она не назвала его ни по имени, ни ставшим привычным прозвищем, просто не смогла. Язык словно прилип к небу.

Бер посмотрел с презрением, словно смог прочитать мысли, усмехнулся, приподняв одну бровь, и медленно бросил, растягивая гласную:

– Ну?

Он был немногословен, и это еще больше напрягало Раду, которую окружали никогда не замолкающие и вечно перебивающие друг друга братья. В их семье вообще говорили много, поэтому девушке трудно было общаться с молчунами.

– Наедине, – уточнила девушка, покосившись на притихшую и заинтересованно уставившуюся на нее толпу. В глазах двух замерших рядом с Бером девчонок светилась ненависть. «Вот что они в нем нашли?» – мелькнула непрошеная мысль.

– Зачем? Говори тут… – Бер не двинулся с места, а одна из девчонок глупо хихикнула. Он взглянул на нее удивленно, словно на тявкнувшего у ног щенка, а Раде стало совсем не по себе. Разговор был неприятным, и девушке не хотелось озвучивать свои подозрения в открытую. Хотя… ей-то какое дело? Хочет, чтобы обвинения слышали и его друзья, – пусть.

Рада усилием воли подавила вновь вспыхнувшее желание капитулировать. Разозлилась, заметив нарочито небрежную позу парня – он вальяжно облокотился о хромированный бак мотоцикла, – и выпалила:

– Здесь, говоришь? – Рада прищурила глаза и, зашипев как кошка, сделала пару шагов вперед. – Значит, то, что ночью ты залез ко мне в квартиру и шарил там, это не секрет?! Это считается совершенно нормальным в вашем городе? У нас за подобные выходки сажают!

– Ты бредишь. – На лице Бера не дрогнул ни один мускул.

– Неужели? – Бешенство клокотало в груди, и Рада, позабыв о правилах безопасности и инстинкте самосохранения, сделала еще один шаг вперед, оказавшись слишком близко к пугающему парню. Опомнилась поздно и замерла под холодным взглядом стальных глаз. От Бера неуловимо пахло дорогим табаком и хвоей, но ни капли – спиртным. «Значит, все же не пил», – пришла в голову очередная странная мысль. Девушка тряхнула распущенными волосами и, запретив себе отвлекаться,

продолжила наступление.

– Я видела вчера твой мотоцикл недалеко от своего дома, след от ботинка на подоконнике и характерный отпечаток! – в отчаянии крикнула она, указав подбородком на скрещенные на груди руки Бера. – Там был ты!

– Я был здесь. – Парень невозмутимо пожал плечами, тонкая ткань неизменной темно-серой водолазки натянулась на груди, и Рада невольно отступила, заметив перекатывающиеся под тонким трикотажем мышцы. – Потом отвозил Олеську. – Он даже не обернулся в сторону девушки, лишь сделал едва заметное движение головой, и миниатюрная блондинка, похожая на куклу Барби, тут же улыбнулась и часто-часто закивала, соглашаясь.

Не нужно было обладать проницательностью, чтобы понять – она врет, и ее это не волнует. Бер тоже врал нагло, глядя в лицо, и даже не пытался этого скрыть.

– Ты наглец… – выдохнула Рада. – Надо было вызвать ментов!

– Надо, – хмыкнул он, прищурившись.

– Попробуй только сунься еще! Я тебя сдам с потрохами. Ты понял?

– Конечно. – Снова безмятежная улыбка.

Рада резко развернулась на каблуках, а Олеся бросила ей в спину язвительно:

– Нашего Берчика папа всегда отмажет. Он может делать все что хочет. Правда ведь?

– А завидовать нехорошо! – усмехнулся Бер, и Рада поняла – это самая длинная его фраза за весь разговор.

– Животное, – буркнула она себе под нос, даже не подозревая, что Бер ее слышит. Она не видела потемневших глаз и того, как заходили желваки на скулах парня. Девушка боролась со слезами.

– Как тебе не завидовать? – подхватил чей-то голос, и Рада поняла – про нее уже все забыли.

Ее возмущение, праведный гнев и желание отстоять собственный дом для них были пустым звуком. Забавным эпизодом этого вечера. Стало неприятно и обидно. Видимо, вчера действительно стоило позвонить в полицию, а не пытаться решить вопрос миром. С такими, как Бер, нельзя иначе, они понимают только силу и власть. Ни того, ни другого у девушки не было, и от бессилия хотелось выть.

У Рады даже мысли не возникло, что в дом залез кто-то другой. Сегодня она убедилась в этом окончательно. Только вот, похоже, Беру наплевать на то, что она об этом знает. Парня нисколько не смутили ее отрепетированные заявления!

Руки тряслись, и хотелось разреветься. Неприятный разговор отнял больше сил, чем рассчитывала Рада, и не принес никакого

результата.

Сумерки наползали медленно, укрывая шумный парк легким серым покрывалом. Скрывалось за горизонтом солнце, осветив алым кромку неба над вершинами далекого леса. Деревья проступали черными силуэтами на фоне красочного заката. В спокойной речной воде, сверкающей под крепостным валом, медленно колыхалось отражение половинки солнца, уползающего до утра за проступающие вдалеке высокие ели.

Рада присела на свободную лавочку и задумчиво уставилась на притаившийся в глубине парка полуразрушенный особняк. Он выступал темно-серым неровным силуэтом между аккуратно подстриженных деревьев. Черные глазницы окон делали дом похожим на поверженное мифическое чудовище. Он смотрелся странно – словно перенесся в парк из другого, постапокалиптического мира. Рыжая вчера говорила, будто раньше в нем располагался театр, потом здание опустело и развалилось. Странно, что его никто не выкупил и не восстановил.

Постепенно темнело все сильнее, парк пустел, стихали голоса. На лавочках стало меньше шумных компаний, зато появились обнимающиеся парочки. Изменились и звуки. Девушка с удивлением услышала доносящееся откуда-то издалека веселое пение, крики, мелодичный перезвон бубна.

– Рада! Рада!

Девушка подскочила с лавочки и удивленно посмотрела по сторонам. Вокруг никого не было, но песни, задорный звон бубенцов и веселые перекрикивания слышались отчетливее. Стало понятно, что зовут не ее, а какую-то совсем другую Раду. Голоса доносились снизу, будто от реки. Рада осторожно подошла к краю холма и обомлела.

Не было больше городского пляжа и кафе со столиками на светлом, привезенном с карьера песке. У воды расположился цыганский табор. Несколько костров уже полыхали. С треском вздымалось высокое пламя. Казалось, его яркие бело-алые языки лижут звезды, выступившие на небе. Другие костры только разгорались – поленья вспыхивали кроваво-красным и недовольно шипели, не желая сдаваться, но женщины все подкладывали и подкладывали тонкий, сухой хворост, пытаясь раззадорить огонь.

Туда-сюда сновали люди, ставили шатры, разгружали брички, распрягали лошадей, переругивались и перешучивались. Непонятная и чуждая жизнь кипела на берегу – совершенно нереальное зрелище, будто сошедшее с экрана телевизора. Рада не видела ни единой машины, зато лошадей был целый табун. Резкий запах конского пота и навоза долетал даже досюда.

У самого большого костра танцевала цыганка. С вершины холма Рада могла разглядеть только черный силуэт на фоне догорающего заката. Взлетали над головой тонкие руки с бубном, кружилась широкая юбка, и по берегу неслась старинная песня, в которой невозможно разобрать слов.

– Какого черта? – пробормотала девушка, отступая в темноту парка к лавочке и присаживаясь на край, потому что ноги ослабели и отказывались держать, а ладони стали холодными и влажными от страха.

Гомон цыганского табора стих. Откуда-то слева послышались смешки – на соседней лавочке расположилась парочка. Вдалеке запела гитара, Рада узнала мотив популярной лет пять назад песни. Наваждение исчезло.

Когда девушка спустя несколько минут подошла к краю холма, то совсем не удивилась, заметив, что табор исчез. Внизу все было как и прежде – песок, кафешка, столики и «Черные глаза…» – пляжная композиция, не меняющаяся десятилетиями.

После очередного наваждения Рада могла с уверенностью сказать – ее преследуют видения двух различных типов. Во-первых, она стала видеть призраков – тихих, безмолвных и безразличных к окружающему миру. От них пробегал нехороший холодок по спине. Впрочем, с каждой новой увиденной потусторонней сущностью холодок становился все слабее и незаметнее. Девушка подозревала, что рано или поздно сможет к этому привыкнуть. Призраки ее не трогали, они были сами по себе, Рада – сама по себе. Просто она их замечала, а остальные нет. Вот и все. Неприятная, неожиданно появившаяся особенность, но не смертельная. С ней можно жить.

А еще Раду посещали видения, наподобие того, которое она видела несколько минут назад. Девушка становилась свидетелем событий, произошедших давным-давно. Она наблюдала картинки, например изменившееся на миг здание нотариальной конторы. Рада воспринимала его таким, каким оно, наверное, было в позапрошлом столетии. А сегодня Рада видела приезд цыганского табора. Она подозревала, что эти странные происшествия не случайны. За яркими, словно вспышка света, видениями должен скрываться какой-то смысл. Они же не преследовали ее постоянно, а появлялись время от времени.

И только в одном случае Рада не могла разобраться. В ночь, когда на плече появилась бабочка, девушка видела деда. До сегодняшнего момента она считала, что заметила призрак. А если это не так? Вдруг ее явно нездоровый разум подсунул картинку из прошлого, а не из настоящего? «Может быть, в том сне я стала свидетелем появления бабочки на картине?» – догадалась Рада и

направилась к выходу из парка.

На улице совсем стемнело, и почти все лавочки опустели. Девушка даже не заметила, как наступила ночь. Стоило побыстрее добраться до дома. Днем город казался совершенно не криминальным и безопасным (если не считать чертовщины, которая имела отношение только к самой Раде), но как здесь обстоят дела ночью, девушка не знала и не хотела проверять.

Глава 10
Жесткая игра

Тьма неожиданно оказалась густой и плотной, словно кисель. В ней вязли ноги, и уже в метре впереди невозможно было разглядеть даже очертание кустов. Рада чувствовала себя слепой и беспомощной. Фонари, освещающие центральные аллеи парка, мигнули два раза и погасли. Пришлось двигаться к выходу практически на ощупь.

Было страшно. Не только из-за необходимости пробираться в одиночестве ночью через парк, но и от того, что видение, настигшее на склоне у реки, поглотило полностью, увлекло в неизвестный мир и заставило забыть о реальности. Рада не заметила, как пролетело время и когда туманные сумерки успели превратиться в кромешную, тихую тьму.

Каждый шаг, каждый шорох в кустах раздавался громко и отчетливо. Тело реагировало на любой шум дрожью, дыхание сбивалось, и хотелось кинуться бежать сломя голову. Даже стрекотание кузнечиков и сверчков было угрожающим, словно они надрывно кричали об опасности из темных зарослей по краям тропки.

Рада один раз с визгом отпрыгнула, испугавшись до заикания парочки влюбленных, поднимающихся со скамьи. В ответ раздался такой же перепуганный девчачий писк и следом приглушенный мужской смех.

Рада сдавленно хихикнула, торопливо извинилась и поспешила дальше, сгорая от стыда и неловкости. Зато пропал иррациональный страх. Глаза привыкли к темноте, и девушка немного расслабилась. Ей осталось пройти совсем немного по извилистой тропке, чтобы оказаться возле центральных ворот. Искать дыру в заборе, через которую вчера они с Рыжей попали в парк, не было никакого желания. Та часть парка слишком сильно напоминала лес, а гулять по лесу в темноте не стоит.

Даже здесь, на широких тропинках темно, страшно и можно заблудиться. Это Рада и умудрилась сделать. Она свернула немного в сторону на газон, вместо того, чтобы пойти обратно, поплутала немного среди сирени и акации и, заметив впереди просвет, ломанулась туда, сминая кустарник. На аллею, которая маячила впереди, пришлось продираться сквозь густую растительность с руганью и шипением.

Острые ветки хлестали по обнаженным плечам, Рада зажмурилась, двигаясь на ощупь, чтобы колючие прутья не

воткнулись в глаз. Девушка почти бежала, пытаясь уйти отсюда как можно быстрее.

Она никогда не испытывала подобного раньше. Внезапный, леденящий душу страх острым уколом вонзился в позвоночник и заставил быстро метнуться в сторону, не разбирая дороги. Он появился на несколько секунд раньше, чем бабочка резкой болью обожгла плечо, предупреждая об опасности.

Рада открыла глаза и прямо перед собой увидела обезображенную физиономию какого-то мужика – бешеные навыкате глаза, уродливый шрам на переносице, смотрящийся в темноте черным росчерком, и спутанная борода. В лицо пахнуло перегаром, немытым телом и еще чем-то столь же отвратительным. Девушка заорала и шарахнулась назад, спиной на кусты. В кулаке у нападающего сверкнуло стекло. Неожиданно зрение стало резче, и Рада отчетливо увидела в занесенной для удара руке горлышко от пивной бутылки.

Рефлекторно прикрыв живот, Рада и не надеялась спастись, но неожиданно острая стекляшка словно застряла в воздухе. Неопрятный мужчина, по всей видимости бомж, сморщился от усердия, пытаясь довести начатое до конца, но будто увяз в жвачке в метре от Рады. Он дернулся несколько раз, стараясь вырваться из липкого плена, но не смог. В его глазах мелькнул испуг.

Девушка не стала разбираться и кинулась бежать, смутно понимая, что «жвачку» организовала она сама, только непонятно как. Убежать далеко не получилось. Из темноты ей навстречу вынырнули еще двое. Мужчины медленно приближались, тесня Раду назад, к поджидающему в кустах третьему противнику. В руках первого медленно разгорался огонек. Девушка не знала, что это такое, но отчетливо видела пламя, которое неопрятный человек скатывал в маленький искрящийся шарик.

Ужас накрыл с головой, по спине потекла холодная струйка пота, а зубы начали отбивать дробь. Девушка не соображала, куда бежать и как вырваться на свободу. Хотелось думать, будто все происходящее – один страшный, непрекращающийся кошмар, но пока Рада не настолько потеряла связь с реальностью и понимала – все это происходит наяву.

– Кто вы?! – истерично кричала девушка, продолжая пятиться и судорожно пытаясь найти выход из опасной ситуации. – Что вам от меня нужно?!

Но приближающиеся люди безмолвствовали. Рада только сейчас заметила, как их глаза в темноте поблескивают холодным, синим светом, который разгорается все сильнее. Движения нападающих были нечеловеческими – медленными и словно

пластилиновыми. Руки и ноги растягивались, и мужчины немного покачивались при каждом шаге, пытаясь удержать равновесие. И еще они совсем не спешили, видимо, понимая, что жертва загнана в угол и не сможет оказать сопротивление.

Нечесаные волосы, всклокоченные бороды и скалящиеся в беззубой ухмылке рты – Рада боялась, что это будет ее последним воспоминанием. Она поняла – другого выхода нет, и с воплем кинулась вперед, пытаясь смести нападающих. Плечо вспыхнуло от боли. Бабочка загорелась, пульсируя на коже, с шипением растаял огненный шарик в руках уродливого маргинала, который сделал неуловимый шаг навстречу. Рада вскрикнула, врезавшись в немытое тело, облаченное в давно не стиранную одежду.

Комок тошноты подкатил к горлу, но обезоруженный противник, не успев ничего сделать, отлетел в сторону и рухнул навзничь. Его словно откинула невидимая сила. Бомж взвыл, забарахтался на спине, скребя руками землю.

Рада машинально дотронулась до бабочки на плече и снова попятилась. Лица нападающих сменили выражение – в синих потемневших глазах светилась такая ненависть, что стало еще страшнее. Накатил дикий ужас, который только усилился после того, как ближайший противник кинулся в наступление, издав хриплый горловой, совсем нечеловеческий крик.

Он двигался удивительно быстро и ловко для полупьяного бомжа. На какой-то миг слился с окружающим пространством и появился прямо перед Радой. Она, не раздумывая, со всего размаха заехала ногой обидчику в пах, но это его не остановило. Прямо перед собой девушка увидела вытаращенные глаза, грязное, покрытое бородавками лицо и провал ощерившегося рта. Рада всхлипнула, попыталась отпрыгнуть в сторону, но не удержалась, рухнула на колени, обдирая их о корни, вылезающие из-под земли, и почувствовала, что чья-то рука схватила ее за волосы.

Девушка отчаянно рванулась, вскрикнула, от ужаса и боли из глаз брызнули слезы. Но освободиться не удалось – странная тварь, которую человеком назвать было трудно, держала крепко. Раздалось мерзкое хихиканье остальных нападавших, которые радовались пойманной добыче. К тому же первый противник, тот, который отлетел в сторону меньше минуты назад, начал неуклюже подниматься с земли. Рада сейчас осознала – бабочка на плече не проклятье, а защита, которая помогала несколько раз. Только знать бы, как ею пользоваться? Но понимание пришло слишком поздно, и времени разобраться в этом, к сожалению, не было.

Рада видела оскаленные, совсем нечеловеческие лица и

понимала – ее ни за что не отпустят живой, и вырваться нет возможности. Остается только размазывать слезы грязными руками, скулить и надеяться на легкую и безболезненную смерть. Ощущать собственное бессилие было унизительно и страшно. Сделать она ничего не могла, и когда ее с силой рванули вверх за волосы, можно было только взвыть и подчиниться. «Убьют! Убьют! Убьют!» – стучали в голове отбойные молотки, а ноги стали ватными, Рада чувствовала, что скоро просто отключится от отчаяния и страха, и с нетерпением ждала этого момента, отказываясь существовать в кошмарной реальности, но ожидаемое беспамятство не наступало. Тело будто не принадлежало ей, она обмякла. Было трудно даже пошевелиться.

Девушка безразлично наблюдала, как, словно в замедленной съемке, к ее лицу приближается горлышко от бутылки с острыми краями. Если она и выживет после удара, шрамы останутся на всю жизнь.

Что произошло дальше, девушка поняла не сразу. Только что перед ее лицом было смертоносное стекло, и вот уже по земле катаются два тела. Рада не знала, кто пришел на помощь, но сам факт придал сил. Хватка на волосах ослабла, Рада рванулась в сторону и почти без ущерба улизнула от своего противника. И едва не попалась в руки третьему нападающему, который чуть помедлил, решая, то ли кинуться на помощь своему собрату, то ли ловить собирающуюся сбежать жертву.

Справа полыхнуло, и девушка с изумлением заметила, что воздух между сцепившимися на земле мужчинами заискрил. Искры ушли в землю, и из нее начали вылезать извивающиеся, словно змеи, толстые корни. Они, подпитанные чужой энергией, переливались, сверкали и медленно ползли в сторону дерущихся.

Девушка прикрыла рот руками, сдерживая рвущийся крик, она не верила в реальность происходящего. Казалось, про нее забыли. Один из маргиналов сцепился на земле с худощавым мужчиной, пришедшим ей на помощь, двое других стояли, опустив вниз руки и прикрыв неестественно синие, светящиеся глаза.

Только когда ожившие корни вцепились в руки и ноги незнакомца, пришедшего на помощь, Рада поняла, что именно делают странные мужчины и почему ее оставили в покое. Эти двое каким-то способом подчинили своей воле древесные корни.

Действуя интуитивно, Рада протянула вперед руки и почувствовала, как к ладоням тянутся искорки силы от ползущих корней – послушно, словно змеи, повинующиеся волшебной дудочке заклинателя. Два колдующих маргинала резко открыли глаза и уставились на нее в нерешительности. Впервые на их

лицах мелькнул страх, а собравшиеся в толстые переливающиеся канаты струи силы достигли рук девушки. К ним добавилась еще одна, исходящая от пришедшего ей на помощь мужчины. Теперь Рада видела разные потоки – мутно-серые, похожие на дым, исходили от маргиналов, а светло-синие, кристально чистые – от незнакомца. Но тело Рады не разбирало, кому какая энергия принадлежит, оно всасывало и ту, и другую.

Нападавшие кинулись бежать.

– Хватит! – Тот, кто пришел девушке на помощь, ударил противника в последний раз и, подскочив, схватил ее за руки.

Сразу же полыхнуло, и вспышка света отбросила парня, показавшегося знакомым, в сторону. Он со стоном упал навзничь, а Рада испуганно спрятала руки за спину, не понимая, что происходит.

Синие и сизые нити растворились без следа, а в воздухе ощутимо запахло озоном.

– Бежим! – Парень подскочил к ней, снова взял за руку, и только сейчас Рада поняла, откуда его знает. Это был герой ее эротических фантазий – Синеглазый. Именно его она вчера видела в нотариальной конторе.

– Быстрее! – еще раз крикнул он, не позволяя задать кучу вопросов. – Во-первых, твари могу опомниться, а во-вторых, сейчас будет гроза! Бегом! А то, в довершение всех неприятностей, еще и промокнем.

Рада послушно кинулась за Синеглазым, все же поинтересовавшись на ходу:

– А ты откуда знаешь? Про грозу?

– Поговорим потом, – буркнул он, прибавляя ходу, и Раде не осталось ничего, кроме как бежать следом. Колено стрельнуло острой болью. Видимо, она все же повредила его при падении. Но Рада не обратила на это внимания. Можно немного потерпеть, зато жизни теперь ничего не угрожает.

– И после всего случившегося тебя интересует только этот вопрос? – не удержался от язвительного замечания Синеглазый, и Рада не нашла что ответить. Ее интересовало многое другое, только вот спрашивать было страшно.

Над головой раздался раскат грома, и сверкнула вертикальная молния, которая вонзилась, вероятнее всего, в реку за холмом. На землю упали несколько крупных капель дождя. Поднявшийся ветер начал швырять в лицо свежие листья и небольшие веточки.

Парень с девушкой отдышались только в маленькой беседке у выхода из парка, не добежав до центральных ворот несколько метров. Дождь ливанул стеной, едва только молодые люди

шагнули под деревянную крышу. Девушка выдыхала с хрипом, всхлипывая от пережитого ужаса. Руки все еще тряслись, а в голове помутилось от боли и воспоминаний.

– Я – Рада, – отдышавшись, представилась девушка. Легкие горели, колени саднили, а в горле застыл комок слез. Но почему-то сейчас волновало лишь одно – Синеглазый спас ее жизнь, а она даже не знает его имени.

– Алекс… – Он улыбнулся и потянул руку, увлекая девушку в центр беседки – единственное место, где их не мог достать дождь.

Нога неприятно ныла и плохо сгибалась. Рада даже не догадывалась, что ушиб настолько серьезный, видимо, состояние шока позволило пробежать несколько метров и даже не заметить. А сейчас, когда нервное напряжение спало, боль дала о себе знать.

Девушка застонала, а новый знакомый тут же обнял ее за талию, не давая споткнуться. У него были сильные руки и прохладные ладони. Даже схватка не разгорячила его – Синеглазый оставался неприступным, спокойным и красивым. Девушка наконец-то могла разглядеть Алекса как следует. Сейчас он был в легкой темной рубашке в узкую полоску и светлых джинсах, которые во время схватки испачкались в траве и комьях земли. На красивом лице с правильными чертами и соблазнительными, улыбчивыми губами застыло спокойное и отрешенное выражение. Казалось, его не удивило случившееся. Рада позавидовала такому самообладанию. Ее саму трясло нешуточно, даже зубы стучали.

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Рада поинтересовалась:

– Алекс, значит… А внешность у тебя наша, русская. Да и говоришь без акцента.

На самом деле ее сейчас интересовало совсем не это. Но она не нашла в себе сил начать сложный разговор о том, что случилось несколько минут назад на поляне. Наверное, девушка сама пока не была готова об этом слушать. Алекс, похоже, ее понял и с удовольствием поддержал разговор ни о чем.

– Александр я. – В синих глазах мелькнули смешинки, а на щеках появились умильные ямочки. – Просто довольно долго жил в Штатах. И Алекс мне подходит больше, чем банальное – Саша. Интереснее звучит, согласись?

– Алекс – мне нравится. – Рада словно пробовала на вкус непривычное, мягкое имя. В нем не было рычащих согласных, но все равно чувствовалась сталь, гладкая, холодная и несгибаемая. Ему действительно подходило это имя, гораздо больше, чем безвольное – Саша или чопорное – Александр.

Молодой человек смотрел на Раду с легкой улыбкой и, казалось, не мог отвести взгляд. Девушке это нравилось. Было бы неправильно, если бы только она беззастенчиво пялилась на мягкий изгиб губ и таяла в сильных руках.

– Тебя, наверное, нужно отвезти в больницу? – спохватился он и чуть отстранился. Раде не хотелось в больницу, ей хотелось стоять так вечность, слушать шум дождя и вдыхать волнующий запах незнакомого одеколона.

– Нет-нет, – помотала она головой. – Хватит с меня неприятных впечатлений на сегодня. Серьезных повреждений нет, а потом, придется объяснять, откуда… – Рада споткнулась и помрачнела. Как бы ни хотелось уйти от мистической действительности, сделать это не получалось. – А я сама не понимаю… – подавленно добавила она.

– Да уж… – Улыбка исчезла с губ Алекса. – Не все можно объяснить. Да и не всем нужно… – загадочно добавил он.

– Ты об этом знаешь? – напряглась девушка. – Расскажи…

– Тебе надо выпить какой-нибудь согревающий напиток и лечь спать, предварительно обработав ссадины и царапины, а не слушать страшные сказки на ночь. Поверь…

Эти слова подействовали на Раду, как красная тряпка на быка, и она уперлась:

– Ну уж нет! Я вряд ли смогу уснуть. Тем более если буду знать, что ты в курсе того, произошедшего, но поберег мои нервы и промолчал.

– А ты в курсе, что очень красива, когда сердишься? – Алекс усмехнулся и нежно провел большим пальцем по нижней губе девушки. Быстрое, мимолетное касание, заставившее Раду вздрогнуть. По плечам пробежали мурашки, тягучее желание зародилось где-то в груди и расползлось горячей волной по телу. Пришлось приложить неимоверное усилие, чтобы не броситься в объятия к Синеглазому и не потереться по-кошачьи о его щеку. Соблазн был велик, и если бы Алекс не отстранился сам, Рада не смогла бы совладать с неожиданным порывом.

– Раз ты не хочешь в больницу, – как ни в чем не бывало сказал он, – позволь мне оказать тебе первую помощь. У меня дома есть перекись водорода, вата и мартини. Там же мы можем спокойно поговорить. Согласна?

Ночь, незнакомый парень рядом, память о недавней кошмарной схватке, которая едва не стоила ей жизни, – не самое лучшее для первого свидания. Но Рада даже не подумала отказаться. Ни тени сомнения. Синеглазый еще до официального знакомства сильно запал девушке в душу, и казалось, она знает его вечность.

– Договорились, – шепнула Рада, радуясь, что темнота скрывает вспыхнувшие щеки. Волшебное предвкушение вытеснило из души страх, смятение и настороженность. Рада жаждала броситься в омут желания и чувств и наплевать на все, в том числе на сожаления, которые, возможно, появятся с утра.

– Пойдем тогда, моя машина припаркована тут, недалеко.

Рада счастливо кивнула и сама обхватила своего спасителя за талию, скользя пальцами по темному шелку рубашки. Хромоту даже не пришлось изображать – колено разболелось не на шутку. Но девушка решила не обращать внимания на эту мелочь. Ведь так иногда приятно, когда сны становятся реальностью.

Глава 11
Прекрасный принц

Рада чувствовала себя беспечно-счастливой, и даже обстоятельства знакомства с Алексом не казались ужасными, ведь самое главное – все обошлось. Жизни больше ничего не угрожало, коленка ныла не очень сильно, а рядом поддерживал под локоть красивый парень из сна. От него одуряюще пахло древесным парфюмом, дождем и чуть-чуть влажной землей. Рада с наслаждением вдыхала будоражащий запах и понимала, что пропала! Алекс ее покорил мгновенно. Все происходящее казалось еще одним слишком реальным сном. Впрочем, сном Раде казалось многое в этом городе.

Настроение омрачало лишь опасение, что скоро сотрутся границы между иллюзией и реальностью. Вдруг разум подсунул ей очередную призрачную картинку и скоро она проснется, хорошо, если дома на подушке, а не в сточной канаве с проломленным черепом.

От подобных мыслей девушка передернулась и постаралась себя успокоить: Алекс был настоящим, притягательным и невозможно красивым. Он не мог присниться ей снова, а если бы и приснился, то сон, наверное, походил бы на вчерашний. В нем не было бы агрессивных бомжей с битыми бутылками, а снова вспыхнула бы страсть, стирающая границы дозволенного. От воспоминаний покраснели щеки, и девушка порадовалась, что в темноте сложно разглядеть смущение. Сама она различала лишь поблескивающие в холодном свете далекой луны глаза Алекса да его белозубую улыбку. Все остальное разглядеть в темноте было трудно.

– Так ты мне расскажешь о странностях этого города? – задала она вопрос, пока воображение не увело слишком далеко от реальности.

– Всему свое время. – Алекс тихо усмехнулся и чуть ближе притянул Раду к себе. По телу разлилось приятное тепло, и девушка глупо улыбнулась, опустив глаза, чтобы этого не заметил парень.

– Мы почти добрались! – Он махнул рукой, показывая куда-то вперед. – На том конце площади припаркована моя машина.

Молодые люди вышли через центральные ворота парка и миновали пустынную рыночную площадь, вымощенную брусчаткой. В центре нее стояло странное сооружение, напоминающее большую, громоздкую беседку без стен, но с

крышей, опирающейся на массивные светлые колонны.

– Что это? – не удержалась от вопроса девушка.

– Раньше были городские весы, – пояснил Алекс, – а сейчас просто еще одна незначительная деталь старого города, памятник архитектуры. Здесь таких много, они – дань прошлому, которое не вернешь, да и не нужно возвращать… Мы уже на месте, – сменил тему парень и остановился у припаркованного сразу за рыночной площадью одинокого автомобиля.

Рада не любила «Мерседесы» за их показной шик и вызывающую хищность, но сейчас ей было приятно садиться в дорогую машину с кожаным салоном. Девушка ощутила себя принцессой. Стоило признаться: если бы Алекс ездил на «девятке», то утратил бы толику своего шарма и загадочности. Но парень не подвел, и от этого голова у девушки закружилась еще сильнее.

Рада устроилась на переднем сиденье и прикрыла глаза. «Такого не бывает!» – подумала она. Девушка никогда не верила в принцев на белом коне или «Мерседесе», поэтому даже представить не могла, что однажды нереальный, сказочный принц приедет за ней, спасет от бандитов и увезет с собой, хотелось бы верить, в замок.

Суматошные мысли путались, Рада даже оставила попытки в них разобраться. Сегодня случилось слишком много всего. В голове не укладывалось, ладони были влажными, а сердце бухало в грудной клетке. Казалось, его биение слышно на полтора километра в округе.

Рада чувствовала, что делает глупость. Наверное, действительно следовало поехать в больницу и написать заявление в милицию, но ей просто не хотелось тратить на это оставшуюся ночь. Вряд ли сегодня ее поджидает еще какая-то опасность. Не рядом с сильным и смелым Алексом точно. По крайней мере, именно так хотелось думать. Глаза слипались, и Рада совсем не могла поддерживать разговор, хотя и была не прочь узнать о новом знакомом как можно больше.

Алекс тоже молчал, он сосредоточенно и неторопливо вел машину, которая шла настолько мягко, что не чувствовалось ни рычание мотора, ни неровности дороги под колесами, было лишь тихое умиротворение и мягкое кресло. Едва слышно гудел кондиционер, а из динамиков лилась медленная лиричная музыка, от которой начало клонить в сон. Девушка даже немного задремала. Очнулась только тогда, когда ее спутник заглушил мотор.

Машина остановилась перед огромным особняком, стоящим чуть в стороне от основной улицы. Здание впечатляло –

двухэтажное и с белыми колоннами, упирающимися в высокую крышу. Похоже, в этом памятнике архитектуры и жил Алекс. Дом словно застыл на картине, изображающей тихую улицу девятнадцатого века.

– Ничего себе, – потрясенно выдохнула Рада, выбравшись из машины и аккуратно прикрыв за собой дверь. После пережитого стресса и полудремы состояние было странное, какое-то полупьяное и отрешенное.

Даже на ногах получилось устоять с трудом, девушку ощутимо мотнуло на высоких каблуках. Заметив это, Алекс усмехнулся и подал руку, помогая преодолеть полметра газона до утоптанной тропинки, ведущей к особняку мимо разрушенного почти до основания каменного забора. От него остался только давно не крашенный кусок чуть длиннее метра и высотой по пояс.

– Этот дом – достояние предков, – немного смущенно ответил парень на восторженный возглас Рады. – Пошли. Внутри еще интереснее.

– Он весь твой? – Девушка зачарованно уставилась на огромный, старинный особняк с дверями из массива дерева.

– Не совсем мой, – покачал головой парень. – Принадлежит семье с начала восемнадцатого века.

– Неужели советская власть не конфисковала?

– Пыталась… – Алекс замялся, словно разговор доставлял ему неудобство. – Но к началу революции в доме жила лишь одна сумасшедшая бабка-цыганка, которой, поговаривают, к тому времени было хорошо за сотню лет – местная сумасшедшая долгожительница. О ней шла дурная слава, дом тогда не выглядел богатым, все ценное и так давно распродали, и местные сюда не совались. У красных на поместье сначала были свои планы. Комиссары приходили «раскулачивать» старуху-цыганку, но, поговаривают, сбежали с воплями ужаса и больше не возвращались. Дом так и стоял заброшенным больше полувека…

– А потом? – Рада замерла на мраморных ступенях, рассматривая массивную дубовую дверь с вычурной кованой ручкой.

– Никто даже не помнит, в какое время умерла старуха, и это странно. Доходили слухи, будто ее видели вплоть до пятидесятых годов, когда дом давно стоял с заколоченными окнами и считался пустующим. Мои родители выкупили его у города уже после девяносто первого и восстановили, а вот жить сюда переехал я.

– Из Америки? – недоверчиво улыбнулась Рада. – В богом забытый провинциальный город?

– Ну, хорошо. – Алекс открыто улыбнулся и развел руками, показывая, что девушка его раскусила. – Я приехал сюда

отдохнуть от родни и провести лето, а там будет видно.

– Прямо как и я. – Губы девушки растянулись в ответной улыбке.

С появлением Алекса Кромельск стал намного привлекательнее. Рада, не раздумывая, приняла протянутую руку и сделала шаг вперед, но неожиданно словно уперлась в прозрачную стену. Замерла на секунду, с ужасом осознав, что не видит рядом с собой парня и не чувствует его руки, и повернулась, услышав за спиной голоса.

Перед ней там, где секунду назад был коротко стриженный газон, бесновалась толпа. Мужики с вилами, испуганные крестьянки в расшитых юбках. Некоторые босые, некоторые в лаптях. Сзади толпы виднелся каменный забор – новый, недавно покрашенный светлой краской.

Рада видела его обломки, когда выходила из машины. Только вот не было ни Алекса, ни его автомобиля. Зато сквозь толпу проталкивался толстый бородатый мужик. Он кинулся вперед, и девушка испуганно отступила, но мужчина и не думал нападать. Он бухнулся на колени и попытался облобызать подол длинной алой юбки, на которой виднелись некрасивые, бурые разводы.

– Избавительница! – воскликнул он, и Рада вновь шарахнулась, не понимая, как себя вести с сумасшедшим. – Изничтожила все-таки ирода! Спасительница! Мы не скажем ничего! Вот те крест. – Мужчина суматошно перекрестился. – Только ты уж не покинь нас. Не дай ему вернуться снова!

Рада удивленно смотрела на мужчину, чувствуя, как по согнутой в локте руке течет что-то теплое и липкое. Девушка медленно опустила глаза и обомлела. В пальцах она сжимала какой-то бесформенный кровавый кусок. Кровь стекала по смуглой коже и капала на траву под ногами. Рада, открыла рот, собираясь заорать, но тут почувствовала несильный толчок под ребра.

– Ты не заснула, случайно? – вывел из оцепенения голос Алекса.

Девушка, вздрогнув, медленно повернулась и уставилась перед собой невидящим взглядом. Подташнивало, руки дрожали, ноги подкашивались, а в горле застрял вязкий ком.

– Рада! Да что с тобой? – Парень выглядел испуганно, похоже, он долго не мог ее дозваться.

– Все… все нормально, – пробормотала девушка, сглатывая, и испуганно бросила взгляд через плечо, зная – никакой толпы там уже нет. Лишь спокойная улочка и стоящий у обочины хищный «Мерседес» Алекса. Только сам особняк, казалось, совсем не изменился за два столетия. Родители парня не просто

восстановили старый дом, они полностью воссоздали его.

Рада медленно опустила взгляд на свои руки: аккуратные ногти, покрытые темно-вишневым лаком, тонкие, чуть дрожащие пальцы, узкие запястья с выступающей косточкой и ни следа крови. Это видение было самым реальным и близким. Девушка словно оказалась внутри чужого тела. Только вот кому оно принадлежало? Рада готова была поклясться, что цыганке, изображенной на портрете. И, кажется, она сегодня слышала имя незнакомки из далекого прошлого – тоже Рада… Иначе все эти видения просто не имели смысла…

Голова внезапно закружилась, в глазах потемнело, и Рада поняла, что больше не в состоянии о чем-либо думать, рассуждать, говорить или идти, она просто умоляюще посмотрела в обеспокоенные синие глаза Алекса и впервые в жизни упала в обморок.

Глава 12
Романтика старинного особняка

Рада пришла в себя на мягком диване, укутанная уютным, клетчатым пледом. Девушка медленно повернула голову и рассмотрела комнату, в которой оказалась: просторная, с высокими потолками, украшенными вычурной лепниной, светлыми стенами, минимумом мебели и старинным камином. В топке, отгороженной от комнаты кованой решеткой, потрескивал настоящий огонь. Языки пламени лизали березовые поленья, искры с шипением взлетали над головешками и исчезали в каминной трубе.

Алекс невозмутимо сидел в старомодном, будто стащенном из музея кресле у камина. Рада из-под опущенных ресниц разглядывала своего спасителя – безусловно красив, с правильными чертами лица и прямым, словно выточенным из мрамора носом. Достаточно высокий, худощавый, с сильными плечами, контур которых угадывался под тканью рубашки. Молодой человек закинул длинные ноги в светлых джинсах на низкую табуреточку и, как ни в чем не бывало, читал книгу. Заметив, что гостья пришла в себя, он поднял глаза от страниц и с едва заметной улыбкой произнес:

– Наверное, следовало отвезти тебя в больницу, а не тащить к себе в дом. Но, прости, я не удержался. Ты удивительно гармонично здесь смотришься.

– Да нет, все нормально, не нужно в больницу. – Рада неуверенно села на диване, наспех пригладив растрепавшиеся волосы. – Я хорошо себя чувствую, просто день сегодня такой…

– Понимаю, мне тоже не каждый вечер приходится участвовать в потасовках, но в обморок ты упала не после драки… – Алекс отложил книжку, одним плавным, кошачьим движением переместился на диван и присел рядом с Радой. – Ты кого-то увидела здесь, перед домом? – вкрадчиво спросил он, пытаясь поймать испуганный взгляд девушки.

Рада преданно уставилась в сочувствующие пронзительно-синие глаза и едва не рассказала все, но вспомнила слова Рыжей и промолчала, отделавшись неопределенным:

– Да так… просто на самом деле слишком много всего на меня навалилось… – Девушка, закусив губу, отвернулась. Врать она не любила и не умела. – Ужасный день. И обморок – лишь логичный его итог. Наверное, рядом с домом мой организм просто почувствовал себя в безопасности и отключился.

Алекс, вопреки, ожиданиям, не стал выпытывать подробности дальше, а притянул Раду к себе и нежно провел рукой по волосам. Девушка вдохнула поглубже и прикрыла глаза. Теплый и терпкий запах древесного парфюма теперь ассоциировался одновременно с опасностью и защитой. Рада слишком хорошо помнила, какими стремительными и уверенными были движения Алекса во время драки, и ей это нравилось. Его сила будоражила воображение.

– Тебе необходимо выпить, – шепнул он на ухо, и девушка почувствовала, как по предплечьям вверх поднимаются мурашки. Голос у Алекса был низкий, бархатный и очень волнующий. – Хочешь, сделаю мартини?

– Хочу, – кивнула Рада и чуть отстранилась.

Разглядывая спину удаляющегося парня, она поняла, что с удовольствием бы выпила сейчас не мартини, а более крепкий напиток. Но не просить же «прекрасного принца» раздобыть водки? Вряд ли он поймет и оценит подобный порыв. Девушка закусила губу, с ужасом осознавая, что очень не хочет разочаровать Алекса и всеми силами стремится понравиться. Даже готова пить слишком сладкий, популярный в последнее время вермут. Подобное поведение не было ей свойственно. Шелест, тихий, леденящий душу, послышался откуда-то со стороны окна. Рада осторожно поднялась, стараясь не наступать на больную ногу, и, хромая, подошла к тяжелым, плотно задернутым портьерам.

«Уходи!» – шепот был едва слышным, но морозом пробежался по позвоночнику и заставил вздрогнуть. Рада дрожащей рукой раздернула шторы и уставилась в темноту. По стеклу хлестнула ветка, и все стихло, а потом из черноты к окну прильнуло бледное страшное лицо, некогда явно принадлежавшее девушке. Взлохмаченные седые патлы, бескровные, узкие губы и провалы глазниц, на дне которых поселилась тьма. Рада едва сдержалась, чтобы не заорать. «Беги!» – снова шелестящий, пробирающий до костей шепот.

– Почему ты там застыла? – поинтересовался Алекс откуда-то из-за спины.

Рада вздрогнула, сделала глубокий вдох и обернулась, улыбаясь одними губами:

– Да так…

Когда девушка снова бросила взгляд в окно, страшной, призрачной фигуры уже не было – только ночь и едва колышущиеся ветви деревьев.

Алекс принес мартини в запотевшем бокале на тонкой ножке с кусочком лимона и даже оливкой.

Рада с осторожностью сделала глоток и прикрыла глаза,

пытаясь выкинуть из головы все неприятности, в том числе страшную призрачную деву, и представить, что красивый парень с нереально синими, словно грозовое небо, глазами просто пригласил ее на свидание. Но уйти в мир грез было непросто. Колено ощутимо ныло, а на руках остались следы драки – ссадины. Дома от Рыжей не отвертишься. Нужно придумывать логичное объяснение и опять врать.

– Спасибо тебе за помощь, – спустя долгие минуты молчания осторожно произнесла девушка, понимая, что мартини не так плох, как она думала. Не слишком сладкий, с легкой горчинкой и интересным травяным привкусом. «Пожалуй, стоит пересмотреть свое отношение к этому напитку» – про себя отметила она.

– Не стоит благодарности. Как я мог оставить прекрасную даму в беде? – Алекс пожал плечами, и Рада залюбовалась сильной шеей в вырезе рубашки.

Парень был глянцево красив. Раньше девушка даже не подозревала о существовании таких в природе. Думала, они только улыбаются с обложек модных журналов. Ей и в голову не приходило, что однажды такой красавец спасет ее от бандитов, а потом будет поить ее мартини в двухэтажном особняке.

– Нужно осмотреть твои ссадины. – Алекс отставил в сторону свой бокал. – Позволишь?

– Может, само заживет? – сказала, поморщившись, Рада. – Все равно ничего уже не сделаешь, разве что перекисью промыть? Я как с кошками дралась. – Девушка сокрушенно покачала головой. – Теперь даже на улицу не выйдешь…

– Ты утрируешь. – Алекс мягко улыбнулся, и на его щеках появились милые ямочки. – Думаю, все твои ссадины заживут очень быстро.

Молодой человек осторожно взял руку Рады и пробежал пальцами по сбитым коковкам, едва касаясь кожи. По телу разлилась волна жара, а кожу в районе ссадин начало слегка пощипывать – странное и необычное ощущение, заставившее задержать дыхание.

Алекс был предельно сосредоточен, он повернул руку девушки ладонью вверх и проделал те же манипуляции, а потом его пальцы, осторожно приподняв длинную юбку из тонкого материала, скользнули по щиколотке к колену, которое отозвалось на прикосновение глухой болью.

– Думаю, ушибы и ссадины действительно несерьезны, – тихо заметил он, не убирая руку. – Но если хочешь, я схожу за перекисью…

– Не нужно, – шепнула Рада и задержала дыхание, не в силах отвести взгляд от пристально смотрящего на нее парня. Он не

делал ничего предосудительного, лишь осторожно ощупывал поврежденное колено, не пытаясь воспользоваться ситуацией, но воображение услужливо дорисовало все остальное, и голова у Рады предательски закружилась.

Его лицо было так близко, а губы так притягивали, что девушка не смогла противиться желанию и, наклонившись вперед, нежно поцеловала в уголок чуть приоткрытых губ. Легкое, приглашающее касание.

Алекс слегка отстранился, усмехнулся и прошептал:

– А я думал, мы лечим твою ногу. – Он потянул девушку за руку, помогая приподняться, а потом бесцеремонно пересадил с дивана к себе на колени.

– Я тоже так думала, – смущенно шепнула Рада. – Но мы решили отказаться от бинтов…

– А кто тебе сказал, что они мне нужны? – поинтересовался парень и прежде, чем Рада уточнила, о чем он говорит, поцеловал.

Ее никогда и никто не целовал так – тягуче-нежно, с легкой горчинкой мартини и свежестью лимона на языке. Губы у Алекса были мягкие и умелые, они ласкали и соблазняли, сводили с ума и уводили от реальности. Он целовался даже лучше, чем во сне.

Хотелось бесконечно долго прижиматься к сильному, горячему телу, вдыхать древесный запах и перебирать волнистые светлые волосы. Рука Алекса согревала ноющее колено, и боль уходила, Рада очень быстро забыла о ее существовании.

– Черт! – отстранился Алекс и, смущенно улыбаясь, взъерошил волосы. – С тобой совсем несложно потерять голову. Ты такая красивая и притягательная.

Сердце стучало в груди, как после большой кружки эспрессо на голодный желудок, кровь пульсировала в висках, а в голове не осталось ни одной связной мысли.

– Ты тоже невероятно притягательный. – Рада покачала головой и с сожалением поднялась с колен молодого человека.

Он был совершенно прав – голову терять все же не стоит. По крайней мере, не на первом, случайном свидании. Накатила запоздалая неловкость, девушка схватилась за спасительный бокал мартини и пересела на кресло рядом с камином. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

Губы все еще покалывало от поцелуя, а на языке осталась легкая горчинка.

– Может, сейчас все же расскажешь об этом городе и странностях? Ты обещал.

Несколько глотков терпкого напитка прояснили мысли и убрали розовый кисель из головы. Рада наконец-то вспомнила,

что ее волновало в первую очередь и зачем она вообще поехала с Алексом. Хотя говорить о неприятных вещах не хотелось – у Алекса были слишком синие глаза и чересчур соблазнительные губы.

– Если пообещаешь не сбегать отсюда и не звонить в дурку… – помрачнев, пробормотал он. – Ты уже, наверное, и сама поняла, Кромельск непрост и таит в себе немало загадок.

– Да, – осторожно отозвалась девушка, жалея, что мартини в бокале закончился. Похоже, он еще пригодится… – Здесь много происходит странного… Ты знаешь, кто напал на меня и почему?

– Догадываюсь. – Алекс в одну минуту стал немногословным и сосредоточенным. – На тебя напали личи – колдуны. При жизни они практиковали темную магию…

– Ты сказал «при жизни»? – насторожилась Рада, подозрительно нахмурившись.

– Так и есть… Они, конечно, двигаются, потребляют пищу, дышат, но, по сути, они мертвы. Сила забрала их душу, поселив в телесную оболочку нечто иное, темное…

– Ты сейчас говоришь вещи, в которые верить не хочется…

– Знаю, но ты же веришь? Правильно? Ты видела их сама.

– Видела. – Рада, поморщившись, кивнула.

Она признавала правоту Алекса. Девушка в очередной раз сегодня столкнулась с необъяснимым, почему бы не принять точку зрения человека, который понимает, о чем говорит.

Алекс подождал, пока Рада смирится с действительностью, и после едва заметного кивка продолжил:

– Те, кто напал на тебя, слабы…

– Слабы? – поперхнулась девушка. – Они меня чуть не убили!

– Хорошо. – Алекс примирительно поднял руки. – Я не очень точно выразился. Их сила слаба, они даже на людей похожи лишь в темноте – низшая часть колдовского сообщества.

– А есть и такое? – Голова снова начала болеть. Раде хотелось вскочить и убежать, но она заставила себя слушать дальше. Потому что теперь не имело значения, насколько бредовыми кажутся слова Алекса. Видимо, в этом городе возможно все.

Алекс, заметив, как у Рады подрагивает рука с пустым бокалом, поднялся с дивана и мягко разжал пальцы девушки.

– Позволь… – Он улыбнулся и, забрав бокал, скрылся в смежной комнате. Вернулся через минуту и, протянув девушке новую порцию мартини, продолжил: – По-настоящему сильные, влиятельные личи визуально неотличимы от обычных людей. Они живут среди нас, но внутри у них темнота…

– Но при чем тут я? Я ведь нужна личам, так?

– Не совсем… – Парень покачал головой. Рада отметила, что

себе он больше не налил. – Существует легенда, будто у Кромельска есть хранитель – человек, который держит в узде темную силу личей и не дает ей распространиться за пределы города или поглотить сам город. Человек-весы, уравнивающий темную и светлую силы… Поговаривают, будто долгое время этим хранителем был твой дед. Его считали здесь колдуном…

– Но я-то какое имею к этому отношение?! – выкрикнула Рада. – Ведь я даже не знала деда! И откуда все это известно тебе?

– На какой вопрос ты хочешь получить ответ первым?

– Не знаю, – отмахнулась девушка. – Все равно…. Я жила нормальной жизнью и знать не знала об этом месте…

– Все, что я расскажу тебе, – вкрадчиво начал Алекс, подойдя и устроившись на ручке кресла, – исключительно домыслы. Только ты слушай и не перебивай… Моя семья жила сотни лет здесь, в Кромельске, и я вырос со знанием: этот город – особое место. Здесь водятся привидения, а люди верят в колдунов. Мои родители уехали отсюда, спасаясь от всякой чертовщины…

– Но почему так? – изумилась Рада.

– Существует несколько легенд… – Алекс положил руку ей на плечо, и она почувствовала, как по телу разливается приятное тепло. Хотелось не слушать старые легенды, а целовать четко очерченные яркие губы, но парень, похоже, больше был настроен на разговор. – Знаешь ли ты, что значит название города – Кромельск? – поинтересовался он и, дождавшись отрицательного ответа, продолжил: – Название произошло от древнего слова «кром», «кромка». Край чего-либо или граница…

– Между мирами… – догадалась Рада.

– Именно. Миром живых и миром мертвых. Тут очень тонкая ткань мироздания, поэтому люди обладают разными очень странными способностями.

– И ты тоже?

– Есть немного, как и ты сама, – не стал углубляться в тему парень. – Моя бабушка знала очень много, а родители всегда открещивались и от легенд, и от странностей, а мне было интересно. Именно от бабушки я узнал о хранителях города, рядом с которыми ткань мироздания рвется реже, и тьма, проникающая в город, находится под контролем. Пока был жив твой дед, все личи и ведьмы в городе сидели тише воды и ниже травы. А после его смерти всколыхнулись… им нужна не ты, им нужна сила твоего деда, которая сейчас находится у тебя…

– Но у меня нет никакой силы, – неуверенно отозвалась Рада.

– Ой ли? – Алекс прищурил глаза и продолжил: – По древним поверьям, колдуны передают свою силу преемникам перед смертью… Ты не получала от своего деда никакого прощального

подарка?

– И ты в это веришь? – поинтересовалась Рада, невольно дотронувшись до бабочки.

– Лучше спроси себя, веришь ли в это ты? – Алекс усмехнулся и пристально уставился на ладонь Рады, прикрывающую плечо.

– Ну, хорошо… – Девушка нехотя убрала руку, открывая странный рисунок. – Получала я от него подарочек…

– Так вот эта сила… – Глаза Алекса потемнели, и Рада на миг испугалась, но парень лишь протянул руку, прикоснувшись к обнаженной коже плеча.

Рада внимательно смотрела на его лицо, поэтому не заметила, как вздрогнули крылья бражника в ответ на легкое прикосновение.

– Пока ты не овладела силой в полном объеме, тебя будут пытаться убить снова и снова, а силу освободить. Ты не сумеешь ее сейчас никому передать – нет настолько близкого человека, готового ее принять. Она растворится в воздухе над городом, и ее поглотят личи, которые после этого станут еще сильнее… К тому же с твой смертью, если я прав, исчезнет сдерживающий фактор. И баланс сил в этом месте перестанет существовать…

– Может, мне уехать? – тихо спросила девушка и нервно сглотнула. – Что мне делать? Я не хочу удерживать баланс. Я хотела просто провести лето вдали от родительской опеки – и все!

– Уехать – не выход, – покачав головой, ответил Алекс. – Нужно просто подождать, все разрешится само собой…

– Как разрешится?

– Нужно подождать. – В глазах Алекса мелькнул холодный блеск, заставивший Раду насторожиться. – С каждым днем ты становишься сильнее, если сбежишь, тебя найдут. Там опасность будет угрожать не только тебе, но и твоим близким. Неужели ты этого хочешь?

– То есть ты предлагаешь просто ждать и надеяться, что меня не убьют? Я не хочу эту силу…

– Постараюсь что-нибудь придумать… – Алекс мягко улыбнулся и нежно поцеловал Раду в щеку. – Я никогда не интересовался такими вещами раньше, должен быть способ избавиться от силы, которая не нужна. Я посмотрю старые книги в библиотеке, думаю, какой-нибудь выход найдется.

Рада, всхлипнув, кивнула.

– А почему хранителем был мой дед? – спросила она. – Кто передал силу ему?

– Я не знаю, к сожалению, больше ничего… и то, что сказал тебе, лишь догадки, глупые предположения. Может быть, я и

ошибаюсь, просто ты такая красивая и… – Алекс опустил глаза. – Когда я тебя увидел, мне показалось, мы раньше встречались… может быть, не сейчас, а в прошлой жизни? Глупо, правда?

– Кто знает… – Девушка закусила губу. Ее двойник точно существовал раньше.

«Рада! Рада!» – всплыли в голове слова из видения, и девушка задумалась: рассказать Алексу все или промолчать, но потом решила, что на сегодня хватит откровений. Нужно обсуждать странности дозированно, а то так и свихнуться недолго.

– Я устала.

Рада решительно поднялась с кресла и пошатнулась.

– Просто жизненно необходимо выспаться и переосмыслить все, что ты мне рассказал. Можно сегодня я буду все слова воспринимать как сказку на ночь? Иначе свихнусь.

– Я сам воспринимаю их так же. – Алекс невесело усмехнулся и покачал головой. – Знаю, звучит все это как бред, но в Кромельске некоторые сказки оживают… поэтому можно мне еще кое-что сделать?

– А именно? – насторожилась Рада.

– Когда-то бабушка учила меня ставить защиту… – смущенно начал Алекс. – Можно я попробую защитить тебя, пока ты не можешь это сама сделать?

– Получается, ты тоже колдун? – Девушка лукаво улыбнулась.

– Наверное, все же лучше – ведьмак. Слово «колдун» имеет изначально негативную окраску. Именно из колдунов получаются в конечном итоге личи, если хватает сил пройти перерождение.

– Хорошо, ставь свою защиту, ведьмак! Что для этого нужно?

– Ничего, просто стой спокойно.

Алекс подошел сзади и, положив руки на плечи, тихо забормотал Раде в волосы. Стало смешно, и она тихонько хихикнула, не в силах воспринимать происходящее серьезно.

– Ну, вот и все. – Он отодвинулся. – Пойдем, я отвезу тебя домой…

В сердце неприятно кольнуло. «Даже не предложил остаться…» Нет, она, конечно бы, не согласилась, но все равно обидно.

– Не беспокойся, я вызову такси! – махнула рукой Рада, пытаясь скрыть досаду, и полезла в сумку за телефоном, но Алекс поймал ее за руку.

– Ни к чему, я привез тебя сюда, я и отвезу обратно. Не нужно вызывать такси.

– А как же мартини?

– Полбокала. Это ничего не значит.

– Хорошо, – немного подумав, согласилась девушка.

Настойчивость Алекса немного удивила и была приятна. Теперь он будет знать, где ее найти.

Глава 13
Еще одна темная ночь

За стеклами машины было темно, и Рада не могла различить даже, где начинается обочина и что на ней находится. Коммунальщики Кромельска не баловали жителей уличным освещением. Впереди на дороге виднелись только два мутных, желтых пятна – отсветы фар, позволяющие разглядеть, где на старом асфальте притаились ямы.

Алекс ехал очень медленно, осторожно. Обычно парни на крутых машинах лихачат, а этот словно забыл о том, что у спидометра есть деления, которые располагаются выше указателя «30 км/ч». Рада не знала, нравится ей это или нет. С одной стороны, было приятно – Алекс беспокоится о ней, соблюдает осторожность и не лезет на рожон. С другой – иногда немного скорости и риска не повредит. А как же адреналин, заставляющий закипать кровь? Правда, стоило признать, сегодня адреналина было предостаточно, и даже думать о нем не хотелось.

Рада молчала всю дорогу, размышляла над рассказом Алекса. Несмотря на новые сведения, вопросов было значительно больше, чем ответов. Все стало еще запутаннее. С каждым днем происходили новые и новые мистические, необъяснимые события. Сейчас Рада неожиданно поняла, что в те редкие мгновения, когда уходит страх, ей становится по-настоящему интересно. Охватывал азарт и желание докопаться до истины.

– Я не могу понять две вещи, – начала Рада, когда машина затормозила у подъезда. – Во-первых, дед явно не желал со мной общаться. Возможно, зная о его способностях и месте в жизни города, против общения был настроен и отец. Если дед знал, что мне придется его заменить, то почему не сделал попытку все объяснить, подготовить меня как-то к этой миссии? Короче, сделать так, чтобы я не оказалась в глупой ситуации. Он оставил меня беспомощной и уязвимой, в то время как сам, с твоих слов, обладал достаточной силой, мог удерживать под контролем кровожадных личей и следить за сохранением баланса силы в городе?

– Не знаю… – пожал плечами Алекс. – Может, не успел… не планировал уйти так быстро. Бывает ведь и такое. Но в город-то тебя пригласил он?

– Нет, в город меня пригласил нотариус… – недовольно буркнула Рада, нахмурившись. В этой истории оказалось слишком много пробелов и недостающих кусков. Многое не

сходилось.

– Вот и подумай тогда, кому это нужно. – Кривоватая улыбка Алекса вышла холодной и немного злой.

Он вылез из машины и, открыв для Рады дверь, заметил:

– Помни, личи могут быть очень похожи на обычных людей, и вполне возможно, в город тебя заманили именно они. Пока ты не получила дар деда, сила была для них недоступна. Сейчас же ты слаба и не умеешь ею пользоваться, именно поэтому началась охота. Сила во все времена была лакомым куском, а уж сила хранителя города и подавно.

Разговор оставил неприятный осадок, девушка чувствовала – Алекс прав. Видимо, дед не учел какие-то обстоятельства, и некто воспользовался его промашкой. К сожалению, понять больше, не имея никаких других сведений, было просто невозможно.

Рада вышла из машины и, уже поднимаясь по ступенькам в подъезде, поняла, что так и не задала второй вопрос. Почему Алекс оказался сегодня в парке и насколько случайно это произошло? Он слишком уж осведомлен для обычного прохожего, которым пытается прикинуться. Впрочем, возможно, он всего лишь хотел помочь.

Квартира встретила тишиной и еще до конца не выветрившимся запахом масляных красок Рыжей. Художница, похоже, уже спала. Даже она ложилась к тому моменту, когда ночь начинает рассеиваться на горизонте, уступая место раннему летнему рассвету. Рада на цыпочках прошла к своей двери и нырнула в небольшой, уютный коридор. Сегодня девушка не ощутила чужого присутствия, но все равно включила свет в обеих комнатах и прошла в душ.

Спать расхотелось. Хоть Рада и сказала Алексу, что не будет сегодня думать обо всех странностях, но все равно не смогла отрешиться от проблем. Она брезгливо скинула с себя одежду, которая почему-то пахла не только землей, но и пылью, тленом и старостью, и залезла под обжигающе-горячие струи воды. В душе думать было привычно и удобно, можно закрыть глаза, расслабиться и как следует все проанализировать.

Итак. Ее прадед жил в странном городе, находящемся на границе миров. Несмотря на преклонный возраст, старик выглядел молодо и вел активную жизнь. Его смерть для многих оказалась неожиданностью. Вероятнее всего, отец знал о необычности этого места и поэтому свел общение с родственником на нет. Дед, похоже, с этим смирился и не искал встреч, но заблаговременно приготовил картину и перед смертью разместил на ней бабочку – хранилище для собственной силы. «Зачем? – размышляла Рада. – Если он не хотел передавать силу

мне, почему заставил Рыжую нарисовать необычный портрет? А если хотел, то почему не искал встреч? Просто не рассчитал свои силы, как и сказал Алекс? Умер раньше, чем рассчитывал?»

В поисках подозреваемых, наверное, следовало отталкиваться от фигуры нотариуса, пригласившего ее в город, и его до ужаса неприятного сына. Как узнать: они исполняли волю деда или сами выманили ее в Кромельск? Рада готова была поклясться, Бер – один из личей, и его отец об этом, вероятнее всего, знает. В эту логичную цепочку укладывалось и случившееся с Бером. Скрываясь три года в лесах, мальчик Артем все же умер, и его место занял лич. Он – самая главная кандидатура на роль нежити. Именно поэтому Раде так неприятно находиться в его обществе, а Рыжая не чувствует ничего пугающего. Дед умер, и личи, зная, кому должна перейти сила, вызвали ее в город. Все логично.

Не вписывалась в эту стройную схему лишь цыганка с портрета. Можно бы отнести ее в разряд случайностей, если бы не видения прошлого, доказывающие, что цыганка играет какую-то очень важную роль. Рада по-прежнему была уверена: она сможет разобраться во всем только тогда, когда поймет, кто именно изображен на портрете, и установит связь между собой и цыганкой из прошлого.

Последнее видение было очень реальным, девушка до сих пор чувствовала кровь на своих руках. Интересно, чья она?

Алекс только приоткрыл полог тайны и дал пищу для размышлений. После того, как события минувших дней обрели пусть фантастическое, но все же логичное объяснение, Раде стало намного легче, и она с чистой совестью отправилась спать.

Уснула достаточно быстро, укутавшись легким покрывалом, купленным в ближайшем супермаркете – под одеялом ночью было довольно жарко. Сон не принес ожидаемого облегчения и отдыха. Очень скоро стало трудно дышать, словно рот и нос закрыли огромной подушкой. Хотелось ее оттолкнуть руками, но не получалось. С каждой секундой становилось все труднее сделать вдох. И сон был крепкий – никак не удавалось вырваться из его объятий – и очень реалистичный. Ни на минуту не возникло сомнения в том, что все происходящее – кошмарная явь. Легкие разрывались от боли, Раде казалось, будто она находится под водой, хотя воды не было, только подушка, которая забивалась все глубже в рот. Конечности онемели, и началась паника. Хотелось кричать, но из-за нехватки воздуха это сделать не удавалось.

Рада дернулась, нелепо взмахнула руками и почувствовала, что все исчезло, растворившись во вспышке света. Девушка снова

смогла свободно дышать. Ей больше ничего не мешало. Вдохнула глубоко, игнорируя боль, обжигающую легкие, заметалась на кровати, но так и не проснулась. Скомканное покрывало полетело на пол, а Рада, вскрикнув, изогнулась на простынях. Она металась в бреду, по лбу стекали тонкие струйки пота. Девушка больше не задыхалась, зато левое плечо горело, словно в огне. Из груди вырвался то ли всхлип, то ли сдавленный хрип – и все прошло.

Секунду назад не хватало воздуха, так как лицо закрывала подушка, и вот Рада снова не могла дышать, но на сей раз от страсти. Обжигающие ладони скользили по бедрам, бесцеремонно задирая тонкую ночную сорочку, а губы со вкусом мяты ловили низкие грудные стоны.

На этот раз сон оказался более волнующим и откровенным. На Алексе не было одежды, да и на Раде тоже, если не считать ночную сорочку из тончайшего шелка, которая давно сбилась и практически ничего не скрывала.

Горячее влажное тело парня вжимало в кровать. Перед глазами мерцали звезды, ногти впивались в сильные мужские плечи, а на лбу выступили капельки пота. Все происходящее было реалистично и волнующе. Рада сообразила, что это сон, лишь когда проснулась с влажными от пота волосами и очередным стоном, сорвавшимся с губ.

Дыхание сбилось, и девушка в замешательстве села на кровати, не понимая, что с ней такое творится. Голова болела, и дико хотелось спать, но ложиться вновь было страшно.

Оба сна оказались по-своему ужасны. В одном ее убивали, причем очень реалистично. Подушка сейчас валялась на полу возле кровати, а на наволочке проступили отчетливые следы зубов. Рада прекрасно помнила, как она забивалась в рот, не давая дышать.

Второй сон, безусловно, был более позитивен, но напугал Раду не меньше, так как в реалистичности не уступал первому, и девушке было стыдно за то, что в нем происходило. Щеки горели, а мысли снова вернулись к Алексу. Симпатия грозила перерасти в нездоровое, болезненное увлечение, а этого Рада совсем не хотела, она хотела нормально выспаться и вернуться к решению всех проблем не раньше утра.

Несмотря на ранний час, в окно уже вовсю били жизнерадостные и яркие солнечные лучи. Девушка раздраженно задернула плотные шторы, которые не закрыла на ночь, и снова упала на подушку. В комнате воцарился приятный полумрак, и Рада все же решила рискнуть и попробовать снова уснуть. Она надеялась, что сегодня ей больше не будут сниться никакие сны, ни хорошие, ни плохие.

Бер вернулся домой поздно и в дурном настроении. Впрочем, он нередко пребывал в состоянии недовольства окружающей действительностью. Парень оставил мотоцикл на охраняемой парковке в подземном гараже рядом со знакомой красной машинкой, которой тут не должно было быть. Жаль, ее хозяйка не понимает простое слово – «нет». Молодой человек посмотрел на автомобиль с ненавистью и сжал зубы так сильно, что на скулах проступили желваки. Мелькнуло желание сесть на мотоцикл и уехать, только вот некуда. В шикарный пентхаус к отцу не хотелось. Слишком многое пришлось бы объяснять. Нет, все же три часа ночи – не время для гостевых визитов даже к близким родственникам.

На третий этаж можно было подняться пешком, но Бер решил воспользоваться лифтом и шагнул в просторный чистый холл элитного дома.

Он здесь уже пару лет жил в небольшой, по местным меркам, квартире-студии. Предпочел ее родительскому гнезду – огромным апартаментам, расположенным буквально через дорогу в элитном жилом комплексе «Рубин».

Сегодня дверь в квартиру была не заперта, Бер даже не стал доставать ключ, просто толкнул металлическое полотно и оказался в квадратной прихожей.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался он и, не разуваясь, прошел внутрь. – Я же сказал – не приезжать…

– Ты знаешь, я прихожу когда хочу и к кому хочу. Твое упрямство и детские обиды смешны… – София сделала шаг из темноты комнаты навстречу замершему у дивана парню.

Она выглядела утонченно и грациозно – кошка, вышедшая на охоту. Длинный темно-синий сарафан был надет на голое тело и обрисовывал его плавные изгибы, скорее подчеркивая, а не скрывая. Тонкий, блестящий материал, обтягивающий чуть выступающие соски, смотрелся даже эротичнее, чем полностью обнаженная грудь. Бер с жадностью ловил каждое движение медленно приближающейся Софии, завороженно смотрел на покачивающиеся бедра, но не делал и шага навстречу. Его напряжение можно было угадать по сжатым в кулаки рукам и плотно сомкнутым, неулыбчивым губам.

– Ты чертовски плохо притворяешься. – София усмехнулась и, подцепив тонкую лямку, скинула ее с плеча, вторая сползла сама, увлекая за собой невесомый сарафан, который упал на пол, превратившись в смятую бесформенную тряпку. София переступила через него, слегка покачнувшись на высоченных каблуках, и шагнула к Беру.

Парень отвернулся и, обогнув гостью, устремился через всю комнату к широкому подоконнику, оставляя на светлом ковре с глубоким ворсом грязные отпечатки ботинок.

– Уходи, – бросил он, уставившись в окно. София медленно последовала за парнем и остановилась у него за спиной. – Мне неинтересны игры, в которые ты играешь…

– С тобой я играю лишь в одну игру, – нежно шепнула она и прижалась к Беру сзади, обхватив его тонкими руками за талию. София нетерпеливо дернула водолазку, вытаскивая ее из-под пояса джинсов, и скользнула прохладными ладонями по рельефу пресса, обвела контур пупка и спустилась ниже к полоске жестких волос. Пальцы уверенно схватились за металлическую пряжку ремня и несильно дернули в стороны, расстегивая.

– Ты стерва, София! – Бер резко развернулся, поймал ее за запястья и отвел от себя руки, но женщину это не остановило. Она низко засмеялась и качнулась вперед, прижимаясь. Пристально посмотрела в прозрачные глаза цвета бутылочного стекла, пытаясь угадать в них желание, и, заметив расширившийся зрачок, с удовольствием шепнула парню на ухо:

– Конечно, я стерва, именно поэтому завожу так сильно. Правда, ведь, Тема… или Бер тебе нравится больше?

Дизайнерские туфли на платформе и огромном остром каблуке прибавляли Софии сантиметров десять роста, и сейчас она была всего на полголовы ниже Бера. Почувствовав, что хватка на запястьях ослабла, женщина тут же вырвала руки и обвила ими шею молодого человека. Пальцы запутались в волосах, а острые алые ногти больно впились в кожу затылка, заставив Бера зашипеть.

– Признайся, тебе ведь нравится быть со мной? – мурлыкнула она и провела языком по его шее сначала мягко, нежно, в последнюю минуту резко прикусив за ухом.

– Тварь, – несильно оттолкнул ее Бер. София засмеялась, предвкушая победу, и замерла в углу рядом с окном, прислонившись обнаженной спиной к стене. Волнистые, лунные волосы рассыпались по плечам. Молочно-белые, перламутровые пряди скользнули по груди, оттеняя кожу, которая в темноте казалась загорелой.

– Иди сюда, – нежно позвала София и протянула руки. – Не капризничай. Парням такое поведение не к лицу. Особенно тебе, ты сильный, и я скучала…

Бер колебался лишь секунду, потом резко шагнул вперед и впился в мягкие податливые губы поцелуем. София со стоном ответила, прикусывая губу и закидывая длинные ноги парню на талию. Он поймал ее под ягодицы, сжав сильнее, чем нужно. С

удовольствием услышал сорвавшееся с губ ругательство, впечатал спиной в стену, прижимаясь ближе, целуя увереннее, ощущая, как ее тело становится мягким и податливым, словно пластилин. Парень скользнул губами сначала по пахнущей терпкими духами шее, а потом ниже к груди. Нежно прикусил сосок и тут же обвел языком темно-коричневый ореол.

Бер уже не сопротивлялся, когда умелые руки стащили через голову темно-серую водолазку, обнажая покрытый шрамами мускулистый торс. Софии нравилось его тело и нечеловеческая сила. Она впилась зубами ему в плечо, туда, где уже несколько лет красовался отпечаток клыков не менее опасной, дикой твари. Бер сам вытащил ремень из джинсов, позволяя Софии стащить их ниже. Он ненавидел ее так же сильно, как и хотел. София была опасна, коварна и не понимала слово «нет», а еще с ней Бер мог быть почти самим собой. Мог тихо рычать в шею, сжимать в объятиях, терять голову и не бояться, что партнерша не выдержит напора страсти и сломается или просто испугается его сущности.

Софию сводили с ума его шрамы, она стонала под напором силы и была не менее выносliва, чем он сам. В минуты сводящей с ума страсти, когда горячее влажное тело прижимается сильнее, когда острые ногти впиваются в спину, а в холодных глазах зажигается пламя, казалось, только это и имеет значение. Снежная королева таяла именно в его руках и всегда возвращалась снова к нему – долгое время это заставляло Бера мириться со всем остальным.

Прозрение и сожаление наступали позже, как и неприятный липкий стыд за собственную слабость и животное поведение. С утра Бер осознавал – его снова использовали, и в очередной раз обещал себе, что этого больше не повторится. София не принадлежит ему и не никогда не будет. Она – болезнь, затяжная и трудно излечимая. Но, когда Бер сжимал ее хрупкое тело в объятиях, погружаясь в обжигающую лаву желания, мысли о сожалении разлетались вдребезги разноцветными осколками страсти и наслаждения. Хриплые стоны у уха, влажное тело, изгибающееся от ласк, судорожные порывистые движения и жалящий укус в шею напоследок – как метка «мой». Следы останутся на неделю минимум, а потом она вернется снова и не позволит сдержать данное себе обещание.

А вот он ни разу не оставил на ней ни одного синяка, даже в порыве страсти, не пометил. Наверное, потому что слишком хорошо понимал, кому она принадлежит на самом деле.

Бер стоял и курил в открытое окно. Даже в темноте комнаты, у себя дома он не любил оставаться без одежды, поэтому натянул опостылевшую до тошноты водолазку – так было спокойнее,

можно почувствовать себя нормальным. Почти нормальным.

София уже ушла. Она всегда уходила сразу же. Только бросила в спину раздраженное:

– Я вообще-то заглянула сказать тебе – не суйся не в свое дело.

– Что вы задумали? – безразлично бросил Бер, не поворачиваясь. Ему не нужно было поворачиваться. Он чувствовал гостью и так. Запах ее страсти еще долго будет витать в комнате, не давая спокойно спать, заставляя вспоминать и проклинать собственную слабость.

– Ничего, о чем тебе следовало бы знать, – холодно отозвалась София. – Просто держись в стороне и не заставляй нас нервничать.

– Ты же не говоришь, от чего… – ответил он, но слова разбились о захлопнувшуюся дверь.

Глава 14
Профессорша

С утра кошмары уже не пугали так сильно. Тем более оставшуюся ночь Рада проспала спокойно, без реалистичных, пугающих видений, и проснулась по будильнику в бодром состоянии и сносном настроении.

Рада по натуре была впечатлительна и склонна к ненужным волнениям, но всю сознательную жизнь упорно боролась с этими качествами, мешающими комфортно существовать. Она старательно приучала себя к вселенскому пофигизму и равнодушию. К восемнадцати годам усилия стали давать редкие плоды.

Странно, но мистические события, происходящие в Кромельске, лелеемый Радой пофигизм только укрепили, сделав девушку по-буддийски отрешенной. Больше пугали не странности, а попытки убийства. Вот на них реагировать спокойно было труднее, все же умирать во цвете лет не хотелось.

Видения из прошлого, нападение в ночном парке, свидание с таинственным незнакомцем и реалистичные сны – все это было вчера, а сегодня наступил новый день, и Рада предпочитала думать именно о нем.

Она смогла почистить зубы и сварить себе кофе, так и не начав копаться в событиях минувшего вечера. Девушка про них не забыла. Помнила и выводы, которые вчера сделала, но предпочитала размышлять о насущном. Сегодня предстояла важная встреча с профессоршей – автором краеведческой книги. Нельзя было упустить шанс получить новые сведения.

Рада решила, что знакомство с уважаемым человеком в городе требует более представительной одежды, чем та, которую она использовала в повседневной жизни, и замерла перед раскрытым шкафом. Летняя жара и любимый Радой стиль бохо не предполагали строгости. Пришлось импровизировать. Легкий прямой сарафан на тонких бретелях из сероватого льна смотрелся просто и непритязательно, а еще из-за натурального материала в нем никогда не было жарко. Чтобы образ выглядел законченно, Рада надела плетеный пояс из коричневой кожи, ему в тон босоножки без каблука со множеством тонких ремешков, которые плотно опутывали икру, и взяла холщовую сумку-мешок.

Длинные волосы на такой жаре мешались и прилипали к шее и лбу, пришлось забрать их в пучок. Непослушные пряди тут же вылезли и несколькими кудряшками упали на плечи, девушка не

стала заморачиваться и пытаться их убрать – это было бесполезно.

Рыжая еще спала, и Рада не стала ее будить. В конечном счете, чтобы не плутать по городу, до краеведческого музея можно взять такси. Рада не была готова говорить с художницей. После того, как они вчера вечером расстались, произошло слишком много событий. Девушка не знала, о каких из них хочет рассказать постороннему человеку. Она хорошо запомнила слова Алекса про личей, маскирующихся под обычных людей.

Рада не верила, что Рыжая может быть личем, слишком она открыта и бесхитростна. Да и дед, скорее всего, мог распознать, человек его квартирантка или тщательно маскирующееся умертвие, но с другой стороны… Кто знает? Рада не была уверена, что сможет кому бы то ни было доверять после вчерашнего рассказа Алекса. В этом городе скрыто чересчур много тайн. Ими следует делиться лишь с самыми близкими людьми, а таковыми для нее являлись только братья и родители, которые остались в Москве.

Девушка засунула в сумку репродукцию картины. На обратной стороне изрядно помятого и испачканного краской листка были написаны выходные данные книги, которую они с Рыжей вчера смотрели в библиотеке. Рада надеялась, что сегодня сможет узнать о картине чуть больше.

До музея можно было бы не брать такси, он располагался совсем недалеко, на соседней улице – небольшое зеленое каменное здание с примечательной, покрашенной в шахматную клетку крышей и остроконечными круглыми башенками наверху. Рада вылезла из душной машины на раскаленный асфальт и, сделав несколько шагов, дернула за металлическую ручку старой деревянной двери краеведческого музея.

Пустынный холл встретил тишиной, прохладой и столь нелюбимым девушкой запахом старых вещей. В таких местах было неуютно и пробирала дрожь, поэтому Рада довольно громко спросила в пустоту:

– Эй! Тут есть кто-нибудь живой?

Дрожащее эхо прокатилось по пустому полутемному коридору без окон. Тоненькая, словно былинка, девушка появилась из приоткрытой двери неслышно. Русая, с длинными, струящимися по плечам волосами, в простом сарафане странного покроя.

– Простите, не могли бы вы… – начала Рада, но тут заметила босые ноги собеседницы, перевела взгляд выше и наткнулась на пустые, ничего не выражающие глаза. – Да чтоб вас! – сокрушенно выругалась она и неприязненно посмотрела на зависший у стены

призрак. – Я же живых звала.

Она укоризненно покачала головой и с усилием отвернулась, пытаясь унять дрожь в коленях. На улице встречаться с призраками было не так страшно, а музей и без потусторонних сущностей внушал если не ужас, то, по крайней мере, опасение.

Когда Рада повернулась обратно, призрака уже не было, то ли развеялась сама по себе, то ли услышала в сердцах брошенные слова.

Девушка взяла себя в руки и прошла через холл к ближайшей двери.

– Простите… – Она заглянула внутрь и встретилась взглядом с немолодой, коротко стриженной женщиной в стильных дорогих очках. Женщина выглядела слегка встревоженной, словно была чем-то серьезно увлечена, ее резко выдернули из этого состояния, и она не сразу смогла сориентироваться, где находится и что происходит. Раде было знакомо это ощущение.

– А могу я увидеть Анну Осиповну?

– Я вас слушаю. – Она посмотрела на Раду удивительно молодыми светлыми глазами и слегка улыбнулась.

– У меня к вам вопрос, – все еще смущаясь, сказала девушка и бочком протиснулась в приоткрытую дверь.

Кабинет, в котором оказалась Рада, был маленьким и доверху заваленным разного рода бумагами, книгами, старыми агитационными плакатами и еще какими-то мелочами непонятного назначения. Он походил на склад или подсобку, где ждут своего часа забытые, никому не нужные вещи. Их свалили туда, потому что было лень выкинуть, и теперь они валяются грудами и ждут очередной уборки.

– Видите ли, – суетливо начала Рада, пытаясь достать ксерокопию из сумки, – меня интересует одна картина, точнее, ее история.

Девушка чувствовала себя неловко. Она вообще не любила отвлекать от дела незнакомых людей, но тут любопытство победило тактичность и скромность, и Рада чуть дрожащей рукой протянула профессорше помятую бумажку.

– И вы считаете, я могу вам помочь? – вежливо уточнила Анна Осиповна, видимо, заметив смущение своей посетительницы.

– Думаю, да, – кивнула Рада и положила на стол репродукцию. – Вот.

– Я ее помню, а можно уточнить, почему вас интересует именно она? Хотя… – Женщина пристально посмотрела на Раду и кивнула. – Думаете, родственница?

– Представления не имею, – честно ответила Рада. – Но

хотелось бы выяснить.

– Здесь говорить не очень удобно, это моя рабочая кладовочка, пойдемте наверх в кабинет, я вас угощу чаем и поделюсь информацией.

Когда Анна Осиповна поднялась из-за стола, Рада поняла, что зря переживала по поводу дресс-кода. Профессорша сама была далека от делового стиля в одежде и предпочитала широкие, похожие на шаровары штаны с мелким индийским рисунком, летящие кофты и массивные украшения из дерева и бронзы.

– Я приехала в город недавно, – начала Рада, устроившись в старинном кресле с резной спинкой и осторожно сжав в руках чашку из тончайшего фарфора с ароматно пахнущим, горячим чаем. – Дед, с которым я никогда не виделась, оставил в наследство квартиру, а в дополнение к квартире портрет, написанный, как выяснилось позже, с этой репродукции. У деда я, к сожалению, спросить уже ничего не могу, но подозреваю, что он заказал этот портрет не просто так. Мне интересно, кто на нем изображен и почему я так на нее похожа.

– Ну, вряд ли я вам дам ответы на все вопросы. – Анна Осиповна тяжело опустилась в кресло напротив и налила себе зеленый чай с тонким запахом жасмина. – Но историю картины, пожалуй, поведать смогу. У меня имеется достаточно много материалов по этой тематике. Правда, они относятся, скорее, не к самой картине и женщине, на ней изображенной, а к первому владельцу, после смерти которого полотно и оказалось в музее. Все же я в первую очередь специализируюсь на истории предметов искусства, которые представлены у нас. Мне интересно, как они сюда попали. Кто подарил? Но вам постараюсь помочь.

Картина датирована серединой девятнадцатого века, точнее, чуть раньше. Примерно 1830–1835 годы. Считается, что на ней изображена содержанка одного кромельского помещика. Якобы цыганка очень сильно ему приглянулась, и он заказал ее портрет, который какое-то время висел в доме. А после смерти хозяина картину передали в музей…

– И все? Больше никаких сведений? – несколько обиженно отозвалась Рада, она рассчитывала узнать много больше.

– Не совсем. Про девушку сведений немного, но вот хозяин картины – личность в наших местах довольно известная.

Александр Степанович Новослободский – сын богатого русского помещика Степана Новослободского и нищей баронессы, уроженки Люксембурга, отрочество и юность провел в Европе, где получил блестящее образование. В родную губернию вернулся в возрасте двадцати двух лет после смерти родителей и сразу же

завоевал внимание общества. Он был красив, умен, обаятелен и богат. Его считали завидным женихом, но Александр Степанович не торопился обзаводиться семьей. Более того, скоро даже его богатство перестало прельщать местных свах.

Александр Степанович продал огромный дом своих родителей на центральной улице города – там сейчас расположена нотариальная контора и кафе «ОкулоFF» – и переехал в мрачный особняк на окраине. Ходили слухи, будто местный барин балуется чернокнижием и колдовством, а опыты ставит на крепостных, но слухи оставались слухами. Неспокойную ситуацию в городе списывали на лихое время, а то, что крестьяне барские мерли как мухи, – так они всегда были не слишком живучи.

Александр Степанович оказывал городу финансовую помощь. Никогда не отказывался от участия в благотворительных вечерах, чем снискал симпатию у градоначальника и его ближайшего окружения. Со временем барин стал смелее в экспериментах и уже не скрывал того, что заключил сделку с дьяволом. Его дом охраняли странные, пугающие прохожих твари. В городе стали пропадать девушки, и люди начали бояться выглядывать из домов после заката. За десять лет, проведенных в городе, помещик не постарел ни на день, он стал безнаказанным злом, обосновавшимся в нашей глубинке. Скоро нехорошие слухи распространились даже за пределами области. В город зачастили странные личности с сумасшедшим взглядом, и, наконец, приехала она.

Красивая, свободолюбивая цыганка, которая день и ночь бесстыдно танцевала на улицах, несмотря на позднюю осень, босая, с развевающимися волосами и горящим взглядом. Она не испугалась барина и согласилась танцевать для него. Ее дикая, необузданная красота покорила Александра Степановича, он увидел в ней родственную душу, которая не боялась ни крови, ни жертвоприношений, ни зверских ритуалов.

– Конечно, вы должны понимать, все это не реальные исторические факты, а, скорее, местная легенда, но в тридцатые годы девятнадцатого века распущенный, жестокий помещик и цыганка представляли собой заметную пару. И знаете, что самое странное в этой истории? – задумчиво произнесла Анна Осиповна и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Александра Степановича не любили и боялись. Не сохранилось ни одного лестного отзыва о нем, в основном проклятия. Но вот его любовница, и это удивительно для того времени, даже после трагической смерти помещика осталась в городе, вышла замуж за его двоюродного брата и прожила очень долго, лет сто точно… И ее здесь, судя по

источникам, уважали.

– А портрет? – Легенда была, безусловно, занимательна, но Раду интересовало другое.

– Александра Степановича зверски убили, кто-то вырвал его сердце. Как говорили местные: «собаке собачья смерть», а портрет наследники отдали в музей.

– Анна Осиповна, но если цыганка… – кстати, как ее звали? – осталась в городе, должны же сохраниться какие-то сведения? У нее, наверное, были дети?

– Думаю, были, как иначе? А сведения, возможно, хранятся даже где-то в этой комнате, но я сама не очень интересовалась данным периодом истории.

– Почему?

– В записях за те годы трудно найти серьезные и достоверные исторические факты. В основном байки и легенды вроде той, которую я вам рассказала. Город погряз в мракобесии и невежестве. Александра Степановича выставляли колдуном, говорили, ему прислуживают мертвецы и еще бог весть что. Безусловно, часть злодеяний кровавого помещика – правда. Но мертвецы и прочие мистические штучки? Это глупости. Правда, я скорее исключение, нежели правило, основная масса историков с интересом относится к личности Александра Степановича Новослободского. Про него написано много трудов, и, возможно, в них есть информация и про заинтересовавшую вас цыганку. Если хотите, я могу поискать, но не сегодня. Если не затруднит, загляните ко мне завтра ближе к вечеру, я к этому времени постараюсь что-нибудь раздобыть, а сейчас мне нужно бежать. Назначена важная встреча.

Рада попрощалась с Анной Осиповной, которая оказалась намного приятнее в общении, чем можно было ожидать, и вышла на улицу. Солнышко вовсю палило с неба, казавшегося раскаленно-белым. Все вокруг пропахло плавящимся асфальтом и пылью, горячий сухой воздух наполнился автомобильными газами, и сразу захотелось умыться, а лучше искупаться.

Девушка брела медленно, стараясь придерживаться теневой стороны улицы. В голове крутились разные мысли, но с личности цыганки на портрете они плавно перетекли в другое русло. Сегодняшний разговор опять дал слишком мало сведений, нужно было ждать еще один день, поэтому Рада начала размышлять о другом, а именно о том, что вчера так и не обменялась номерами телефонов с Алексом, а значит, сегодня они не встретятся.

От осознания этого прискорбного факта становилось тоскливо и грустно, но у дома девушку ждал приятный сюрприз. Белоснежный «мерс» стоял в тени деревьев, а Алекс,

прислонившись к капоту, увлеченно изучал экран планшетника. Рада счастливо улыбнулась, радуясь, что опасения оказались напрасны, и быстрым шагом направилась к молодому человеку.

– Привет, – тихо произнесла она, остановившись напротив. – Давно ждешь?

– Да нет… – Он рассеянно поднял глаза от экрана. – Недавно. Хотел предложить прогуляться и пообедать. Ты как на это смотришь?

– Почему бы и нет. – Рада кивнула и уселась на переднее сиденье. Сегодняшний день складывался намного удачнее, чем вчерашний.

Глава 15
Беседа по душам

День пролетел незаметно, сменившись прохладными, густыми сумерками, в которых витал неповторимый аромат лета, недавно скошенной травы и луговых цветов. Такого запаха нет в мегаполисе, а в небольшом городке, расположенном на берегу реки, он пропитывает все улицы, и его не может заглушить даже вонь автомобильных выхлопов.

Алекс оказался приятным собеседником и хорошо знал историю города. Молодые люди пообедали в симпатичном ресторанчике прямо на центральной площади, потом гуляли по окраинам, сидели на крутом берегу реки и болтали ни о чем. Рада намеренно не поднимала тему, касающуюся обстоятельств их знакомства; не рассказывала о сегодняшнем походе в музей и не спрашивала про местонахождение заинтересовавшего ее дома помещика Новослободского. Решила, что сегодня вечером хочет просто гулять, наслаждаться приятной компанией и делать вид, будто ничего ровным счетом не происходит. С Алексом это было очень просто. Он тонко чувствовал настроение и сам не заговаривал о сложных и неоднозначных моментах. Рассказывал об истории города, не касаясь сверхъестественных и мистических аспектов.

Даже призраки девушку сегодня не беспокоили, если не считать кратковременное виденье в музее.

– Мне с тобой хорошо, – признался он, притянув Раду к себе.

Она положила голову ему на плечо и замерла, прикрыв глаза. Приезжая в Кромельск, девушка и помыслить не могла, что заведет с кем-то романтические отношения. Встреча с Алексом стала очень приятной неожиданностью.

– Мне тоже. Так и сидела бы вечность, но нужно ехать домой. Несколько последних ночей я из рук вон плохо спала, да и сегодня не получится лечь раньше. – Рада с улыбкой посмотрела на экран мобильника – почти полночь.

– Хорошо, отвезу тебя, но, Рада, мы ведь увидимся завтра? – Алекс посмотрел на девушку полными надежды глазами – синими-синими, словно летнее небо.

– Обязательно, – кивнула она и улыбнулась.

– Только учти, постоянно откладывать неприятный разговор мы не можем. Все же за тобой охотятся, и нужно придумать, что сделать с твоей силой. Помнишь, я тебе обещал узнать.

– Ты посмотрел? Нашел способ? – насторожилась девушка. Ей

очень нравился Алекс, но она относилась к такому типу людей, которые не любят постоянно обсуждать свои проблемы и не стремятся взвалить их на чужие плечи.

– Ищу.

– Я тоже, – сообщила Рада, решив, что немного можно рассказать, не вдаваясь в подробности. – Сегодня удалось раздобыть часть интересующих сведений. Дед оставил мне в наследство портрет, на котором изображена девушка, удивительно похожая на меня. У нее на плече и сидела бабочка – сила, – девушка задумчиво коснулась своего плеча. – Я узнала, кто изображен на портрете. Представляешь, она жила в девятнадцатом веке и была любовницей какого-то местного «графа Цепеша» – неприятный тип, я тебе скажу. Завтра мне должны достать больше информации.

– Зачем ты во все это лезешь? – удивился Алекс и, чтобы смягчить грубые слова, поцеловал чуть отстранившуюся девушку в висок. – То есть ты же не хочешь эту силу, правильно? Так зачем пытаться выяснить какие-то нелепые подробности? Мне казалось, ты ищешь возможность от нее избавиться?

– В этой истории столько странностей… – покачала головой Рада. – Мне хочется во всем разобраться. Пока у меня одни вопросы. Я не знаю, куда денется сила, если я решу от нее избавиться. Растворится в воздухе? Но этого, как я понимаю, дед не хотел…

– Нет. – Алекс закусил губу, став невероятно привлекательным, и осторожно произнес: – Силу можно лишь передать, причем тому, кого любишь или кому безоговорочно доверяешь. Либо можно забрать у умершего, если он не успел создать резервуар для ее хранения…

– Как дед картину?

– Да…

– Ты знаешь… – Рада насторожилась. – Дед умер очень неожиданно в своей квартире, и сейчас я понимаю – его смерть была выгодна многим. Может, его убили в надежде, что он не успеет передать силу? Ведь, как я понимаю, у него не было преемников?

– К сожалению, я приехал в город недавно, после длительного отсутствия. Поэтому ничего сказать не могу. Рада, я не советую тебе лезть в это. Ты можешь всю жизнь бегать от преследований и бояться, что тебя убьют, а силу отберут, или избавиться от ненужного груза самостоятельно, на тех условиях, на которых хочешь, и наслаждаться жизнью дальше.

– Но как? – воскликнула девушка. – Я бы хотела, чтобы ничего не произошло, но сейчас вряд ли это можно изменить.

– Можно. Необходимо лишь найти того, кому ты доверяешь, и передать силу ему…

– Кому, например? – Раде не понравился его тон, в нем чувствовалась фальшь. Девушка почти слышала в ответ – «мне», но Алекс ее удивил.

– В идеале, это должен быть кровный родственник.

– Нет… – Девушка отрицательно покачала головой. – Мои родственники мне не поверят, а потом, я не хочу это проклятье перекладывать на их плечи…

– Знаю, поэтому и ищу какой-то выход. Добровольная передача силы – самый известный способ. Тут нужно лишь обоюдное согласие, ты должна быть готова избавиться от силы, а второй человек должен быть готов ее принять. Еще одно условие – тесный эмоциональный контакт.

– То есть продать какому-нибудь левому колдуну свою силу я не смогу?

– Нет… это не товар. Это дорогой дар, который можно либо передать по наследству, либо подарить бесконечно дорогому человеку. Его нельзя воспринимать как проклятье.

– Но я воспринимаю…

– Поэтому я и хочу тебе помочь. А пока обещай, что не будешь копаться в этой истории, хорошо?

– Но почему?

– Я за тебя волнуюсь…

– Не стоит. – В голосе Рады прозвучал металл. – Я привыкла самостоятельно принимать решения. Забота – это хорошо, но, как правило, напрягает. Я и сюда сбежала от опеки родителей. Давай ты не будешь пытаться занять их место, хорошо? У меня на тебя совсем другие планы.

Рада нежно скользнула по напряженно сжатым губам и отстранилась лишь тогда, когда они обмякли, а Алекс начал отвечать на поцелуй.

– Договорились. – Парень сокрушенно покачал головой. – Прости, иногда я бываю чересчур категоричен и прямолинеен – в папу. Тяжелый и властный характер – у нас семейное. У меня и в мыслях не было что-то тебе запрещать, в конечном счете, мы знакомы полтора дня. Но если собираешься копаться в этой истории, хотя бы держи меня в курсе. Хорошо?

– Ладно, – не задумываясь, согласилась Рада, решив, что взаимная симпатия, адреналин, будоражащий кровь, слегка кружащаяся голова и эйфория влюбленности – это прекрасно, но не повод быть предельно откровенной.

Алекс явно не в восторге от расследований Рады, и девушка решила его не расстраивать и держать в стороне от поисков. Так

даже лучше. Есть вещи, которыми не стоит делиться с объектом ночных фантазий, иначе можно испортить всю романтику в отношениях, а романтику портить не хотелось. Поэтому пусть будет «суп отдельно, мухи отдельно».

До дома доехали без сложных разговоров. Рада довольно улыбалась, а Алекс стеснялся проявления своей авторитарности и больше не затрагивал скользкие темы. К тому моменту, когда свернули в уже знакомый двор, настроение девушки окончательно улучшилось, и она почти перестала сердиться. Все же Алекс был удивительно милый и тактичный. Расставаться с ним не хотелось, и она бы обязательно поддалась соблазну и отправилась с ним выпить пару бокалов мартини «в чудесном ресторане под звездами», если бы не переживала, что отключится прямо за столиком. Стоило как следует выспаться.

Поцелуй был долгий, сладкий, с привкусом обещаний. Он говорил о том, как будет хорошо вместе, и словно извинялся: «не сейчас». Рада закрыла глаза и запустила руки в густую шевелюру Алекса. От кончиков пальцев и по позвоночнику теплом пробиралось нарастающее желание, хотелось целовать парня бесконечно, вдыхая волнующий запах, ощущая сильные руки на спине, девушка готова была превратиться в кисель, потребовались неимоверные усилия, чтобы отстраниться первой и сохранить лицо.

Машина не лучшее место для поцелуев и откровенных объятий, не хотелось, чтобы соседки с биноклями (а таких, девушка была уверена, в районе немало) потом стали на лавочках обсуждать ее непристойное поведение.

– Пока, – нежно шепнула она и, поцеловав Алекса в щеку, вышла из машины в густую, уже привычную тьму. Видимо, стоило завести привычку носить с собой в сумке фонарик. Уличное освещение в Кромельске являлось серьезной проблемой.

Белоснежный «мерс» выехал из двора, а Рада, вздохнув, отправилась в сторону подъезда. Пройти нужно было метров сто, не больше, через детскую площадку и узкий тротуар со старыми, давно не крашенными лавочками. Днем на них сидели молодые мамочки с колясками и местные старушки. Девушка не ожидала никакой опасности, романтический, спокойный вечер притупил чувство страха, заставил забыть о случившемся вчера. Поэтому Рада заметила нападающего в последнюю минуту. Он выступил вперед из тени, девушка с воплем кинулась в сторону, уворачиваясь от рук, пытающихся ее поймать, и метнулась к подъезду. Она надеялась скрыться от противника за тяжелыми металлическими дверями. А потом, если громко вопить в подъезде, есть шанс, что кто-нибудь вызовет полицию. Помощи

ждать не приходится – здесь живут одни старики.

Глухой удар за спиной не заставил даже обернуться, девушке было все равно, что там происходит, нужно было как можно быстрее скрыться.

Стало очень страшно. Не получалось даже вздохнуть нормально, и дыхание с хрипом вырывалось из легких. Рада на автомате ткнула трясущимися пальцами в нужные кнопки на кодовом замке и рванула на себя дверь, надеясь, что там ее ждет спасение, но тут же налетела на мощный торс. Даже не стала разбирать, кто это, просто со всего размаха пнула противника и отшатнулась назад, попав в жесткие объятия – со спины девушку тоже кто-то подстерегал.

Крик застрял у Рады в горле, она дернулась в кольце стальных рук, с ужасом наблюдая за тем, как медленно разгибается тот, кого она секунду назад пнула.

– Рада! Рада! Успокойся, это всего лишь я! – Знакомый голос за спиной не успокоил, он заставил испугаться еще сильнее, но Бер, словно предчувствуя это, рванул девушку на себя, прижал спиной к сильной груди и, закрыв рот рукой, зашептал на ухо:

– Тише! Это я. Не дергайся! – Кожу обожгло дыхание, да и сам парень был обжигающе горячий, словно у него температура.

Нападающий из подъезда, видимо, тоже узнал голос. Он весь как-то сжался, став сразу ниже ростом, и по стеночке начал отступать в темноту. Метнулась смазанная тень. Словно большая, в человеческий рост крыса незаметно прошмыгнула по земле и растворилась в кустах.

– Успокойся, слышишь! Не кричи, и я открою тебе рот. Хорошо? А то перебудишь весь район. Они ушли! Те, кто пытался напасть на тебя, ушли!

Бер ослабил хватку, и Рада тут же отскочила в сторону, пытаясь отдышаться и готовая в любой момент кинуться бежать. Драться с Бером не имело смысла – слишком разные весовые категории. Она ни на секунду не поверила парню, но звать на помощь почему-то не стала. Возможно, понимала, что это бесполезно. Он все равно окажется быстрее и сильнее любого случайного прохожего.

– А вдруг это ты пытался меня убить? В очередной раз… – Голос был тихий и слегка дрожал, а по щекам катились слезы. Напряжение последних дней наконец-то нашло выход.

– Я бы довел дело до конца. – Ответ, как всегда у Бера, – лаконичный и исчерпывающий. Рада сглотнула и отступила к стене дома.

– Тогда зачем ты снова приехал к моему дому?

– Гуляю…

– Нет! – Рада истерично затрясла головой, понимая, что руки не слушаются и не получится достать из кармана мобильник и попытаться вызвать полицию. Ничего не выйдет. Перед ней опасный и дикий зверь. Рада почему-то не могла воспринимать Бера иначе, возможно, из-за рассказа Рыжей о его прошлом. – Ты врешь, ты снова был у меня дома. Шарил там. Что ты искал?

– Меня там не было…

– Очередная ложь. – Девушка медленно пятилась к подъезду. Она надеялась, что Бер не станет ее задерживать, а оказавшись дома, в безопасности, она наконец-то сможет позвонить в полицию.

– Хорошо… – Бер слегка опустил голову, и его поблескивающих в темноте глаз не стало видно. – Я был там… не сегодня…

– Ты преследуешь меня? Охотишься, да? – Всхлипывания стали сильнее, Рада ненавидела себя за слабость, но ничего не могла поделать. Было очень, очень страшно, до потемнения в глазах.

– Нет. – Парень казался растерянным и слегка обиженным. – С чего ты взяла?

– Я постоянно натыкаюсь на тебя, и ты шарил у меня дома. Неужели этого мало?

– Прости. Пригласи войти, и я расскажу…

– Ну уж нет! – Девушка испуганно замотала головой, чувствуя, что этот до невозможности глупый жест входит у нее в привычку.

– Ты меня боишься. – В тихом шепоте укор и едва заметная боль. – Не могу винить, меня боятся многие. Прошлое. Наверное, мной пугают детей…

– Бер, ты правда такой дурак? – Рада не заметила, когда перестали дрожать руки. Она все еще ему не доверяла, но панический страх отступил. Бер до сих пор ничего плохого ей не сделал, а значит, уже и не сделает. Не сегодня. – Ты за мной следишь, ты проникаешь ко мне в квартиру и после этого утверждаешь, что я боюсь тебя из-за прошлого, о котором я даже не знаю?

– Не верю, о моем прошлом здесь знают все. Так можно войти?

– Зачем?

– Я расскажу тебе…

– Ты не можешь рассказать то, что меня интересует! – вспылила девушка. – До свидания!

– Я расскажу, зачем залезал в квартиру.

– Может, лучше расскажешь это полиции? Я могу вызвать.

– Ни к чему. Через полчаса меня вытащит отец. – Раде показалось, будто в безжизненном тоне Бера промелькнул смех. – Лишние телодвижения.

Он сделал шаг навстречу, и Рада поняла – отступать решительно некуда, да и сил нет. Девушка поймала холодный, расчетливый взгляд. Бер точно знал, что она уступит, и это раздражало, как и любая неприятная правда.

– Пошли, – раздраженно буркнула Рада, чувствуя себя полной дурой и не понимая, почему приглашает преступника домой. – Но в случае чего я буду орать как резаная и звонить в полицию. Понял?

– Конечно.

Позже Бер сидел на кухне, мрачно буравил взглядом турку и молчал. Раде стало на это тошно смотреть, и она, проклиная себя за вежливость, спросила:

– Кофе?

– Если не сложно. – На свету Бер казался чуть беззащитнее. Он чувствовал себя неуверенно и сидел так, словно боялся что-либо уронить или сломать. Парень действительно смотрелся инородно на девчачьей кухне среди вазочек и милых картинок Рыжей, рядом с розовыми кружками и маленькими блюдечками, на которых лежали крохотные печеньки. Рада не удержалась и прыснула в кулак, чувствуя, как уходят напряжение и страх.

– В чем дело? – Бер насторожился.

– Привести тебя сюда – правильное решение. Здесь ты пугаешь меня не так сильно. Кстати, можешь уже начинать рассказывать… Бер, мне неприятно твое общество, и я не собираюсь сидеть с тобой на кухне до утра… К тому же я очень устала и хочу спать.

Парень помрачнел, зеленые глаза потемнели, и Рада на миг испугалась, что перегнула палку, но он заговорил как ни в чем не бывало:

– После случившегося…

– А конкретнее. Я не улавливаю ход твоих мыслей. – Пенка на кофе медленно ползла вверх, и Рада, высунув кончик языка, выжидала момент, чтобы выключить конфорку, поэтому сказала, не подумав:

– Тебе нравится травить, да?

– Что?

Девушка обернулась, проворонила кофе, и ароматный напиток убежал на плиту.

– Вот черт! – выругалась она. – Ты не можешь сказать нормально, а? Из-за тебя всю плиту испачкала! Рыжая завтра будет возмущаться!

– Ладно. – Бер потер руками лицо и тихо заметил: – Рада, я не люблю говорить… мне сложно.

Девушка поставила перед ним чашку с кофе и села напротив. Судя по затравленному взгляду, он не врал, ему и правда было нелегко.

– Прости, – тихо извинилась она. – Рассказывай, я буду молчать. И мне тоже нелегко. Я привыкла говорить… много.

– После того, что со мной произошло, остались… – Бер замялся, – последствия. Я скрывал их ото всех: врачей, родителей, дипломированных психологов… Твой дед единственный, кто их заметил и помог мне с ними справиться…

– Мой дед не был психологом…. – осторожно заметила Рада.

– Дипломированным – нет, его считали колдуном. Ты ведь в курсе?

– Слышала… но никогда не думала, будто ты веришь в колдунов… не похоже это как-то на брутального парня… – отозвалась Рада, прощупывая почву и пытаясь понять, насколько много Бер знает.

– А кто тебе сказал, что я брутальный парень? – Он невесело усмехнулся, заставив невольно бросить заинтересованный взгляд. Рада не хотела его разглядывать, но не могла удержаться.

Густые светло-русые волосы, словно обрезанные ножом чуть выше широченных плеч; сильная шея; волевой, практически квадратный подбородок; резкая линия губ; нахмуренные брови и большие темно-зеленые глаза с совсем небрутальными ресницами – длинными и пушистыми – и отсутствующий мизинец на левой руке, которую Бер старался не держать на виду.

Раде казалось, что один бицепс Бера в обхвате практически с ее талию. Если не использовать слово «брутальный», парня можно было назвать только «качок».

– Тебе не нужно об этом говорить, – пожала плечами девушка. – У тебя зеркало дома есть?

– Внешность обманчива.

– Внешность – да… – Рада кивнула и закусила губу, пытаясь сформулировать подходящую фразу. – Но сила, которая от тебя исходит, не врет…

– В тебе больше от деда, чем я думал.

– Ты ошибаешься.

– Нет. Просто ты его не знала.

– Он не хотел меня знать…

– Он хотел.

– Что? – удивилась девушка.

– Но это совсем другой разговор, – покачал головой Бер.

– Не уверена…

– Рада…

– Хорошо, так зачем ты залезал ко мне в квартиру?

– А ты еще не догадалась?

– Нет, я не экстрасенс… и хватит говорить загадками и полунамеками. Мне приходится вытаскивать из тебя каждую фразу!

– Твой дед многим помогал решить проблемы, кому-то проще прийти к колдуну, а не к психологу…

– Например, тебе…

– Да, – не стал отрицать Бер. – Но, как любой психолог или врач, твой дед вел записи… часы и часы наших с ним разговоров… все мои проблемы… я не хочу, чтобы это вылезло на поверхность…

– Ты искал записи о себе?

– Да.

– Почему не попросил? Я отдала бы их тебе. Еще в первую нашу встречу было заметно – ты что-то ищешь. Я испугалась.

– Тебе не стоит видеть эти записи. – Бер пожал плечами, и Раде стало страшно, что водолазка на выступающих мышцах лопнет. – Людское любопытство не знает границ. Поверь, я это испытал на себе не единожды, поэтому не стал рисковать.

– Ты нашел?

– Нет, – покачал головой парень. – Точнее, нашел, но не смог достать… ноут…

– А, пароль! – Рада усмехнулась. – Сама наступила на эти грабли. Можешь не переживать, я не видела записей. Ни одной. Я – не хакер и пароль взломать не сумею. Хотела отнести в какую-нибудь контору, но пока не дошла.

– У меня есть друг, – осторожно начал Бер. – Он приличный специалист. Дай мне компьютер, я верну тебе его через пару дней разблокированным и без папки, касающейся меня. Остальное все будет на месте.

Рада задумалась. Она все еще не верила Беру, но его рассказ звучал очень логично, и не было причин для отказа, хотя один вопрос оставался открытым.

– Я тебе дам компьютер, – наконец согласилась Рада, – но скажи мне, зачем ты следил за квартирой сегодня?

– Не за квартирой, – медленно ответил Бер.

– За мной? – Страх снова подкатил к горлу тягучим, перекрывающим дыхание комком.

– Да. Я не хотел говорить об этом, но… – Парень тянул время, не решаясь продолжить. – Незадолго до смерти твоего деда мы говорили с ним о семье. Я бывал у него часто, чаще, чем обычный пациент. Можно сказать, мы дружили. Зашел разговор о родне.

Он рассказал о внуке и правнучке. Я думал, вы решили порвать связь со стариком, но он произнес странную фразу о том, что никто не виноват в сложившейся ситуации. И, якобы, его правнучке лучше всего будет вдали от него и этого города. Понимаешь, Рада, он всегда хотел с тобой встретиться, но почему-то категорически не желал видеть тебя здесь. Он боялся и даже не рисковал встречаться с вами на нейтральной территории. Степан Григорьевич был очень организованным и дальновидным человеком…

– Он бы не оставил мне квартиру…. – тихо закончила фразу Рада, чувствуя, как со щелчком встает на место очередной кусочек пазла.

– Да.

– Получается, завещание подделано?

– Рада, откуда же я знаю? Да, я залез в кабинет отца, да, я нашел завещание, но подлинник это или подделка, откуда мне знать? Мы же не в детективном сериале. Это завещание не отличается от других, виденных мной у отца. Обычная бумажка, на которой напечатан перечень имущества, стоит подпись, похожая на подпись твоего деда, и печать. Все!

– Мне нужно обдумать… – Рада резко поднялась и двинулась к выходу. – Я принесу тебе ноутбук, и ты уйдешь. Я не хочу больше разговаривать. Пойду спать.

– Ты ничего не хочешь сказать мне еще? Неужели тебе неинтересно, кто на тебя сегодня напал и как это связано со смертью твоего деда?

– Я ничего не хочу, особенно от тебя, – немного резко ответила Рада. – Я устала, собираюсь спать и все еще не уверена, что все мои неприятности не из-за тебя.

Глава 16
Убийство

«Господи, как все сложно в моей жизни!» – размышляла Рада, причесываясь перед зеркалом. Черные кудрявые волосы спутались, и расческа в них не лезла. Это доставляло массу неудобств, и девушка злилась. Подобное случалось каждое утро, если Рада забывала заплести непослушную, густую шевелюру в косу. Зато в процессе расчесывания можно было как следует поразмыслить над своими проблемами.

Мысли перепутались не меньше, чем волосы на голове. Жаль только, собственные переживания, проблемы и непонятки нельзя расчесать, как непослушную шевелюру, обычной массажкой. Раде просто необходимо было поговорить хоть с кем-то, постараться систематизировать собственные знания, в надежде, что пазл, наконец-то, сложится, хотя бы частично. Единственным кандидатом на задушевную беседу была Рыжая. Она, по крайней мере, не сочтет Раду сумасшедшей, так как сама немного странная и не от мира сего. В ее жизни тоже есть место для сверхъестественного, художница должна воспринять рассказ адекватно.

Часы на мобильнике показывали два часа дня. Так долго Рада не спала никогда. Видимо, сказались предшествующие бессонные ночи.

– Ну ты и дрыхнешь! – хмыкнула Рыжая. Она по своему обыкновению сидела на подоконнике и смотрела на шелестящую листву деревьев.

– Мне нужно с тобой поговорить, – с порога заявила Рада, никак не прореагировав на замечание соседки.

– Даже кофе не попьешь?

– В процессе попью, если ты не против, – отмахнулась девушка, поставив турку на медленный огонь, и замолчала. Начать рассказ было нелегко.

– Ночью к тебе заходил гость…

– Можно об этом позже? – взмолилась Рада и добавила серьезнее: – Сразу прошу прощения, но тебе придется выслушать массу несвязной информации. Мне просто необходимо выговориться, иначе мозг взорвется.

– Ты что-то узнала? – догадалась Рыжая. – Мы последние два дня почти не общались. Я решила, либо ты прекратила свои поиски, либо не хочешь делиться со мной новыми сведениями.

– Скорее, второе, – нехотя призналась Рада. – Просто, чем

больше удается выяснить, тем сильнее я запутываюсь и глубже увязаю в чем-то непонятном и опасном. Мне не хочется втягивать в это кого-то еще. За последние два дня я узнала столько странного, что, кажется, схожу с ума. Я тебе сейчас расскажу все, только не перебивай и не беги звонить в сумасшедший дом, хорошо?

– И это ты говоришь мне? – с усмешкой поинтересовалась художница. – Я опять испортила работу, придется перерисовывать. И надо-то было сделать банальный натюрморт, но даже его я умудрилась загубить. Одна радость – рисовать по второму разу очень не люблю, а значит, и цветы вянуть и вновь расцветать на холсте не будут. Представляешь, они реагируют на погоду! Без дождя вянут! Черт бы их побрал! Впрочем, опять я о себе. Рассказывай!

– Хорошо. – Рада согласно кивнула и начала: – В этом городе реально живут колдуны, причем, как я поняла, двух видов. Обычные – почти хорошие и личи – тут мне сложно объяснить. Личами становятся после смерти сильные колдуны, практикующие темную магию. Мой дед был не просто колдуном, он являлся гарантом равновесия темных и светлых сил в городе.

– Подожди… это тебе рассказала профессорша? – удивилась Рыжая.

– Нет… – Рада поморщилась. – Не она, но об этом позже. Итак, смерть деда была выгодна личам. Они хотят забрать его силу и устранить нового гаранта стабильности.

– А кто новый гарант стабильности?

– Тот, кому досталась сила деда…

– Ты… – понимающе кивнула художница, кажется, ничуть не удивившись.

– Именно. Я еще не поняла, как это действует. Не знаю, зачем нужен гарант, какую роль он играет в городе, и не нашла подтверждения этой информации. Но меня активно пытаются убить, и это совершенно очевидно. Я встретилась с парнем…

– Вау! – оживилась Рыжая, словно именно этот факт имел самое важное значение.

– Подожди ты! – Рада смутилась. – После того, как мы с тобой расстались позавчера, на меня напали какие-то отморозки в парке, и меня спас парень, который оказался немного сведущ в колдовских делах. – Девушка отрицательно помотала головой, не давая прервать себя Рыжей, ерзающей на подоконнике от нетерпения. – Я расскажу тебе и о нем, и о нападении чуть позже, когда закончу основную мысль, а то забуду. Про колдунов и личей мне поведал именно он. И после этого разговора я поняла, что представляет собой бабочка и почему она оказалась сначала

на картине, а потом у меня на плече.

– То есть ты выяснила необходимое? Бабочку оставил тебе дед?

– Да, это его сила. Но вопросов меньше не стало. Периодически я вижу… как бы видения из прошлого. Мне кажется, они связаны с цыганкой с портрета и с бабочкой. Вряд ли дед заказал картину случайно.

– Ты хотела узнать, кто изображен на ней. Получилось?

– Да. Любовница местного сумасбродного помещика Новослободского, жившего в девятнадцатом веке.

– Послушай, того самого?! – Во взгляде Рыжей промелькнула заинтересованность.

– Не знаю, того или не того, знаю только, что он был порядочный мерзавец. А ты про него слышала?

– Он достаточно известная личность, но я не знаю ничего, выходящего за рамки общеобразовательного курса. Про его кровавые злодеяния нам рассказывали и в школе на уроках краеведения, и потом слово в слово повторяли в университете. Местные байки, приправленные некоторым количеством реальных исторических фактов. Могу сказать одно: если и были в нашем городе сильные темные колдуны, то он в первых рядах.

– Отсюда вопрос: почему я так похожа на его любовницу?

– Родственная связь?

– Как тогда наш род стал хранителями города, если прапрабабка не гнушалась темных ритуалов и кровавых оргий?

– Не знаю.

– Вот и я, но хочу выяснить. Сегодня Анна Осиповна должна мне передать дополнительную информацию об Александре Новослободском. Профессор предполагает, что в документах и книгах должны быть сведения и про его любовницу. Говорят, после смерти Новослободского она вышла замуж за его двоюродного брата и осталась в городе. По моему мнению, это очень странно. Ее должны были бы выгнать взашей!

– Да, нравы тогда были суровые! – согласилась Рыжая. – Странно, но люди, ненавидевшие помещика, после его смерти ничего не сделали беззащитной, по сути, пособнице. На ней должны были отыграться, или я не все понимаю?

– Вот и я об этом думала. Может, ответ найдется в документах. Но это еще не все странности, – продолжила Рада. – В ту ночь, когда мы с тобой ходили гулять, я поняла, что в наше отсутствие в комнате кто-то побывал, и заподозрила Бера, но не стала тебе ничего говорить, так как ты хорошо к нему относишься. Решила все проверить сама и на следующий день отправилась в парк. Разговор у нас не задался с самого начала, я

разозлилась и окончательно убедилась в том, что в квартиру залезал именно он, а вчера снова встретила его у подъезда.

– Думаешь, тебя хочет убить Бер? – скептически поинтересовалась Рыжая и взглянула на Раду прозрачными светло-голубыми глазами.

– Не знаю… вчера он меня спас, но это ни о чем не говорит. – Рада покачала головой и чуть отвернулась. От взгляда соседки стало как-то не по себе. – Все так запутано.

– Бер небеден и, насколько я знаю, не замешан ни в каких криминальных историях… – Рыжая задумчиво вертела в руках кружку. – Он сказал, что ему было нужно?

– Да, ноутбук деда. Вроде бы Бер обращался к деду за помощью. Психотерапевтической или магической – теперь уже и не знаю. Лечил последствия стресса. Но главное не это. Бер сказал мне одну очень важную вещь. Якобы дед не хотел, чтобы я приезжала в город. А вдруг и бабочка, и картина – предупреждение? Вдруг он оставил цыганку как предостережение? Мы ведь очень похожи…

– Думаешь, Степан Григорьевич хотел, чтобы ты узнала ее судьбу? Но зачем? Хотя это очень на него похоже – загадки и шарады. Он не знал тебя, но сыграл на том, что зацепит любого, – на сходстве. Умно. Даже самого равнодушного заинтересует феноменальное сходство с человеком, который жил двести лет назад.

Разговор с Рыжей помог разобраться в каше, которая царила в голове. Но не дал ответов на вопросы. Зато сейчас девушка, по крайней мере, смогла выстроить имеющиеся сведения в цепочку и понять, где не хватает кусков в этой истории. Стало чуть легче.

К музею Рада подошла за полчаса до закрытия и уже в холле почувствовала неладное. На пустующей стойке администратора стояла фотография в черной рамке – Анна Осиповна.

– Непонятно… – пробормотала Рада и услышала у себя за спиной всхлипывание.

– Вам помочь? До закрытия полчаса, вряд ли успеете посмотреть экспозицию…

– Да нет… я к Анне Осиповне, она мне назначила встречу… – Рада медленно повернулась и встретилась глазами с худощавой, слегка сутулой молодой женщиной с мышиного цвета волосами, забранными в высокий тугой пучок. Нос у дамы покраснел, а глаза блестели от слез.

– А вы не в курсе? Разве не слышали? – Она всхлипнула еще раз и громко высморкалась в мужской клетчатый платок.

– Нет… – призналась Рада. – А что я должна была слышать? Как я понимаю, случилось непоправимое? – Девушка указала на

фотографию и вызвала очередной поток слез работницы музея.

– Нету, нету больше Анны Осиповны! Вы бы знали, какая женщина была хорошая! Начальница замечательная, не бывает таких!

– Но что произошло? Я видела ее вчера днем. Она чувствовала себя вроде бы отлично.

– Ее машина сбила. – Тощая дама всхлипнула еще раз и постаралась вытереть слезы ладонью, предварительно покосившись на нечистый платок. – Совсем недалеко отсюда. Анна Осиповна торопилась в университет, у нее там была назначена рабочая встреча с каким-то приезжим профессором. Машина – по описаниям очевидцев, черный внедорожник – сбила ее в двух метрах от пешеходного перехода и умчалась, даже не притормозив! Вот скажите, что за люди такие пошли?

– Нелюди, – пробормотала Рада, думая о своем и, извинившись, вышла на улицу.

Она не верила в совпадения. Ее саму несколько раз пытались убить и однажды едва не сбил черный внедорожник. Странно, только вчера Анна Осиповна обещала найти нужные книги, а уже сегодня ее нет в живых… Получается, из-за нее, Рады?

Девушка брела медленно, не в силах успокоиться. Настроение испортилось, хотелось отмотать пленку назад, но это было невозможно. Теперь, когда появились жертвы, следовало разобраться в запутанной ситуации до конца и как можно быстрее. Насколько важные материалы хранятся в музее, раз для того, чтобы Рада их не увидела, убили профессоршу? И вообще, как узнали об их вчерашней встрече? Рада никому про нее не рассказывала, кроме Рыжей. Неужели подружка оказалась предательницей? Хотя нет… Рыжая только сегодня узнала результат встречи, к этому времени Анна Осиповна уже была мертва.

«Выходит, за мной вчера кто-то следил?» – с ужасом подумала девушка, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Рада не пошла сразу домой, сначала присела на лавочку на центральной площади города напротив кинотеатра, расположенного в старинном здании, с фронтона которого на Кромельск хищно взирали несколько горгулий.

Здесь, в толпе народа, Рада чувствовала себя немного увереннее. Чем дальше, тем сильнее хотелось разобраться в тайнах этого проклятого города. Только вот Рада не знала, к кому обратиться за помощью. Алекс рассказал все, что знает, и советовал не лезть в неприятности. Нравоучения слушать не хотелось, а на романтические прогулки не было настроения, поэтому девушка с сожалением отменила вечернюю встречу.

Алекс искренне расстроился, и Раде стало не по себе, но она понимала – вряд ли сможет сегодня вечером делать вид, будто ничего не случилось.

К тому же на вечер у нее появились собственные планы, только вот реализовать их без чьей-либо помощи вряд ли получится. Рада собралась проникнуть в музей и обшарить кабинет Анны Осиповны в надежде найти нужные материалы, но было страшно. Обращаться за помощью к Беру не хотелось, но здесь, в Кромельске, он оказался единственным знакомым, обладающим нужными навыками, и явно знал о ситуации в городе больше, чем говорил. Конечно, Рада подозревала, что он сам является личем, но вчера Бер ее спас, а не убил, и это давало определенную надежду.

Помучившись сомнениями еще какое-то время, девушка достала из сумки визитку и набрала номер.

– Мне нужно с тобой поговорить, – тихо произнесла она.

Рада встретилась с Бером на нейтральной территории, в ресторане «Погребок», где несколько дней назад сидела с Рыжей. Пока ждала парня, изучила меню и заказала себе жаркое в горшочке – оно одуряюще пахло, и девушка довольно жмурилась от удовольствия, размышляя над тем, что есть во время стресса – не лучшая привычка.

Прежде всего стоило решить, какую информацию можно, а какую нельзя рассказать Беру. Он явно знал о деде много, больше, нежели сама Рада, но вот насколько был в курсе сверхъестественных событий – неизвестно. Девушка не хотела становиться той, кто ему расскажет о творящейся в городе чертовщине.

– Зачем я тебе нужен?

Несмотря на внушительные габариты, Бер передвигался совершенно бесшумно. Рада задумалась и даже не заметила его появления, поэтому вздрогнула и едва не опрокинула на себя глиняный горшок.

– Черт! – сдавленно выругалась она, нервно поправляя волосы. – Ты меня напугал!

– Снова, – заметил Бер и присел напротив. – Так что ты хотела?

– Мне нужна твоя помощь… – нехотя призналась девушка. – Точнее, не твоя. А вообще помощь, но я не знаю, к кому, кроме тебя, обратиться… дело специфическое…

– Ты же мне не доверяешь и почти не знаешь.

– Именно, но ты залезал ко мне в квартиру…

– Не понимаю логики. Тебе тоже сложно говорить?

– Мне говорить легко! – огрызнулась Рада, которая уже

начала жалеть об этой встрече. Наверное, стоило позвонить Алексу. – Но не на эту тему. Сейчас я банально не знаю, с чего начать.

– Начни с сути. Какой помощи ты от меня ждешь?

– Мне нужно, чтобы ты залез со мной в краеведческий музей и помог достать некоторые сведения.

– Так… – Бер нахмурился и с тоской покосился на официантку, не спеша, впрочем, ее подзывать. – Пожалуй, все же я хочу услышать эту историю с начала. Зачем тебе проникать в музей и почему ты обратилась ко мне?

– С тобой-то все просто, – отмахнулась Рада и поймала за рукав пробегающую мимо девушку с подносом: – Кофе, пожалуйста. Бер, тебе чего-нибудь нужно?

Парень уткнулся носом в скатерть и недовольно буркнул:

– То же самое.

– Я не могу понять, – поинтересовалась Рада. – Мне кажется или ты боишься официанток?

– Скажем так, я недолюбливаю людей вообще.

– По тебе не скажешь.

– А я скрываю, но сейчас мы говорим не о моих фобиях, так ведь?

– Да точно! Просто тема такая скользкая и неоднозначная… К тебе я обратилась, так как ты успешно проник ко мне домой, значит, необходимый навык есть. А еще ты не раз хвастался, что тебя при необходимости «отмажет» отец, и это ценно, если собираешься нарушить закон.

– Сомнительная причина… Так, а зачем это мне?

– Тебе, конечно, незачем… – Девушка погрустнела. – Но мне нужно очень, и обратиться больше не к кому. Если я полезу одна, думаю, меня тут же поймают.

– Ну так убеди меня помочь тебе, Рада. Что тебе понадобилось в краеведческом музее маленького городка? Коллекция бабочек или, быть может, чучело лисы? Я знаю, там есть одно, изрядно поеденное молью.

– Смотри-ка, ты даже говорить начал много и связно, – не удержалась от шпильки Рада и, заметив свирепый взгляд Бера, торопливо начала излагать дальше: – Мне нужны документы, которые обещала собрать директриса музея – Анна Осиповна. Я должна была забрать их сегодня.

– И в чем проблема?

– Анну Осиповну вчера сбила машина, и мне кажется, как бы глупо это ни звучало, причина – те самые документы.

– Рассказывай, – скомандовал Бер, и Рада послушно заговорила:

– Помнишь, картину, которую мне оставил дед?

– Допустим.

– На ней изображена девушка, очень похожая на меня. Думаю, дед заказал Рыжей портрет не случайно. Мне стало интересно, и я начала искать сведения о том, кто это. Оказывается, девушка-цыганка была любовницей местного помещика девятнадцатого века. Этот помещик прослыл колдуном и чернокнижником. Анна Осиповна должна была мне собрать документы о нем и его любовнице, но когда я сегодня пришла их забирать, то узнала, что вчера после нашей встречи ее сбил черный внедорожник. Всякое бывает, роковая случайность, и я бы подумала точно так же, но буквально два дня назад сама едва не погибла под колесами такого же автомобиля. Я не хочу просить документы у работников музея, им сейчас не до меня. А потом, вдруг еще кто-то пострадает?

– Поэтому ты решила их утащить?

– Да. Мы с Анной Осиповной сидели у нее в кабинете, и она сказала, что сведения находятся «где-то здесь». Может быть, получится найти.

– Хорошо, я тебе помогу, – неожиданно легко согласился Бер. – Только нужно узнать, как там обстоят дела с охраной. Сторожа, кажется, нет. На окнах решетки и вроде бы сигнализация. Я уточню и в двенадцать за тобой заеду.

– А как мы туда проникнем, особенно если там сигнализация?

– Пока не знаю. – Парень пожал плечами, кинул на стол деньги за кофе и направился к выходу, но замер на секунду за спиной девушки.

– Интересная татуировка… – Рада почувствовала на плече обжигающе горячие пальцы. – Ее не было, когда ты приехала в город…

– Не было… – Девушка сглотнула, с трудом сдерживаясь, чтобы не шарахнуться в сторону.

– Но она была на картине… я помню… – заметил Бер и убрал руку. – Интересно, правда?

Рада резко обернулась, судорожно придумывая, что бы ответить, но Бер уже ушел, видимо, сделав какие-то выводы.

Глава 17
Как украсть миллион

Рада весь вечер провела как на иголках. Она даже на кухню не высовывалась, чтобы, не дай бог, не пересечься с Рыжей. Впрочем, художница была, как и многие творческие люди, нелюдимой и прекрасно чувствовала себя в одиночестве. Вероятнее всего, она даже не заметила отсутствия соседки, и это Раду устраивало.

Бер, как и обещал, заехал ровно в двенадцать и сделал дозвон на мобильник. Девушка бросила последний взгляд в зеркало и поспешила к выходу. Она не знала, во что одеваются, когда идут «на дело», поэтому остановила выбор на темно-синих джинсах, черной водолазке с воротником-стоечкой и удобных кожаных кроссовках, купленных за бешеные деньги на распродаже в каком-то крутом магазине. Волосы девушка заплела в косу, ключи сунула в карман, а мобильник, поразмыслив, оставила на тумбочке в прихожей. Не хватало еще, чтобы он затрезвонил в самое неподходящее время.

– Куда это ты на ночь глядя собралась? – сварливо поинтересовалась Рыжая, выползшая с кухни. Художница была растрепана и не умыта, на носу красовалось зеленое пятно от масляной краски – видимо, весь день рисовала.

– У меня свидание, – ничуть не теряясь, соврала Рада.

– С тем парнем на белом «мерсе»? – В глазах Рыжей мелькнула вялая заинтересованность.

– А ты откуда знаешь?

– Видела, как вы вчера уезжали. Как раз из магазина шла. Ты меня не заметила.

– И как он тебе? – немного волнуясь, уточнила Рада.

– Высокий. Фигура хорошая. Блондин – люблю блондинов, а лицо не разглядела – прости. – Рыжая пожала плечами. – Только вот прикид у тебя какой-то… не для свиданий… – подозрительно пробормотала она и заразительно зевнула.

– А-а-а… – Рада окинула себя взглядом, соображая, что сказать, и, наконец, выдала: – У нас запланирована длительная пешая прогулка.

– Не лучшее время суток вы выбрали, – скептически проворчала художница и скрылась в своей комнате, а Рада захлопнула дверь и сбежала вниз по лестнице.

У подъезда ее ждал Бер. По иронии судьбы, прикидывая, как лучше одеться, Рада невольно скопировала стиль парня. На нем

тоже были темно-синие джинсы и неизменная водолазка с глухим воротом. Девушка хмыкнула, но Бер не обратил на это внимания.

– Садись, – указал он себе за спину. – Я узнал, в музее нет охраны, как мы и предполагали, но есть примитивная сигнализация.

Рада не стала уточнять, что лично она ничего не предполагала, только взвалила всю подготовку опасной авантюры на плечи Бера.

– Зато есть черный ход. Он расположен за забором с торца здания, – продолжил парень. – Угол там глухой, ходом давно не пользуются, я уже заглянул туда – срезал замок и убрал железный засов, нам останется только отключить сигнализацию и пройти внутрь. На задней двери датчиков нет, но в самом здании нас может поджидать сюрприз. Так что не будем рисковать.

– Но как мы это сделаем? – удивилась Рада. – Лично у меня необходимых навыков нет.

– У меня тоже, – лениво отозвался Бер и сменил тему. – Смотрела старый фильм «Как украсть миллион»?

– Если честно… – замялась девушка. – Нет…

– Значит, для тебя этот способ будет откровением. Поехали.

Рада подозрительно уставилась на рычащего зверя и вцепилась в массивную ручку. Девушка уже ездила с Бером и знала, что он уверенный и осторожный водитель, но двухколесному транспорту все равно не доверяла. Предпочитала четыре колеса и крышу над головой.

Мотоцикл молодые люди оставили за два квартала до здания музея, Рада вообще не поняла, зачем было куда-то ехать, проще дойти пешком прямо от дома, но спорить не стала. Ей и так несказанно повезло, что Бер согласился помочь.

– Смотри, – сказал он и, достав из кармана пригоршню мелочи, швырнул ее в темное окно музея, где за решеткой мигал красный огонек сигнализации. Громко взвыла сирена. Рада присела, невольно вцепившись в локоть Бера. Девушке показалось, будто она оперлась на каменную статую – настолько твердо-рельефной была рука парня.

– Ты что творишь? – возмущенно зашипела девушка, а Бер, подхватив ее под локоть, потащил за собой через заросли акации к небольшой вытянутой площади, расположенной на противоположной стороне дороги. Там находился памятник какому-то борцу за справедливость и аллея с лавочками, на которых вечерами собиралась молодежь. Но сейчас никого не было, видимо, даже припозднившиеся любители ночных прогулок разбрелись по домам.

Если сначала молодые люди бежали, то к лавочкам подошли

совершенно спокойно, не таясь, и Бер присел на первую попавшуюся, вальяжно отклонился на спинку и вытянул ноги. Похоже, он собирался сидеть здесь и никуда не торопился.

– Что это вообще было? – отдышалась Рада и обиженно покосилась на парня. Неужели он просто обманул и не собирается помогать?

– Слишком долго объяснять. – Бер нахмурился и уставился на музей, виднеющийся сквозь кусты акации.

– Ну ты уж потрудись! – психанула Рада и плюхнулась рядом.

– Хорошо. – Бер покосился на нее подозрительно, словно собирался отсесть, но с места не двинулся. – Как ты думаешь, что сейчас происходит?

– Мы кинули мелочью в окно музея и, как два дурака, сидим в темноте на лавочке! – Девушка не была настроена гадать, поэтому язвила.

– Я спрашивал не об этом.

– Прости, но я не знаю, о чем ты спрашивал.

– Ну, вот сработала сигнализация… и? Ты знаешь, как развиваются события дальше? – Бер послушно сформулировал более точный вопрос, полностью проигнорировав сарказм Рады.

– Нет… – Она несколько смутилась, уже пожалев о том, что сорвалась.

– А я представляю. Сигнал поступает на пульт централизованной охраны. Диспетчеры высылают две патрульные машины.

Откуда-то послышался звук полицейской сирены, неожиданно ворвавшийся в ночную тишину.

– Вот и первая, – довольно сообщил Бер. – Она едет прямиком на возможное место преступления.

– А вторая? – заинтересовалась Рада.

– А вторая в это время отправляется за тем, у кого есть ключ.

– За работником музея?

– Да, чаще всего это завхоз.

– А как это поможет нам?

– Как ты думаешь… – Парень хитро усмехнулся. – Через какое количество вызовов им надоест сюда мотаться и они отключат сигнализацию? Думаю, четырех-пяти ночных поездок хватит.

– Мне нравится твой план. – Рада невольно улыбнулась. – Как мне самой не пришло это в голову?

– Гениальное – просто, – бросил крылатую фразу Бер и тут же добавил: – Но я тоже не дошел до этого способа сам. Просто подсмотрел.

Сначала все шло по плану, и первые два раза с интервалом минут в тридцать Беру удавалось включить сигнализацию и

спрятаться до приезда патрульной машины. А потом полицейские, которые тоже, видимо, смотрели упомянутый Бером фильм, стали умнее и оставили один автомобиль дежурить у главного входа.

– И как нам теперь быть? – запаниковала Рада, вытянув шею и пытаясь рассмотреть сквозь кусты, что происходит у здания музея, но так почти ничего и не увидела. Только подмигивающие проблесковые маячки на крыше машины.

– Ночь. Полицейские невнимательные и сонные. Смогу пробраться мимо них незаметно и включить сигнализацию еще раз. Она заорет прямо у них под носом, полицейские поймут – это просто сбой оборудования, и отключат охрану до утра. Только я зайду с другой стороны, чтобы из машины нельзя было услышать несильный удар в стекло.

– Я с тобой не пойду. – Рада поежилась и даже чуть отодвинулась от парня, тем самым точнее выражая свое намерение. – Страшно.

– Как хочешь.

Бер буквально растворился в темноте. Рада не заметила, когда он успел уйти. Только стоял здесь и секунду спустя исчез. Даже ветки акации не шелохнулись. Видимо, за несколько лет дикой жизни Бер многому научился.

После того как парню удалось бесшумно раствориться в кустах, Рада начала верить, что Бер сумеет незаметно проскользнуть мимо патрульной машины. Хотя унять дрожь в руках и коленях так и не смогла.

Она очень переживала, как бы парень не попался, но не могла сказать, на чем основано волнение и чего боится сильнее: того, что Бера схватят и проникнуть в музей не получится, или того, что парень сдаст ее. И та и другая причина были мелочными, поэтому Рада разозлилась на себя и принялась пристально изучать тонкие, слегка дрожащие пальцы. Это успокаивало.

Бер вернулся так же бесшумно и незаметно, как исчез. Секунду назад Рада была одна, и вот парень уже сидит рядом на лавочке.

– Перестань подкрадываться! – возмутилась она, едва сдержавшись от крика. – Я стану заикой!

– Зачем так нервничать? – удивился он. – Успокойся и не дергайся. Смотри, если сейчас машина уедет, значит, все получилось.

Впрочем, задумка Бера удалась не полностью. Молодые люди видели, как пожилая женщина завхоз ругается, размахивает руками на улице возле центрального входа в музей, и уже практически отпраздновали победу, но радость была

преждевременная. Сигнализацию все же отключили, это Бер проверил, снова запустив в окно мелочью, но в холле здания остался один из полицейских дежурить на ночь.

– Вряд ли он будет прогуливаться по музею, скорее всего, пристроится дремать где-нибудь на входе… – задумчиво протянул Бер, изучая здание музея.

На первом этаже в окне, расположенном возле центрального входа, горел свет.

– И что ты предлагаешь? – Голос Рады дрогнул.

– Я ничего не предлагал. Это ты собиралась залезть в музей. Вот и полезли. Сигнализация отключена. Черный ход расположен с торца здания, кабинет на втором этаже. Если мы не будем шуметь, охранник ничего не заметит.

– Не знаю, получится ли у меня…

Сомнение в собственных силах было очень сильным, и Рада бросила тоскливый взгляд в сторону музея.

– А ты очень сильно постарайся, а то неприятности будут у обоих. Ты хоть знаешь, что искать?

– Представления не имею, – призналась девушка, втайне надеясь, что после этого Бер точно решит никуда не соваться, но парень, похоже, не имел привычки отступать с намеченного пути.

– Ну ты даешь! Там даже свет не включишь, – хмыкнул парень. – Но я взял фонарь на всякий случай. Быстро забрать все нужное и свалить не выйдет, поэтому будем действовать очень аккуратно. Хорошо?

– Хорошо.

Бер помог Раде перебраться через высокий чугунный забор, лезть по которому было удобно, как по лестнице, из-за множества кованых элементов – их удалось использовать как ступени. Девушка лишь немного запаниковала, когда пришлось спрыгнуть вниз в объятия Бера. Но парень поймал ее, словно пушинку, и тут же поставил на землю, будто ему стало противно.

Рада ничего не имела против. Она до сих пор очень неуютно чувствовала себя рядом с Бером, который внушал неконтролируемый, иррациональный страх, а на заднем дворе музея в три часа ночи девушке и так было не по себе.

Здесь оказалось темно и хламно. Под ногами валялись старые доски; на земле росла почти метровая крапива. Рада выругалась, когда колючие листья полоснули по тыльной стороне ладони. Огромные репьи цеплялись за волосы, девушка с шипением выдирала их и все сильнее жалела о том, что не просто влезла в сомнительную авантюру, а сама ее придумала.

Маленькая дверца, ведущая внутрь музея, находилась за кустами вишни и оказалась почти незаметна. Без Бера Рада бы ее

точно не заметила. Похоже, черным ходом давным-давно никто не пользовался.

– Главное, чтобы она была не завалена изнутри каким-нибудь мусором, – пробормотал Бер, хватаясь за проржавевшую ручку.

– Посвети мне! – скомандовал он, и Рада послушно нажала кнопку на фонаре. Бледный, голубоватый луч высветил часть двери и мощные руки Бера, на которых даже сквозь водолазку был виден рельеф хорошо прокачанных мышц.

Парень напоминал древнегреческую статую и казался неестественным – таких сейчас не встретишь. У Алекса, например, было тело танцора, а не громилы.

Раздался характерный скрип давно не смазываемых петель, и дверь медленно отъехала в сторону, открыв темный узкий проход. Рада в него могла проникнуть без проблем, а вот Беру пришлось попотеть, чтобы сдвинуть дверное полотно еще хотя бы на несколько сантиметров в сторону и пролезть самому.

– Старайся не шуметь, – тихо сказал парень, осторожно ступая по заваленному хламом полу. – В холле дежурит полицейский, не забывай об этом. Ты помнишь, где находится кабинет?

– Да. – Рада боялась даже дышать, не то что шевелиться. – Кабинет на втором этаже, но мы с Анной Осиповной заходили через центральный вход. Найду ли его сейчас, не знаю. Я не очень хорошо ориентируюсь, а тут, ко всему прочему, еще и темно.

– Постарайся. Я был в музее один раз и видел наверху неприметную дверь, думаю, как раз через нее мы и выйдем в коридор второго этажа.

– Все смотрели экспозицию, а ты изучал двери? – не сдержалась Рада.

– Не совсем. Считай это еще одной фобией. Я всегда и везде ищу пути отступления – привычка, которую не изменишь. Если не вижу запасного выхода – нервничаю.

– Экий ты! С тонкой духовной организацией, – отозвалась Рада, поднимаясь по шаткой, скрипучей лестнице. Было приятно, что суровый Бер тоже чего-то в своей жизни боится.

– Уж какой есть, – недовольно огрызнулся за спиной парень, и Рада, забыв об осторожности, нервно хихикнула.

Узкая деревянная лестница вывела на второй этаж. Прежде чем толкнуть дверь наружу, Бер дернул Раду за рукав и прошептал:

– А теперь тише, охранник не должен ничего услышать, иначе у нас будут неприятности.

– Да поняла я, – отмахнулась Рада. – Меня больше волнует, не заперта ли эта дверь…

– Не должна, я в прошлый раз проверил…

– И все же ты – параноик… – пробормотала девушка.

– Т-с-с-с.

Парень повернулся, прижал палец к губам и сделал страшные глаза. Рада послушно замолчала и пропустила его вперед, чтобы выйти в пустой и темный коридор музея, спрятавшись за широкой спиной спутника. Девушка приказывала себе не нервничать, но справиться с волнением было нелегко. Сильно пугал сидевший внизу охранник, а значит, случайно вызванный шум моментально создаст проблемы. Очень бы не хотелось обнаружить себя.

Бер проскользнул по длинному коридору словно тень – бесшумно и быстро. Рада прокралась следом, стараясь вставать на носочки и не дышать слишком громко. Ей казалось, что все получилось замечательно. Глаза привыкли к полумраку. Из высоких окон в помещение проникал холодный лунный свет, и девушка могла различить грубые черты лица Бера, и, похоже, он был чем-то недоволен.

– Слон, – сказал он одними губами и, пригнувшись, двинулся дальше.

Молодым людям предстояло преодолеть самую сложную часть пути – открытый балкон-партер, нависающий над холлом, в котором горел свет. Рада осторожно высунулась из-за угла, бросила взгляд вниз и заметила полицейского. Он сидел на музейном кресле, забросив ноги на высокую стойку администратора, и пытался сконцентрироваться на газете. Мужчина явно скучал.

Несильный рывок за руку заставил девушку очнуться и практически на карачках устремиться вслед за Бером. От партера вниз шла лестница, ее Рада помнила хорошо.

После того как удалось миновать открытое пространство незаметно, девушка дернула Бера за рукав водолазки и качнула головой вправо, показывая направление. Парень послушно кивнул, двинулся в нужную сторону и через минуту замер у обычной деревянной двери, покрашенной белой краской, которая местами облупилась.

– Только тут заперто! – с нарастающей паникой констатировала очевидный факт Рада.

– А ты что хотела? – удивился Бер и, порывшись в кармане, достал связку то ли ключей, то ли железных палочек. Поковырялся сначала одной в замке, выругался и достал другую. Через секунду замок щелкнул. Дверь открылась плавно, без скрипа, и Рада, облегченно выдохнув, шагнула внутрь. Первая часть сложного квеста была благополучно завершена. Они смогли проникнуть внутрь незаметно. Теперь осталось только найти

документы и так же незамеченными выбраться обратно.

Глава 18
Ночь в музее

Здесь было темно, душно и пахло старыми книгами. Вековая пыль пропитала все вокруг, от нее даже начало першить в горле. Холодный лунный свет проникал в давно не мытое окно и рассеивался на старом, зашарпанном ковре – такие модно было стелить в кабинетах директоров советского времени. И здесь он лежал, наверное, годов с семидесятых. Без света даже рисунок разобрать было невозможно, зато Рада хорошо помнила его цвет – винно-бордовый со светлыми, вытертыми проплешинами и зеленым кантом по краям.

На уровне глаз в холодных лунных лучах серебрились пылинки, очень похожие на мелкий переливающийся снег. В кабинете было тихо, как в могиле. От неуместных сравнений по спине пробегали мурашки. Дыхание Бера за спиной немного успокаивало и придавало сил, но Рада все равно чувствовала себя уставшей, измученной и напуганной. Нервное напряжение не прошло даром.

Рада медленно осела у стеночки, прижав холодные ладони к пылающим щекам, чем вызвала недоуменный взгляд Бера.

– Перевожу дух, – пояснила она, немного устыдившись собственной слабости. – У меня, вон, до сих пор тремор!

Девушка в доказательство протянула вперед руки.

– Ты лучше ищи книги, а не дух переводи, – отмахнулся Бер. – Быстрее найдешь – быстрее уберемся отсюда. Вот тогда и будешь отдыхать и успокаиваться.

– Знать бы еще, где искать. – Рада встала и уныло посмотрела на многочисленные папки и пухлые томики, валяющиеся на столе, полу и стоящие на книжных стеллажах. – Здесь сотни книг, мне кажется…

– В этом я тебе не помощник. – Бер подошел к окну и пробормотал, вглядываясь в темную улицу: – Подожди-ка, кажется, наш охранник решил покинуть свой пост.

– Где? – Рада метнулась к парню и успела заметить, как полицейский, который должен был дежурить внизу, в холле, сел в припаркованный у дверей служебный автомобиль и отбыл в неизвестном направлении.

– Тебе везет, – проворчал Бер, не поворачиваясь. – Включай фонарь и быстро обшаривай полки. Предполагаю, наш охранник еще вернется. Нам лучше убраться до этого момента. Мне кажется, он уехал попить кофе, ну, может, вздремнуть часок-

другой. Но судьбу лучше не испытывать, чем быстрее закончишь, тем лучше.

– Думаешь, мне нравится тут торчать? – спросила девушка и закусила губу, прикидывая, откуда начать поиски. По словам работницы музея, машина сбила Анну Осиповну днем, значит, вряд ли она успела найти обещанные книги и они могут быть где угодно.

Но все же Рада, чтобы успокоить себя, сначала быстро просмотрела содержимое стола – преимущественно большие глянцевые альбомы с фотографиями. Там были картины и на первый взгляд ничего имеющего отношение к семье Новослободских.

Девушка торопливо подошла к полкам и начала светить фонариком на корешки книг с названиями, не говорящими ни о чем. Найти нужное в незнакомом кабинете, когда книги расставлены исключительно исходя из логики их погибшей владелицы, было просто невозможно.

Сначала Рада изучала методично томик за томиком, но время шло, а поиски не давали результата. За спиной недовольно сопел Бер, и девушка металась от полки к полке, пытаясь найти хоть что-то.

– Рада, мы здесь уже больше получаса. Пора уходить. – Парень передернул плечами, словно ему вдруг стало зябко. – Мне здесь не нравится…

– Секунду… – Рада почти отчаялась, взглянула на темные корешки и тут заметила у окна фигуру печальной девушки, одетой в старомодный сарафан. Она уже видела ее в прошлый визит в музей. Впервые призрачная сущность смотрела с какой-то осмысленностью, от холодного нечеловеческого взгляда стало жутко, но Рада, поборов брезгливость и страх, сделала несколько шагов вперед.

– Ты куда? – нервно спросил Бер. Его голос дрогнул, словно на парня неожиданно напал озноб. – Пошли.

– Подожди немного, куда ты торопишься? – поинтересовалась Рада, не сводя глаз с призрака. Грустная девушка в старомодном одеянии стояла не шелохнувшись.

– Я привык доверять своим инстинктам, сейчас мне не по себе…

– И я догадываюсь почему… – Рада подошла вплотную к призрачной девушке и заметила, что ее рука лежит на корешке какой-то толстой книги.

– Мне ее взять? – тихо шепнула Рада, напугав Бера.

– О чем ты? – дернулся он.

– Ни о чем.

Призрачная девушка кивнула и двинулась вдоль полки, касаясь тонкими пальцами некоторых хаотично расположенных книг. Рада послушно вытаскивала одну за другой. Среди всего попался даже толстый альбом, но рассмотреть его содержимое было невозможно в такой темноте. Да Рада и не пыталась, она неожиданно поняла, что на правильном пути.

– Ты чем занимаешься? Решила вытащить книги наугад?

– Типа того, – отрешенно отозвалась Рада, и тут в помещение ворвался истошный визг. Рада даже не сразу поняла – это кричит ее мертвая помощница.

– Что с тобой? – насторожился Бер, заметив, как испуганно дернулась его спутница.

– Не со мной… – потрясенно пробормотала Рада, с ужасом наблюдая за тем, как корчится на полу призрачная девушка. Вспыхнули полы ситцевого платья, рот открылся в безумном крике, а с лица начала слезать кожа, сгорая в невидимом огне. В помещении почувствовался запах гари.

Рада, поперхнувшись собственным криком, даже не смогла ничего объяснить Беру. Только попятилась назад, прижимая к груди толстую пачку книг.

– Да какого черта здесь творится? – не унимался парень. – Ты видишь что-то, чего не вижу я? – догадался он, и Рада часто-часто закивала головой в знак согласия. Она была довольна, что Бер догадался сам и ему не придется ничего объяснять.

– Чего именно?

А вот на этот вопрос девушка толком ответить не могла. Старинный дом наполнился криками и стонами, еще одна корчащаяся фигура появилась в дверном проеме – на сей раз тощий юноша с веревкой на шее, судя по всему, семинарист. Запах гари стал отчетливее. По полу поползли сизые струйки дыма, и тут занервничал Бер. Его ноздри дрогнули, видимо, он тоже уловил запах…

– Бежим отсюда! – Бер резко дернул девушку за локоть. – Бежим, пахнет гарью… пожар! Быстрее!

Девушка очнулась от транса и кинулась следом, притормозив рядом с дверью. Шагнуть сквозь тело, догорающее в корчах на полу, было мучительно страшно.

– Не стой на месте! – Бер потянул так сильно, что Рада едва не уронила книги.

– Осторожнее ты!

– Брось их! Все равно нужного ничего не нашла.

– Нашла, – уперлась девушка, сильнее сжав в руках книги.

В горле начало першить от едкого сизого дыма, который сотней змей полз по пустынному коридору музея. Он вырывался

из стен, просачивался между деревянными досками пола и спускался подобно лианам с потолка.

Спустя секунду раздался характерный треск. Огонь, ошалелый, пожирающий все на своем пути, бушевал в коридоре второго этажа. Он вспыхнул в одну секунду и тут же начал осваивать новые и новые территории.

Еще один, непонятно откуда взявшийся очаг появился у молодых людей за спиной, в кабинете директора. Рада успела заметить, как алые языки пламени с жадностью накинулись на книжные полки.

Коридор полыхал. Пламя расползалось со стороны балкона. Завыла пожарная сигнализация, и Бер, прикрыв нос и рот ладонью, кинулся бежать быстрее, пытаясь прорваться к лестнице, ведущей к черному ходу. Холл первого этажа тоже был охвачен огнем, туда не имело смысла соваться.

Пламя заняло почти все свободное пространство, и оказалось невероятно трудно убедить себя промчаться по узкому перешейку, ощущая, как жар опаляет щеки и пытается дотянуться до волос. Воздуха не хватало, книги мешались, и одну Рада все же уронила. Возвращаться за ней было нельзя, и девушка продолжила путь, чувствуя, как горят легкие и кружится голова от недостатка кислорода.

Рада не помнила, как спускалась по лестнице, и едва не упала на заднем дворе музея. Но Бер не позволил ей даже отдышаться, все тянул и тянул за собой, уводя от пылающего здания дальше, к припаркованному на соседней улице мотоциклу.

Надсадно выли сирены. Мимо медленно бредущих молодых людей проехала пожарная машина с мигалками, но даже отсюда Рада прекрасно видела, что спасти музей не удастся. Пламя заглатывало старые деревянные перегородки и довольно отрыгивало огненными снопами через треснувшие оконные стекла. Даже шахматная крыша накренилась, и несколько пылающих кусков кровли спикировали вниз, на тротуар.

– Не может загореться так быстро… – прохрипел Бер. Он тоже дышал с трудом. Его лицо было перепачкано в саже, а рукав водолазки он изорвал, когда буквально перекидывал обессилевшую Раду через забор.

– Нас запишут в поджигатели? – испуганно спросила девушка. Ее саму не оставляли в покое видения корчащихся в агонии призрачных существ. Казалось, им было мучительно больно, и Рада была согласна с Бером – так быстро изнутри здание разгореться не может.

– Не запишут, – категорично заявил Бер. – Нас никто не видел. Мы катались на мотоцикле, а потом гуляли. Ты поняла?

Девушка кивнула и на автомате передала несколько спасенных книг в руки парню. Она даже не заметила, что все еще несет их, судорожно прижимая к себе. Несколько старых томиков – это вся оставшаяся музейная коллекция. Остальное сгорело. Вчера погибла Анна Осиповна, а сегодня перестало существовать и ее любимое детище. Об этом было жутко думать. Рада не могла отделаться от чувства вины. Из-за ее интереса убили Анну Осиповну и, чтобы никто не добрался до опасной информации, сожгли музей. Что же было в этих книгах, если кто-то пошел на такие преступления?

Раде было невероятно страшно, ведь охота шла и за ней самой. Только вот сдаваться уже было нельзя. Девушка верила: защитить ее может только информация. Нужно понять, какое место она занимает в этом городе, и только после этого решать, что делать дальше.

– Поехали. – Бер запихал книги в один из багажных кофров мотоцикла и завел мотор. – Скоро рассветет, а мы все в саже. Не нужно, чтобы кто-то видел. Дома засунь одежду в стирку. Сразу же, иначе от нее будет нести гарью за версту. Ни к чему лишние улики. Поняла? И сама в душ сходи. Волосы тоже, наверное, пропахли.

– Я всегда вечером хожу в душ, – по привычке огрызнулась Рада, словно ее касающиеся гигиены привычки сейчас имели хоть какое-то значение.

Кабинет был большим и неприлично роскошным. Здесь все кричало о деньгах: и позолоченные ручки на дубовых дверях, и затемненные стеклопакеты на окнах, и дорогая, выполненная на заказ мебель. Длинный, сделанный из темного дерева стол для переговоров блестел, словно его натерли воском совсем недавно.

– Мне не нравится, что творится в городе, София. – Мужчина сидел в высоком кожаном кресле лицом к стене и прижимал к плечу массивную трубку винтажного телефона. – Ты должна была все уладить, но вместо этого ситуация с каждым днем приобретает все более неприятный оборот. Мне уже звонила Инга Игоревна, она обеспокоена смертью Анны Осиповны и пожаром, случившимся в музее. Как ты могла такое допустить?

– Что значит – не виновата? – Голос мужчины, сначала обманчиво мягкий, теперь разносился по кабинету, словно рев разозленного буйвола. – Ты ответственная в этой ситуации, и ты знаешь, какие действия надо предпринять! Не дай никому перейти нам дорогу, ты меня поняла? Слишком многое поставлено на карту.

Глава 19
Новые открытия

Все книги и альбом – то, ради чего Рада потратила столько времени и сил, остались у Бера. Девушка заметила это только дома, но не расстроилась. Состояние было таким ужасным, что читать и анализировать она сейчас все равно ничего бы не смогла. Голова раскалывалась, в горле до сих пор першило от дыма, а перед глазами стояли догорающие человеческие фигуры, пусть и давно уже мертвые. Вылазка получилась на редкость неудачная, и девушку трясло от воспоминаний и осознания того, в чем она оказалась случайно замешана. Бер хоть и говорил, что никто их не заподозрит, сама Рада боялась до дрожи в коленях. Казалось, будто арестовывать ее придут прямо с утра.

Не стоило затевать это рискованное предприятие. И вообще, нужно было слушаться отца и не ехать в Кромельск. Но вместе с отчаянием и безысходностью в душе закипала злость. Девушка долго стояла под обжигающими струями и смывала с себя гарь и копоть, рядом мерно жужжала стиральная машина. Не думать о случившемся было невероятно сложно, поэтому Рада напилась успокоительных и впала в ступор. Стало чуть проще – то ли таблетки подействовали, то ли повторяемые, словно мантра, слова: «Нужно успокоиться, все будет хорошо».

Завернувшись в огромное махровое полотенце, Рада отправилась спать. К счастью, усталость оказалась сильнее переживаний и страхов, и девушка отключилась до утра. Этой ночью если и были в ее снах какие-то кошмары, они там и остались. Проснувшись ближе к полудню, Рада ничего из них не помнила.

Разбудил ее звонок мобильного. Это был Алекс. Он переживал и беспокоился по поводу вчерашнего вечера. Парень спрашивал, не обижается ли Рада на что-нибудь, и звал на романтическую ночную прогулку.

Звонок растрогал, и Рада, вспомнив, каким кошмарным выдался минувший вечер, не задумываясь, согласилась. Правда, до приятной встречи нужно было еще очень много всего сделать. Например, вызвонить Бера и забрать у него книги.

Рада надеялась, что призрачная девушка не просто бесцельно ходила мимо полок, а точно знала, что делает. Иначе и проникновение, и страх, и пожар – все напрасно.

Пожар беспокоил Раду очень сильно. Он случился неожиданно и вряд ли имел естественные причины, иначе почему

в пламени сгорели давно умершие, бесплотные сущности? Этого девушка не знала и, более того, не представляла, у кого можно спросить совета. Не у Бера же? Хотя парень, вероятнее всего, в курсе некоторых вещей. Вопрос, насколько сильно он сам увяз в интригах мистического мира Кромельска? Рада до сих пор сомневалась, можно ли ему доверять.

Пока девушка умывалась, чистила зубы и неторопливо варила на кухне кофе, выползла сонная Рыжая и явился Бер, вызвав заметный интерес у соседки, которая по иронии судьбы открыла дверь.

Если бы на ее месте была Рада, она не стала бы впускать парня в квартиру, а просто забрала бы у него книги, но любопытная Рыжая оказалась гостеприимной хозяйкой и даже предложила гостю кофе, а он по какой-то причине согласился.

– Просили тебе передать. – Он протянул Раде обычный пакет с ручками. Бер выглядел так, словно ничего не произошло. Даже водолазка и джинсы на нем были такие же, как вчера. Неужели ему не надоели вещи, ничем друг от друга не отличающиеся?

– Спасибо, – пискнула девушка, чувствуя себя неуютно под пронзительным взглядом зеленых глаз, и прижала к себе бесценные сокровища.

– Что это? – сунула свой любопытный нос художница. Бер помрачнел, а Рада не стала отвираться и честно ответила:

– Книги.

– Те самые, которые ты вчера должна была забрать в музее?

– Не совсем. – Рада опустила глаза, пытаясь скрыть волнение. – Анна Осиповна погибла…

– Как это так?!

– Прости, я тебе вчера не сказала… – Рада покачала головой. – Сама была в шоке. Ее сбила машина… Конечно, никаких книг она мне не нашла, а вот Бер согласился помочь…

– У отца неплохая библиотека, – с готовностью поддержал парень. – Часть книг он купил вместе с загородным домом, там было достаточно много еще дореволюционных изданий, и это его воодушевило. Он скупил в городе все, до чего смог дотянуться…

Оказывается, если нужно, Бер мог вдохновенно врать. Рыжая поверила безоговорочно, но ее следующая фраза заставила страхи вспыхнуть с новой силой.

– Получается, вчера вы ездили обсуждать книжные вопросы? – Она ухмыльнулась, а Рада мысленно выругалась, чувствуя, как бледнеет. – И, видимо, обсуждали их до утра.

Вот казалось бы, Рыжая всегда погружена в свои картины. Она вдохновенно рисует сутками, и иногда создается впечатление, что окружающий мир ее совсем не интересует. Она

тактична и может не задавать неудобные вопросы. С ней хорошо и удобно… но от нее невозможно ничего скрыть. Она, похоже, всегда оказывается в нужном месте и в нужное время. Сначала застукала с Алексом, а теперь вот с Бером! И то, и другое девушка предпочла бы не афишировать. Пока Рада стояла и размышляла над удивительными способностями Рыжей, Бер не растерялся и, недвусмысленно подавшись вперед, произнес почти шепотом:

– Не совсем.

От его взгляда Раду бросило в дрожь. Нечего и думать, будто Рыжая не обратила на это внимание.

Рада мысленно выругалась, понимая, что теперь художница будет ее считать легкомысленной кокеткой, если не выразиться резче. День – с одним на белом «мерсе», день – с другим на мотоцикле. Просто замечательная репутация! Та, о которой Рада мечтала! Положение усугубил Бер, который обнял девушку за талию и настойчиво потянул в комнату со словами:

– А теперь прости, Рыжая, но мы отлучимся на секунду. Свари кофе.

Сопротивляться Беру было бесполезно, он находился в иной весовой категории, и Рада покорно смирилась, обдумывая планы мести. Сухой поцелуй обжег висок. В нем не было эротизма, но со стороны он смотрелся нежно и интимно.

– Какого черта ты творишь? – воскликнула Рада, планируя оттолкнуть нахала, но Бер торопливо отступил сам, едва только закрылась дверь в комнату.

– Так лучше, – ничуть не смущаясь, произнес он. – У Рыжей теперь есть пища для фантазий, а значит, она не будет анализировать вчерашний вечер и не сопоставит три ключевые составляющие: нас, книги и пожар, о котором скоро будет знать весь город. К тому же мне нужно проверить одну вещь…

– Какую именно? – сварливо спросила Рада, с неудовольствием замечая, как Бер без спроса проходит в комнату и направляется в сторону ванной.

– Эй! Ты куда? – девушка побежала следом, мечтая огреть незваного гостя по спине чем-нибудь тяжелым.

– Мне нужно взглянуть на то место, где умер Степан Григорьевич, – нехотя пояснил парень. – Хочу кое-что проверить…

– А поконкретнее можно? – спросила Рада, застыв за спиной Бера, но ответа на свой вопрос так и не получила. Молодой человек замер на кафельной плитке. Постоял минут пять и, развернувшись, вышел.

– Что ты искал? – еще раз спросила Рада.

– Неважно, – отозвался помрачневший Бер и добавил: – Пошли пить кофе, и улыбайся!

– Как я смогу улыбаться, зная, о чем думает Рыжая? – возмутилась девушка и передернула плечами. Воображение услужливо подкинуло слишком уж реалистичную картинку, от которой кровь хлынула к щекам, а по позвоночнику пробежал ток. «Черт бы побрал этого Бера!»

Кофе пили в тишине. Рыжая подозрительно изучала то Раду, то Бера и не решалась задать вопросы, которые читались у нее на лице. Рада смущалась и злилась, а Бер молчал по своему обыкновению.

К счастью, он не обнаглел настолько, чтобы остаться на весь день, и, поблагодарив за кофе, ушел. Рада вызвалась его проводить. Девушке не хотелось оставаться наедине с Рыжей.

– Я тебя ненавижу, – заявила она у входа. – Так меня подставить!

– Кто бы говорил, – заметил Бер, и Рада сморщилась, вспомнив про вылазку в музей.

– Надеюсь, ты не против того, что я сделал себе ксерокопии? – тихо уточнил он.

– Нет, – отмахнулась девушка. – Это меньшая из бед! Изучай, если интересно. Книги-то хоть те, которые нужно?

– Те, – кивнул он, – и мне очень интересно узнать, как ты их нашла.

– Не спрашивай…

– Не буду, – согласился Бер и поспешил вниз по лестнице, а Рада захлопнула дверь и ретировалась к себе в комнату изучать добытые вчера сокровища.

Начать девушка решила со старинного альбома с фотографиями. «Лица и места нашего города» – было написано на обложке от руки красивым почерком с завитушками. Внутри – пожелтевшие от времени картонные листы, на которых наклеены черно-белые фотографии неизвестных людей. Вот старая цыганка со всклокоченными волосами на очень знакомых каменных ступенях – уж не Рада ли в старости? Девушка поспешно перелистнула страницу. Вот руины дома Алекса – видимо, так особняк выглядел в советские годы: покосившиеся колонны, разбитые окна и просевшая крыша. На фоне разваленного дома маленькая девочка в белых гольфах и с бантами. Старые снимки были не очень интересны – незнакомые места, незнакомые люди. И Рада уже хотела отложить альбом в сторону, когда заметила снимок, который привлек внимание. Молодая женщина сфотографирована на фоне музейной экспозиции. Сзади нее виднеется уже знакомый портрет цыганки, значит, фото сделано еще до первого пожара. А рядом с картиной висит еще одна – молодой, откинувшийся в кресле барин. Картина на стене очень

мелкая. Даже разобрать черты лица не удалось, но она все же зацепила Раду, и девушка продолжила листать альбом в надежде, что дальше ей улыбнется удача. Но, к сожалению, в альбоме больше ничего не было. Он оказался пустышкой. Зато девушка сразу же узнала картину с помещиком, ее достаточно крупная репродукция была представлена в большой книге по истории Кромельска.

Рада взглянула в лицо изображенного молодого человека и обомлела. С картины на нее взирал спокойный, с наглым, уверенным взглядом Алекс. Он был изображен в домашнем одеянии – в модном в середине девятнадцатого века аргамаке, расшитом золотыми птицами. Подпись внизу картины гласила: «Александр Степанович Новослободский».

Девушка не могла поверить глазам, такого она точно не ожидала. Получается, история повторяется вновь? И она, и Алекс – точные копии своих предков? А дом Алекса – это восстановленное поместье Александра Новослободского.

Девушка снова схватилась за альбом. Теперь многие фотографии воспринимались совсем иначе. Стало понятно, почему висят вместе картины на стене музея, и разрушенный дом Рада рассмотрела внимательнее, даже крыльцо, на котором сидела цыганка, узнала. Неужели она так и не перестала любить своего кровожадного возлюбленного, раз даже в старости сидела на ступенях его дома? Сколько же ей лет на снимке? Столько точно не живут…

Ответы на многие вопросы можно было получить, если прочитать оставшиеся книги. Девушка переложила несколько томов и выбрала совсем старый, написанный, наверное, еще в довоенные годы. Бумага пожелтела, а буквы местами побледнели. В выходных данных значился 1938 год. Рада торопливо открыла оглавление и выбрала интересующие ее даты. Она так зачиталась ярко написанной историей Кромельска середины девятнадцатого века, что едва не пропустила свидание с Алексом.

Больше всего девушку, конечно, поразило сходство парня с его предком и история любви богатого, избалованного помещика и свободолюбивой цыганки. Время словно возвращало все на круги своя, сведя Раду и Алекса спустя много лет. Девушка не верила в случайные совпадения.

Получается, дед, когда оставлял портрет, хотел, чтобы Рада выяснила именно это? Но зачем? В той истории почти двухсотлетней давности было слишком много пробелов. Любовь Рады и Александра оказалась жаркой, быстротечной и закончилась трагично. Александра убили, а Рада вышла замуж за его брата. Как-то иначе девушка представляла себе возвышенные

чувства. Прародительница ей виделась чересчур легкомысленной особой, а вот Александр, несмотря на устрашающую репутацию, наоборот, вызывал симпатию, казалось, он был искренне увлечен ветреной красоткой.

О том, что творил помещик, стараясь произвести впечатление на свою возлюбленную, девушка предпочитала не думать. Гораздо больше ее занимал вопрос, как именно погиб Александр и кто был виновен в его смерти.

Девушка, бросив взгляд на часы, торопливо отложила книги и кинулась собираться. Опаздывать она не любила.

Когда она торопливо сбежала вниз по ступеням, белоснежный «Мерседес» уже ждал у подъезда. Рада чувствовала себя сказочной принцессой. Это ощущение появилось утром после звонка парня и исчезло лишь на несколько часов, пока она изучала исторические документы.

Рада постаралась с помощью одежды вернуть атмосферу сказочности: надела белый сарафан с летящей юбкой, по низу которой шло широкое кружево; ажурные мягкие сапожки, сделанные из плетеных кожаных ремешков, а на плечи накинула короткую джинсовую жилетку. Летний романтичный образ дополняли распущенные волосы и звенящие браслеты. В некоторые пряди девушка вплела тонкие лески с маленькими жемчужными бусинами.

– Ты такая красивая! – Алекс белозубо улыбнулся и протянул девушке руку, помогая усесться в машину. Сам он словно предугадал, какой стиль одежды выберет его спутница. На нем сегодня были светло-голубые, совпадающие по тону с жилеткой Рады джинсы и белая рубашка. Расстегнутый ворот подчеркивал ровный южный загар.

Рада невольно залюбовалась гладкой бронзовой кожей и приятной открытой улыбкой парня.

– Куда мы поедем? – Девушка опустила глаза. Комплимент, сказанный тихим, ласкающим голосом, недвусмысленно вспыхнувший взгляд и сильная шея в распахнутом воротнике рубашки – все это заставило Раду смутиться. Она, чувствуя, что в горле пересохло, поспешила сменить тему.

– Это сюрприз! – Алекс ухмыльнулся и завел машину.

– Не уверена, что люблю сюрпризы, – подозрительно отозвалась Рада.

– Этот приятный, обещаю. Надеюсь, тебе понравится.

Глава 20
Ночная романтика крыш

Смеркалось, город утопал в пропитанной запахами цветов летней ночи, а автомобиль Алекса уносил молодых людей на левый берег тихой узкой речки, в новую часть города. Там сверкали огни, машины ехали быстрее, а вывески светились ярче. Рада заинтересованно разглядывала незнакомые улицы из окна машины. Она здесь не была ни разу, и Новый город покорял не меньше, чем Старый. В этом районе все казалось живее, знакомее и современнее. Исчез налет древности и мистичности – Новый город представлял собой шумное местечко, не лишенное, однако, своего очарования и индивидуальности.

– Мы приехали? – завороженно спросила Рада, высунувшись в открытое окно машины, когда Алекс остановился на мосту. Вообще в автомобиле был кондиционер, но девушке нравилось ощущение свежего ветра в лицо.

– Не совсем, – покачал головой парень, вышел, хлопнув дверью, и закончил, наклонившись к открытому окну: – Просто я посчитал, что тебе должен понравиться вид, открывающийся отсюда. Завораживающее зрелище.

– Тут действительно удивительно красиво… – прошептала Рада, остановившись возле обычных металлических перил-ограждений неширокого низкого моста. Речка Кромка была совсем узкой, переплыть ее смог бы даже такой сомнительный пловец, как Рада, но местные поговаривали – безопасность реки обманчива. Кромка была глубокой, быстрой и коварной. Поэтому для купания оборудовали лишь один пляж, недалеко от парка, там река расширялась и была относительно спокойной.

Девушка как завороженная уставилась на воду, тихо бьющуюся внизу о бетонные сваи моста. Алекс подошел сзади. Осторожно, словно спрашивая разрешения, обнял ее за талию. Стало хорошо и спокойно. Раде нравилось чувствовать за спиной горячее, сильное тело, вдыхать запах терпкой туалетной воды и еще чего-то незнакомого, но неуловимо связанного с Алексом.

В темных волнах отражалась бледная, огромная луна, казавшаяся нарисованной на небе. Подрагивающая серебристая дорожка из холодного, призрачного света бежала по волнам и терялась в темноте под мостом.

Рада перегнулась через перила и подставила лицо свежему ночному ветру. Немного пахло тиной, влажной землей и еще чем-то неуловимо летним. Чернильное небо отражалось в воде, делая

ее похожей на разлитую нефть. Рада бросила взгляд на лунную дорожку, которая заканчивалась у самого моста, и заметила неясную тень.

Хотела отстраниться, но не успела. Призраки настигли ее и здесь. Девушка с растрепанными волосами, в которых запутались водоросли, бледные губы и провалы глаз. «Беги! – шепнула утопленница. – Беги, а то погубит!»

Рада, заставляя себе дышать размеренно, закрыла глаза и отстранилась от перил.

– Ну что? Готова ехать дальше? – шепнул Алекс, и его горячее дыхание обожгло кожу чуть ниже уха. Рада поежилась – стало щекотно и в то же время волнующе-приятно. Очередное пугающее видение она предпочла забыть. Сколько можно бояться?

– Подожди еще чуть-чуть, – попросила она и украдкой бросила взгляд на воду, где минуту назад видела утопленницу. – Я никогда не видела такой луны… она завораживает. Просто огромная и нереальная…

Лунная дорожка была пуста, и Рада окончательно успокоилась.

– На нее можно будет посмотреть завтра, – нерешительно отозвался парень. – Завтра полнолуние, говорят, лучшее время для тех, кто обладает силой… мистические моменты. Проверим?

– Ты приглашаешь меня еще на одно свидание? – Девушка резко обернулась, хитро улыбнулась и закинула тонкие запястья со звенящими браслетами парню на шею. Этот вечер ей нравился. Было свободно, легко и интригующе. Хотелось гулять до рассвета, дурачиться и целоваться.

– Если ты согласна, я готов пригласить на тысячу свиданий, – нежно прошептал он и ласково провел рукой по щеке девушки, убирая непослушную, скользнувшую по губам смоляную прядь. – Поехали… – еще раз попросил он и осторожно поцеловал чуть приоткрытые губы. Едва заметное касание, заставившее Раду выдохнуть и потянуться вперед, но Алекс отстранился со словами: – Так мы рискуем не добраться до места назначения.

– Ну, хорошо! – озорно улыбнувшись, согласилась Рада и по-королевски подала парню руку. – Показывай свой приятный сюрприз и молись, чтобы он превзошел этот чудесный вид.

– Превзойдет! Не переживай! – ответил на улыбку Алекс. – Здесь пыль, машины, а там…

– Что там? – не удержалась от вопроса Рада и уселась в автомобиль. Алекс вставил ключ в замок зажигания и тихо ответил:

– А там просто ночь, городские огни и мы.

Время летело незаметно. Рада глазела по сторонам, отмечая

наиболее понравившиеся вывески и делая себе пометки на будущее о том, куда стоит заглянуть при наличии свободного времени и денег. Алекс остановил машину у обычной городской высотки и, подав руку, помог Раде вылезти.

– Где мы? – удивилась девушка, оглядевшись.

Двор как двор, ничего красивого и примечательного. Скучно. Неужели парень решил притащить ее в свою квартиру? Если так, то сюрприз не удался. Банально, неинтересно и особняк всяко лучше, но пока озвучивать свои сомнения Рада не стала.

– Увидишь. Не расстраивайся раньше времени, я действительно веду тебя в особенное место, – загадочно отозвался Алекс и, взяв ее за руку, потянул за собой. – Пойдем.

Поднявшись на лифте на последний этаж, молодые люди оказались перед небольшой запертой дверцей, ведущей на крышу.

– Что мы здесь делаем? – Рада начала нервничать, сюрприз Алекса ей уже не нравился.

– Ты такая недоверчивая и пугливая… – Парень сжал ее руку и ободряюще улыбнулся. – Во всем ищешь подвох, но его нет. Правда. Мы почти на месте.

Рада напряженно кивнула, но решила действительно не паниковать раньше времени и, сжав зубы, последовала за Алексом на крышу. И ничуть об этом не пожалела. Сюрприз удался.

Парень действительно постарался. Рада не представляла, как он смог это организовать, но на обычной крыше обычной многоэтажки стоял небольшой столик с бутылкой шампанского, фруктами и цветами и два стульчика.

– Алекс! – Рада довольно улыбнулась и, не сдержавшись, кинулась ему на шею. – Ты действительно мастер по части сюрпризов. Никто еще для меня подобного не делал.

– Это еще не все. – Парень мягко отстранился и, взяв девушку за руку, подвел к краю крыши, точнее, к металлическому ограждению. Отсюда открывался непередаваемый вид на город. Кромельск был словно на ладони: внизу переливалась огнями шумная новая часть города, виднелась центральная дорога со светящейся лентой фар, откуда-то звучала едва слышная музыка – огни ночного клуба светились справа, а впереди загадочно поблескивала черная гладь реки Кромки.

Старый город на противоположном берегу уже спал и отсюда казался подернутым дымкой, словно скрытый от остального мира мистической завесой. Впрочем, наверное, так и было.

– Удивительно…

– Лучше обзор только со смотровой площадки Воскресенского собора на центральной площади в старой части города… Но там

угол не тот, внизу раскидывается Старый город, а Новый лишь виднеется вдалеке отсветами тысяч огней. По мне, отсюда панорама интереснее.

Некоторое время Рада просто завороженно смотрела вниз, чувствуя, как ветер ласково перебирает распущенные волосы. Двигаться и говорить не хотелось, девушка ценила и наслаждалась тем ощущением умиротворения и счастья, которое почувствовала, очутившись на этой крыше.

– Шампанского? – тихо поинтересовался Алекс, и Рада, смутившись, повернулась. Она оказалась так очарована видом, что даже забыла о своем спутнике. Хотя сейчас, вглядываясь в его безупречное в свете луны лицо, не могла понять, как могла хоть на миг забыть о таком роскошном парне рядом.

Светлую челку трепал ветер, на красивых, с резким изгибом губах застыла легкая улыбка, а голубые глаза смотрели с нежностью и ожиданием.

– Конечно, шампанского, – ответила Рада и закусила нижнюю губу, наблюдая за тем, как уверенно разливает парень по бокалам шипящий напиток. Алекс закатал рукава белой рубашки почти до локтя, и Рада теперь могла любоваться его загорелыми, сильными предплечьями.

Колючие пузырьки зашипели на языке, и холодный освежающий напиток прокатился по горлу. Шампанское было хорошим, резким и сухим. Алекс знал толк в спиртных напитках, и Раду это устраивало. Сама она пила мало и никогда не признавала дешевые суррогатные вина, считала – если уж употреблять алкоголь, то только хороший. Во всех остальных случаях можно ограничиться чаем, минералкой или компотом.

– За нас! – отсалютовал бокалом Алекс, и Рада послушно ответила на тост улыбкой.

– Разве это не тот случай, когда принято пить на брудершафт? – осмелев, поинтересовалась она. Алекс не возражал.

Поцелуй со вкусом шампанского на губах был упоителен. Очень быстро Алекс отобрал у девушки бокал и, не отрываясь от ее губ, отставил его в сторону на тонкую кромку парапета.

Горячие руки нетерпеливо провели по бедрам, сминая тонкий материал платья, а Рада подвинулась ближе, положив ладони ему на плечи и растворяясь в новых ощущениях. Хотелось стянуть с парня мешающую рубашку, но делать это на крыше было как-то неловко, поэтому девушка ограничилась лишь тем, что скользнула ладонями по позвоночнику Алекса, сверху вниз к пояснице и замерла, зацепившись большими пальцами за ремень на джинсах.

Девушка прижималась так сильно, что чувствовала каждую мышцу поджарого гибкого тела. Его руки, нежно сжимающие ягодицы, сводили с ума и заставляли желать большего. Прямо сейчас и здесь.

Рада оторвалась от упоительных губ и быстро провела языком от подбородка по шее к чуть выступающей ключице. Рванула верхнюю пуговицу на рубашке и скользнула губами ниже, с удовольствием слушая хриплое дыхание Алекса.

– Ну, нет… – Он с трудом отдышался, торопливо отступил и передал удивленной девушке чудом уцелевший бокал с шампанским. – Не здесь. – Он брезгливо обвел взглядом крышу. – И не сейчас…

Рада разочарованно вздохнула, но в душе признала – Алекс прав и держит себя в руках однозначно лучше, чем она сама, а это как-то неправильно. Губы горели от поцелуя, а к щекам хлынул запоздалый румянец стыда. Стало неуютно, но парень подошел со спины, как ни в чем не бывало, обнял и положил подбородок на плечо, шепнув:

– Ты сводишь меня с ума. Хочу, чтобы наш первый раз был особенным… А ты хочешь?

Правдивее было бы ответить: «Я просто хочу, чтобы он был», но такая грубая откровенность обязательно нарушила бы романтическое очарование момента, поэтому Рада просто кивнула, не заботясь, заметит Алекс или нет. Он заметил и шепнул тихо, в волосы:

– Ты завтра придешь ко мне?

– Приду, – ответила девушка одними губами и улыбнулась, разглядывая звезды на ночном небе.

– Знаешь… – Рада не хотела начинать этот разговор. Он был глупым и неуместным, но молчать она тоже не могла. Весь вечер перед глазами стояли старые фотографии и картина, на которой был изображен предок Алекса.

– Что? – Парень был счастливым и безмятежным, и Рада замолчала.

– Ничего… – Она покачала головой, продолжая изучать панораму ночного города.

– Нет уж, договаривай! – Он шутливо прикусил мочку уха, заставив Раду хихикнуть.

– Помнишь, я рассказывала о девушке с картины, предположительно моей прапрабабке, на которую я похожа как две капли воды… – послушно начала она.

– Помню… – На этот раз парень вежливо слушал и не пытался читать нотации, поэтому Рада осмелела.

– Она была любовницей Александра Новослободского.

Почему ты не сказал, что он твой предок и ты невероятно на него похож? Как двойник. Не знал этого? Не поверю.

– Я знал… – ответил парень после продолжительной паузы, не разжимая объятий. – Но не хотел тебе говорить, боялся, тебя это испугает…. Все же история любви прошлых Александра и Рады закончилась трагично.

– Тебя не удивляет наше сходство с ними?

– Нет. – Алекс поцеловал Раду в шею, заставив на секунду забыть о теме разговора. – Меня это совсем не удивляет. Возможно, нам судьба дает второй шанс. Тогда все было неправильно. А второму шансу не нужно удивляться, им нужно пользоваться.

– Неправильно – это как? – уточнила девушка, чувствуя, что может услышать нечто интересное.

– Не знаю, о чем пишут в книгах, но если хочешь, могу рассказать подлинную историю любви, только она очень грустная…

– Все равно, хочу послушать.

– Хорошо. – Алекс отстранился и забрал опустевший бокал из рук девушки, а спустя секунду вернулся с двумя наполненными.

– Мой предок был не самым лучшим человеком и, вероятно, сильным колдуном – этого достаточно, чтобы в городе его возненавидели, но уничтожить боялись. Он дружил с градоначальником, вел активную меценатскую деятельность, поэтому ему просто плевали в спину.

– То есть… – Рада сделала осторожный глоток. – Получается, в документах и исследованиях написана ложь?

– Не совсем. – Алекс прошелся по крыше из стороны в сторону. – Но выдумок на страницах книг предостаточно. Согласись, кому интересно читать сухие исторические факты? Мистика, кровавые жертвы и распутство гораздо привлекательнее. Александр Новослободский был заметной и эпатажной фигурой в тихом провинциальном городе. Его влюбленность в заезжую цыганку не осталась незамеченной. А он готов был достать для нее луну с неба. Их чувства активно обсуждались городской общественностью, но Новослободскому было наплевать на слухи и домыслы, как и его вольной возлюбленной. Рада, думаю, его тоже любила, но… – Алекс замолчал. – Людская молва оказалась сильнее. Она поверила не ему, своему любимому, а слухам, и убила…

– Что? – потрясенно переспросила девушка, чувствуя, как дрожит в руке бокал с шампанским. В горле застрял комок. – Это она вырвала ему сердце?

В голове мигом вспыхнула сценка из прошлого, в которой

Рада оказалась перед толпой крестьян на пороге особняка Алекса. Вот, значит, какой момент она видела… а истекающий кровью комок в руке – это сердце… К горлу подступила тошнота, голова закружилась, но девушка сделала над собой усилие и приготовилась слушать дальше.

– Видишь ли… – Алекс, видимо, не заметил, как побледнела Рада. – Даже сильный колдун беззащитен перед лицом любви. Он не ожидал предательства от нее. От кого угодно, но не от нее.

– Даже не верится, – пробормотала Рада, в то же время сознавая, что в словах Алекса очень много истины, и собственные видения говорят о том же. Это объясняло, почему цыганку уважали после смерти ее любовника. Все знали, какую жертву она принесла для города. Только вот стоило ли предавать любовь?

– А сила? – удивилась Рада, – сила откуда? Она не имеет отношения к этой истории?

– Косвенное. Твоя прапрабабка была ведьмой, и очень могущественной, иначе ей никогда бы не удалось справиться с Александром. Если бы не сила, если бы не чувство долга, тогда бы эта история могла закончиться иначе…

– Ты считаешь, что Раду заморочили и на самом деле никаких ужасов не было?

– Кто знает? – Парень пожал плечами. – Это случилось много лет назад… но с тех пор я настороженно отношусь к силе. Иногда прикрываясь ею или во имя ее люди творят страшные вещи…

– Я не хочу ею обладать, – потрясенно прошептала Рада и покосилась на бабочку. Стало неприятно и жутко. Хоть девушка и понимала – бабочка на плече не имеет отношения к случившемуся много лет назад, но все равно эта сила была ей не нужна. Алекс поставил последнюю точку в сложном и запутанном деле. Теперь, узнав всю историю, девушка не хотела иметь ничего общего с силой и своими предками. И лишь где-то на периферии сознания мелькнула мысль о том, что Рада в середине девятнадцатого века, возможно, и была права, но какое это отношение имеет к происходящему сейчас?

Возможно, судьба и правда дала им с Алексом новый шанс? И грех им не воспользоваться, если есть возможность. Главное – избавиться от проклятья и тех, кто пытается ее убить. Девушка была уверена: после того, как исчезнет бабочка с плеча, она сама будет никому не нужна. И теперь ей было все равно, куда денется сила.

– Ты знаешь, как избавить меня от этого? – спросила Рада, раздраженно дернув плечом.

– Думаю, да, – серьезно кивнул Алекс. – Я не нарушаю своих обещаний и нашел способ.

– Тогда убирай ее…

– Прямо сейчас не получится, – с сожалением пробормотал парень, и в его глазах вспыхнул огонь. – Для этого нужно много силы и кое-какие приготовления. Завтра. Хорошо?

– Завтра будет наш день, – улыбнулась Рада и счастливо скользнула в теплое кольцо надежных рук.

– День, когда мы расставим все точки над «и», – согласился Алекс и самодовольно улыбнулся.

Глава 21
Утонуть в его глазах

Раду привез какой-то пижон на белом «Мерседесе». Тачка словно вопила на всю улицу: «Посмотри – я белый конь! На мне может ездить только принц!» Бер брезгливо сморщился и затаился, ненадолго отложив распечатки книг, которые они с Радой стащили из музея. Чтение было унылым и содержало мало по-настоящему ценной информации.

Сегодня Бер приехал не на мотоцикле, как обычно, а взял подаренную отцом машину. Темно-серый, невзрачный и запредельно дорогой внедорожник. В целом он парня полностью устраивал – отец в этот раз не прогадал. Автомобиль не выделялся в потоке, как белый «Мерседес» или ярко-красная «Ауди» Софии, но полностью отвечал всем критериям качества и стоил не меньше. Бер не любил показушность, ему не нужно было стараться привлечь к себе внимание – пугающая внешность и история из прошлого делали это лучше, чем самая заметная машина, а парень хотел бы вообще оставаться в тени.

Летом Бер предпочитал мотоцикл, и внедорожник пылился в гараже, но сегодня изменил своим привычкам. Не улыбалось проторчать полночи на улице на двухколесном монстре. Неудобно.

Впрочем, Рада, похоже, нашла себе еще одного защитника и не нуждалась в опеке. Не сказать, чтобы это задело Бера, просто вызвало какое-то смутное раздражение. Девушка выпорхнула из машины, одарив своего провожатого поцелуем, и белый «мерс» скрылся за поворотом, но буквально через пять минут вернулся и остановился немного в стороне.

Похоже, провожатый Рады тоже за ней следил. Неужели он знает о покушениях? Рада настолько глупа, что рассказала кому-то постороннему? Беру стало просто жизненно необходимо увидеть того, кто скрывается за тонированными стеклами. Парень открыл дверь и вышел из машины, намереваясь прогуляться до «Мерседеса». Даже предлог благовидный придумал – в зажигалке как раз закончился газ.

Но едва он сделал несколько шагов в нужную сторону, белая машина взвизгнула тормозами и скрылась в неизвестном направлении.

– Похоже, со мной не очень хотят знакомиться, – заключил Бер и вернулся на свой пост.

За Радой действительно охотились. Причем те, кто неплохо

знал отца Бера и его самого. Парень видел, как во дворе появились несколько неряшливых, бомжеватого вида мужчин и направились к подъезду, но, приметив на стоянке знакомую машину, тут же ретировались в ближайшие кусты.

Это успокаивало, значит, отец не давал приказ: «Убить». Или все же давал? Впрочем… возможно, это сделал и не он. Бер сжал зубы от злости. Пришло время кое с кем поговорить, жаль только, беседу придется отложить до утра. Сейчас не лучшее время для выяснения отношений, да и его визит будет воспринят превратно.

Спустя некоторое время Бер посчитал, что на сегодня достаточно. Он спугнул всех желающих убить девушку. Вряд ли низшие личи рискнут сунуться сюда еще раз этой ночью, а значит, можно отправиться домой и поспать. К тому же другой охранник Рады вряд ли дремлет.

Как парень и предполагал, белый «Мерседес» стоял здесь же, совсем недалеко от дома, просто старался не привлекать внимания. Только ухажер Рады выбрал не ту марку машины – слишком приметна. Проезжая мимо, Бер бросил взгляд на лобовое стекло, но так и не смог рассмотреть водителя – темно, да и кепка, которую тот надвинул на глаза, мешала.

А дома снова пахло Софией. Запах ее терпких, сделанных на заказ духов было невозможно спутать ни с каким другим. Бер мог даже сказать, к чему она прикасалась в комнате. Например, женщину заинтересовали распечатки. Те, которые Бер не взял с собой.

Впервые за долгое время он пожалел, что София его не дождалась. Придется наносить ответный визит вежливости.

Ночью Раде снился Алекс – его нежная улыбка и ласковые руки. Девушка уже привыкла к этим снам и ждала их, хотя и просыпалась в смущении. Впрочем, сегодняшний вечер должен был все изменить. Вряд ли подсознание будет затягивать ее в омут эротических сновидений после волнующей реальности. По крайней мере, Рада на это надеялась. Из-за откровенных и очень реалистичных снов девушке начинало казаться, что она давным-давно знает Алекса и ее очень многое связывает с молодым человеком. Больше, чем на самом деле. Это и радовало, и пугало.

День в предвкушении романтического вечера пролетел весело и незаметно.

– Куда это ты собралась? – поинтересовалась Рыжая, которая показалась на свет божий лишь после полудня.

С утра Рада видела ее бледную тень – сонную, перепачканную краской, с огромной кружкой кофе в руках. Рыжая творила и лишь буркнула неразборчивое приветствие, прежде чем снова исчезнуть в своей норе.

Сейчас же она умылась, посвежела, и взгляд голубых глаз прояснился.

– У меня сегодня свидание моей мечты… – улыбнулась Рада и восторженно закатила глаза, отставив в сторону пузыречек с тушью, которой подкрашивала глаза.

– С Бером?

– Не-ет! – Рада аж поперхнулась и сморщилась. Ее романтические грезы оказались совершенно бесцеремонно поруганы. – С Алексом – парнем на машине… И слушай… – Рада отвернулась от зеркала. – Не считай меня, пожалуйста, неразборчивой в связях. С Алексом – это… – Девушка задумалась. – Словно вспышка… если хочешь, судьба или предопределение.

– А с Бером? Страсть? – не очень весело хмыкнула Рыжая.

– Да ну тебя! – отмахнулась Рада. – С Бером нас связывал общий интерес и больше ничего.

– Связывал?

– Да, я выяснила все, что хотела. – Девушка торжествующе улыбнулась.

– Расскажешь? – оживилась Рыжая, мигом забыв о путанице с парнями Рады.

– Конечно! Если бы не ты, я бы даже не поняла, с чего начать свое мини-расследование.

Рада сложила в косметичку все свои тюбички и баночки, поманив за собой Рыжую, прошла на кухню и, усевшись на подоконник, рассказала все, что знала сама, включая историю, поведанную вчера Алексом.

– Действительно – это судьба! – мечтательно вздохнула Рыжая. – Такая красивая, грустная история, получившая продолжение в наше время. Прямо хоть роман пиши! Меня смущает только одно. Насколько я знаю, бывший особняк Новослободского так и не отреставрировали. Его развалины находятся на окраине города…

– Нет, – возразила Рада. – Особняк Алекса восстановлен. Я не буду утверждать, что он и усадьба Новослободского – одно и то же здание. Я не настолько хорошо ориентируюсь в городе. Но они точно похожи как две капли воды. Возможно, родители Алекса просто купили другой разрушенный особняк и воссоздали родовое гнездо, используя фотографии и картины старого дома, принадлежащего их семье? Но тогда почему именно там меня настигли видения? Как я поняла, мои личные экскурсы в прошлое тесно связаны с местом, в котором происходили события… Короче, это не важно. Не хочу забивать себе голову мыслями в такой чудесный вечер. И вообще, мне пора бежать.

Рыжая выглянула в окно и хмыкнула, заметив внизу белый «Мерседес».

– Иди, прекрасная принцесса, твоя карета подана!

Алекс сегодня был слишком эмоционален и, как показалось Раде, несколько взвинчен. Он улыбался, смеялся без причины и постоянно целовал девушку в щеку. Его даже не смущало то обстоятельство, что он находится за рулем.

Раду это несколько удивило и насторожило, обычно парень был загадочен и сдержан. Быть может, настоящий Алекс именно такой – бесшабашный и немного сумасшедший.

Остановившись на обочине возле особняка, Алекс распахнул перед девушкой дверь и даже склонился в шутливом поклоне. В прошлый раз Рада была здесь ночью и не заметила, насколько запущенным выглядит сад на фоне новенького, сияющего белыми колоннами особняка. Это было удивительно. В последнее время садово-парковый дизайн находился на пике моды, и все, у кого хватало денег или собственной фантазии, стремились обустроить придомовую территорию. Даже во дворе, где находилась доставшаяся в наследство квартира, имелись пестрые клумбы и некое подобие альпийской горки с небольшим, сделанным из старого таза прудиком. Здесь же рос только бурьян и корявые деревья, и лишь перед самым крыльцом травка была мелкой, словно подстриженной.

В доме Алекс провел девушку на второй этаж в большую, просторную комнату с камином. Сегодня не было свечей и фруктов с шампанским. Зато на кровати лежала белая женская блуза с летящими рукавами и алая юбка. В камине горел огонь, несмотря на то, что в помещении было не холодно.

– Сначала дело, – нежно шепнул парень, склонившись к губам Рады. – Переоденься, пожалуйста, – ласково попросил он, и девушке стало не по себе. Заметив испуганный взгляд, Алекс пояснил:

– Рада, сила вещь хрупкая и капризная… требуется масса условностей и ритуалов для того, чтобы все прошло так, как нужно. Ты ведь поможешь мне все сделать правильно?

– Хорошо, – кивнула девушка и подошла к огромной, застеленной шелковым покрывалом кровати. Стало немного страшно. От волнения перехватывало дыхание и начала болеть голова. Вечернее солнце за окном неожиданно скрылось за тучей, и стало совсем темно. Алекс, шепнув напоследок слова одобрения, вышел, а Рада с сомнением скинула собственную одежду, оставшись лишь в нижнем белье, потом, повинуясь неясному желанию, сняла и его, накинув прохладный шелк блузки прямо на голое тело. Юбка села как влитая, плотно

обхватив талию и спустившись к ногам мягкими складками. Девушке на миг померещилось бордовое пятно на подоле, и стало совсем не по себе. В голове сразу же всплыла картинка из прошлого, в ноздри ударил запах тлена и засохшей крови. Рада бросила взгляд на блузку и заметила на груди бурые застарелые разводы. Взвизгнула, попыталась снять, но поняла, что это лишь игра воображения. Белоснежная ткань была новой и чистой.

– Кажется, я схожу с ума, – шепнула девушка и приложила руки к щекам. Калило. Вечер, который должен был стать счастливым и полным приятных впечатлений, пока только пугал. Забыв, где находится, Рада неосмотрительно сделала несколько шагов к окну и тут же отшатнулась, заметив на улице бледное, мертвое девичье лицо. «Уходи! – шептали бескровные губы. – Погубит!», а костлявые, скрюченные пальцы тянулись к стеклу. Рада раздраженно задернула шторы, успокоив себя тем, что уже совсем скоро снова станет обычной и не будет видеть монстров. А пока приходилось терпеть. Дева за окном настырно стонала и скребла по стеклу.

В ожидании Алекса Рада уселась в кресло напротив камина и положила босые ноги на низкую, обитую пестрой тканью табуреточку. Языки пламени потрескивали, огонь со вкусом пожирал березовые поленья, а Рада ежилась, вспоминая пожар, случившийся в музее всего два дня назад. А сегодня хоронили Анну Осиповну. Рада не пошла. Она знала директора музея слишком мало и чувствовала свою вину. Говорили, будто поймали водителя внедорожника, сбившего директрису. Только вот мужчина упорно все отрицал. Говорил, что не помнит случившегося, однако вмятины на бампере свидетельствовали о его лжи. Впрочем, Рада, в отличие от местной полиции, верила несчастному водителю. В этом городе могли твориться любые, совершенно нереальные и страшные вещи. Такие, как, например, сейчас… Рада выругалась, осознав, что мир вокруг немного изменился. Она по-прежнему сидела в этом же кресле и в этой же комнате, но перед камином на полу лежала медвежья шкура, а на ней – неподвижная девушка в разорванном ситцевом сарафане с окровавленными губами и стекленеющим взглядом.

Над девушкой склонился Алекс – в другой одежде, с каплями крови на губах и растрепанными длинными волосами. Белая рубашка молодого мужчины была распахнута на груди, и над левым соском виднелась буква «Р». Рада не могла утверждать, что это татуировка, – скорее клеймо или ожог.

Алекс или, точнее, Александр Новослободский поднял шальной взгляд, белозубо улыбнулся и хрипло попросил:

– Ведь ты мне станцуешь еще один танец? Кровь пока не

остыла, я слижу ее с твоих ног…

Комок застрял у Рады в горле, и она едва не заорала, но, к счастью, ее выбросило в реальность. Чувство неясной тревоги переросло в панический ужас. В голове моментально появились сотни мыслей. Значит, не так безобиден был его предок, как говорил о нем Алекс. И, может быть, не так уж неправа Рада из прошлого? Паника накатила вместе с ворохом сомнений, девушка готова была сбежать домой. Теперь она не была уверена в том, что поступает правильно, но тут вернулся Алекс. Немного растрепанный, удивленный, с двумя высокими бокалами и бутылкой шампанского.

– Представляешь! – обиженно начал он, словно не замечая побледневшего лица девушки. – В этом доме невозможно найти свечи! Ты посидишь одна еще буквально пять минут, пока я посмотрю в кладовке? А чтобы было не скучно, я тебе налью шампанского. Дорогущий брют пришлось стащить у отца из бара. Он неосмотрительно оставил его в свой прошлый визит.

Появление Алекса, такого родного и близкого, моментально избавило от страхов и сомнений. Кем бы ни был его предок, сам парень хороший и совсем не пугающий. Рада улыбнулась и с удовольствием сделала глоток пенящейся жидкости из бокала.

Глава 22
Еще больше вопросов

Бер не был здесь уже давно – месяца полтора точно. Он с некоторых пор не любил двух-уровневые апартаменты отца, расположенные в элитном жилом комплексе. Возможно, они стали пустыми и безлюдными после того, как из них уехала в туманный, промозглый Лондон мама, а возможно, когда в них хозяйкой вошла София.

Нет, она не жила здесь постоянно, у нее имелась своя квартира неподалеку, но риск наткнуться на нее в самый неподходящий момент был велик. А это тяжело. Ее предательство было как удар под дых. Неожиданно он из единственного превратился в редкое развлечение.

Это было унизительно, но, видимо, Бер оказался слишком слаб, чтобы поставить точку в болезненных отношениях. Встречаясь с Софией за спиной отца, парень чувствовал себя последней сволочью и предателем, а ее, казалось, забавляло подобное положение дел. Она могла прийти в любое время дня и ночи, опасность, адреналин – все это заводило Софию, поэтому пришлось съехать.

Собственное жилье отдалило его от отца и Софии, сделало чуть более независимым и свободным. Встречи стали реже, в том числе и с отцом, а совесть успокоилась.

Сегодня впервые за полтора года Бер пришел искать Софию сам, прекрасно зная, что в это время отец точно на работе, а она, вероятнее всего, уже нет. Она работала тогда, когда ей вздумается, хотя и числилась начальником какого-то отдела в конторе отца. Впрочем, дочери мэра Кромельска вообще можно было не работать. Зачем она ходила в офис, для Бера оставалось загадкой.

София медленно спускалась со второго этажа в легком шелковом халате, небрежно накинутом на голое тело. Она вообще не жаловала нижнее белье, любила соблазнять и провоцировать.

– Какой приятный, я бы даже сказала, бодрящий сюрприз, – томно мурлыкнула женщина и замерла на нижней ступени лестницы. – Неужели я дождалась того момента, когда Бер соскучился по мне первым… Возбуждающе… Ты выглядишь притягательно. И эта едва заметная складка между насупленных бровей… шикарно.

София спустилась вниз и замерла рядом с Бером. Он поймал ее руку возле своего лица и отвел в сторону.

– Я пришел поговорить…

– Как скучно… – отмахнулась София. – Бер, я же не девочка-первокурсница, мне не нужны сомнительные поводы, ты же знаешь, я всегда рада тебя видеть…

– Ты самонадеянна, – отрезал парень. – Скажи, что случилось со Степаном Григорьевичем…

– С кем? – Женщина нахмурилась, моментально теряя интерес. – А… – На ее лице мелькнуло понимание. – Твой магически одаренный психоаналитик… ты меня пугаешь показной неосведомленностью. Если забыл, то он умер. Почтенный возраст и скользкий кафельный пол – убийственное сочетание…

– Ты врешь… – Бер неотрывно следовал за Софией, когда она неспешно направилась в гостевую комнату, в центре которой стоял диван, хорошо стилизованный под начало девятнадцатого века. Отец любил винтаж и антиквариат.

– Я внезапно задумался над обстоятельствами его смерти и пришел к интересным выводам. Это было выгодно…

– Да что ты? – София надменно приподняла идеально выщипанную бровь и присела на диван, подогнув под себя ноги. – И кому же?

– Тебе.

– Ты недальновиден и глуп, – возмущенно отозвалась она и махнула рукой. – Это все? Тогда уходи отсюда, испортил настроение нелепыми подозрениями. Я считала тебя хоть чуть умнее.

София попыталась встать, но Бер поймал ее за руку и снова толкнул на диван. Полы легкого халата распахнулись, но она даже не сделала попыток вернуть их на место. Бер не обратил на это внимания, он рыкнул:

– Нет, это не все. Я еще не договорил.

– Так договаривай быстрее, а не мямли, как обычно!

– Его убили, и я готов поклясться, в этом замешана ты. Все знали, что у него нет преемника, именно вы вызвали в город его внучку…

– Правнучку, – поправила София, не сочтя нужным отнекиваться:

Бер взглянул на нее с ненавистью, но закончил предложение.

– А теперь пытаются убить и ее. Хочешь, я расскажу тебе, как все было?

– Мне даже стало интересно. Развлеки меня хоть так.

– Степан Григорьевич с его влиянием в городе был всем поперек горла, – начал Бер, старательно выстраивая фразы. – Убрать его многие считали делом чести, к тому же у него

отсутствовал преемник, а значит, в момент смерти можно было поживиться силой…

– Поживиться силой? Его силой нельзя поживиться! – брезгливо выдохнула София и передернула плечами. – Все, что он забирал, превращалось в энергию в чистом виде…

– Да, но ее можно высвободить, тогда сильнее станут все, а город останется без хранителя. Больше не будет равновесия.

– Это ничего не значит. Почему ты обвиняешь меня? – София прищурила идеально подведенные кошачьи глаза. – На основании того, что твой отец пригласил в город девчонку?

– На основании того, что ее хотят убить. Ведь Степан Григорьевич хоть и не собирался, но как-то сумел передать ей силу.

– Поверь, приезд Рады в город выгоден не только нам. Когда умер хранитель, не скрою, я обрадовалась, но толку от его смерти было не очень много – сила исчезла. Мы даже не стали искать, так как, заточенная в резервуар, она бесполезна. Если бы все решала я, то так бы и оставила. Мы не получили силу, но нам досталась свобода. Если ты не в курсе, гарант стабильности обладает особой магией, которая передается по наследству.

– Особой? И в чем же заключается особенность?

– Ты плохо учил историю и матчасть, – презрительно бросила София. – Гарант равновесия забирает излишки силы, как хорошей, так и плохой.

– Не понимаю, как это работает…

– Как только в городе объявляется очень сильный колдун, практикующий светлую магию, или лич, обладающий темной, рано или поздно судьба сталкивает его с гарантом. Обычно гарант находит его сам и забирает излишек магической энергии, приводя соотношение сил в Кромельске в равновесие. Часть магии остается у гаранта, а часть выплескивается в атмосферу города уже нейтральной. В некоторых случаях гарант может полностью присвоить себе чужую силу, но подобное случается редко. Есть сильные колуны, есть сильные личи, но в совокупности в городе равновесие благодаря гаранту. Таков вековой договор.

– По сути, гарант – это судья?

– Да, иногда он выполняет функции судьи, если его об этом просят. Сам понимаешь, такое положение дел нравится не всем в городе. На мой взгляд, мы достойны свободы. Институт гаранта как высшей истины устарел, и было бы лучше, чтобы наследник в городе вообще не появился. Степан Григорьевич сам не горел желанием оставлять после себя преемника, и ты об этом знаешь.

Об этом же я сказала и на общем собрании. Но остальные

были против. Инга Игоревна – добрая знакомая и соратница твоего психоаналитика – первая попросила меня составить завещание и организовать приезд Рады. Она ратует за то, чтобы в городе ничего не менялось. Я могу назвать как минимум две причины, почему девчонку хотят убить.

– Какие?

– Первую – ты озвучил. Ты неплохо разбираешься в ситуации в городе, так скажи мне, как ты думаешь, кому больше, нежели нам, выгодно устранить Раду?

– Личи…

– Именно. Бинго, я бы сказала.

– Но это первая причина.

– А вторая лежит на поверхности. Я заходила к тебе вчера. Дома не застала, но заметила на диване распечатки. Ты интересуешься помещиком Новослободским, так ведь? Это верное направление.

– Точнее…

– Я дала намек, и этого довольно, иначе будет неинтересно. Но могу сказать больше. Сила хранителей города тесно связана с силой Новослободского, а это опасно, особенно опасно, если сила оказывается в руках женщины…

– Это как-то связано с тем, что Рада очень похожа на цыганку, любовницу Новослободского?

– Связано, а дальше изучай книжки и прояви свои аналитические способности, в конце концов, – хмыкнула женщина и, поднявшись, медленно и со вкусом поцеловала, но Бер лишь раздраженно отмахнулся и направился к выходу.

София слишком любила загадки, поэтому пытаться получить от нее еще какую-то информацию было бессмысленно, да и эта вполне могла оказаться ложной.

Бер вернулся домой и засел за документы. На подоконнике были раскиданы книги, небольшие листочки-записки и стоял открытый, тихонько гудящий ноут, в котором хранились дополнительные файлы – все, что удалось найти в сети. Воссоздавать историю, произошедшую очень давно, было невероятно сложно. Труднее всего получалось вычленить правду из вороха ненужных и ошибочных сведений.

Бер потер глаза, кинул распечатки на кровать и отправился босиком на кухню сделать очередную порцию кофе. Он сам не знал, зачем пытается докопаться до истины. То ли как дань уважения к Степану Григорьевичу, который очень помог и поддержал в трудную минуту, то ли чтобы, вопреки всему, спасти черноволосую красавицу, которая не по своей воле оказалась в гуще событий.

Кромельск был опасен. Он не любил слабость и неосведомленность. Именно такой сейчас являлась Рада – уязвимой для опутавших город сил. Бер удивлялся своим чувствам – он не был альтруистом, жизнь его воспитывала иначе, и все же в этот раз не смог пройти мимо. А может, просто ему самому стало интересно.

Звонок в дверь заверещал совершенно неожиданно. Парень даже не сразу решил открыть. Он не ждал гостей и не был настроен на разговоры, даже с теми немногими, кто мог нагрянуть без предварительного телефонного звонка. Бер предпочитал одиночество. Но звонок надрывался настырно, из чего можно было сделать вывод, что посетитель знал Бера отлично и не собирался сдаваться. Пришлось открывать.

На пороге стоял лучший друг и полная противоположность – смазливый избалованный красавчик и талантливый хакер – Хаос.

– Как всегда, не спешишь пускать друзей? – Хаос белозубо ухмыльнулся, отсалютовал ноутбуком и прямо в ботинках завалился на диван. – Я его сделал! Тот пароль, который ты просил взломать. Принимай работу!

Бер торопливо взял ноут и переложил на стол, не спеша, однако, нажимать на кнопку включения.

– Не копался? – подозрительно уточнил он, наливая в кофейник воду.

– Как можно? – Хаос сделал большие честные глаза, и Бер обреченно вздохнул – значит, смотрел. Главное – не заострять на этом внимание, и тогда Хаос быстро забудет, какие там были файлы. Да и вряд ли он понял, о чем речь. Вероятнее всего, глянул мельком, из любопытства.

– А чей это вообще ноутбук? – все же не выдержал друг.

– Так… – отвернулся Бер. – Девушка одна попросила посмотреть.

– Девушка? – Хаос вскочил с дивана, прижав к себе одну из подушек, и, заметив, что Бер снова не собирается отвечать, метнул ее, словно снаряд, другу в спину. – Почему я ничего не знаю о девушке?

– Случайная знакомая, – недовольно пояснил Бер. – Внучка Степана Григорьевича…

– А откуда ты ее знаешь?

– Оттуда. Уже поздно, тебе не пора домой?

– Не… – возмутился хакер. – Ты, друг, совсем обнаглел! А где спасибо? А где пиво, которое ты не пьешь? Где признание моей гениальности?

– Все будет, – огрызнулся Бер и буквально выставил слишком активного приятеля за дверь.

С Хаосом было просто общаться, он всегда мог говорить за собеседника, и это устраивало Бера, но иногда друг был слишком навязчив. Зато не обидчив. Бер прекрасно знал, что уже через пять минут Хаос забудет о том, как его беспардонно выперли за дверь. А значит, и угрызениями совести мучиться не нужно.

Бер налил себе очередную порцию кофе и подошел к ноутбуку. Он представлялся ларцом с сокровищами. Возможно, именно здесь хранятся недостающие кусочки мозаики. Конечно, правильно было бы отвезти его Раде, а не лазить самому, но Бер не удержался от соблазна.

Как парень и предполагал, в компьютере имелась большая папка по Александру Новослободскому. Видимо, Степан Григорьевич собирал информацию годами. Сначала парень потонул в потоке информации, который во многом дублировал бумажные носители, но ближе к ночи картина стала вырисовываться – темная, жестокая и пугающая. Открытым оставался один вопрос, и парень набрал номер Софии.

– Скажи мне, – начал он, не сочтя нужным поздороваться, – Новослободский был колдуном или личем?

– Вообще-то я занята, – раздраженно буркнула София. – Но так и быть, скажу – ты глуп. Так как ответ на этот вопрос нужно было узнать в первую очередь. Конечно, он не был человеком. Смертным недоступны такие силы, ими обладают только личи…

– А убить лича трудно?

– Очень трудно, – отозвалась София, – но можно отобрать силу и ослабить.

Бер бросил трубку и выскочил из квартиры. Если его догадки верны, Раду следует предупредить как можно быстрее. Парень не помнил, когда носился по городу с такой скоростью. До дома Рады он домчался за считаные минуты.

Дверь открыла сонная Рыжая. Казалось, она всегда либо рисует, либо спит. Но в любом случае пребывает в состоянии прострации.

– Где Рада? – выдохнул он.

– Прости, парень… – Художница замялась. – Но, похоже, тебя продинамили, ее нет.

– Куда она ушла?

– Бер, мне неловко об этом говорить, но давай вы сами разберетесь завтра… а? – с надеждой протянула она и умоляюще посмотрела на гостя, видимо, мечтая, чтобы он исчез.

– Рыжая, – угрожающе надвинулся Бер. – Ты не понимаешь! Я изучал документы и сделал некоторые выводы… Мне кажется, ей угрожает реальная опасность!

– Да перестань, – беспечно отмахнулась художница, но

отступила в глубь квартиры, пропуская гостя.

– Она сказала, что уже разобралась в произошедшем… недостающую информацию ей рассказал парень, потомок любовника Рады из прошлого – Алекс Новослободский.

– Черт! – сквозь зубы выругался Бер.

– Ой! – Рыжая прикрыла рот ладошкой, по– своему истолковав ругательство парня. – Прости, я проболталась, не хотела ведь лезть в ваши дела. Вот зачем ты пришел сегодня, а?

– Дело не в этом! – Бер покачал головой, пытаясь остановить словесный поток художницы. – Не знаю, как ты воспримешь это… но нет прошлого и нынешнего Александра Новослободского, он один, и ему нужна Рада, точнее, ее сила. Ты ведь мне не поверишь, да?

– Я скоро начну верить даже в Зубную фею, – хмыкнула Рыжая и серьезнее добавила: – Расскажи подробнее…

Девушка замерла на середине фразы и побледнела, вспомнив слова Рады о том, что она собирается избавиться от силы.

– Вот черт…

– Рассказывать некогда, – отмахнулся парень. – Ты предполагаешь, где они могут быть?

– Если все сказанное правда, я даже подозреваю, что они могут делать… – со вздохом сказала художница.

Глава 23
Сердце на ладони

Излишняя возбужденность Алекса все же настораживала. Рада старалась не придавать значения холодному блеску его глаз и немного дрожащим рукам. Списывала все это на волнение, но поглядывала с подозрением.

Она не могла понять, к чему такая театральность, зачем нелепый костюм и босые ноги? Свечи, расставленные по углам комнаты, Рада еще как-то могла объяснить. Кроме того, панически пугала призрачная девушка, которая настойчиво билась в окно, даже сейчас был слышен пробивающийся сквозь стекла шипящий шепот:

«Погубит! Уходи, погубит!»

Особенно напрягало, что Алекс не обладал способностью видеть мертвые сущности, поэтому проходил мимо окна спокойно, а Раду аж подбрасывало от очередного леденящего душу стона.

– Ты волнуешься… – Алекс нежно привлек ее к себе. – Успокойся и расслабься.

Он снова налил шампанского в бокал, присел на край кровати и потянул Раду за руку, устроив девушку у себя на коленях. Она сделала большой глоток и доверчиво прильнула к сильному плечу, с наслаждением вдыхая знакомый запах. Если закрыть глаза и не обращать внимания на ноющего время от времени призрака, то можно убедить себя в том, что все замечательно.

Алекс неразборчиво шепнул два слова, и в помещении вспыхнули свечи. Сначала неярко, а потом разгораясь все сильнее и сильнее. По комнате медленно поплыл сизый ароматный дымок, и Рада совсем успокоилась. Шампанское действительно было хорошим и хмельным – в голове приятно шумело, а руки Алекса, плавно и неторопливо ласкающие бедра, воспринимались как само собой разумеющееся. Даже призрачная дева за окном затихла.

Жадные губы впились в шею, заставив девушку выгнуться им навстречу. Обжигающая ладонь легла на грудь, Рада закрыла глаза и вцепилась в сильные мужские плечи. Утонув в волнах наслаждения, она даже забыла, зачем здесь оказалась. Все стало вдруг совершенно неважным и мелким. Имели значение лишь становящиеся все смелее ласки и хриплое дыхание, вырывающееся из груди.

Рада почувствовала несильную боль в плече, легкое дуновение ветерка и на миг оторвалась от опьяняющих губ Алекса.

Бабочка упорхнула с плеча и замерла над ним, нерешительно подрагивая разноцветными крылышками, словно сомневалась, стоит ли куда-нибудь лететь.

– Смотри… – завороженно прошептала девушка, слегка отстранившись. Глаза Алекса даже в полумраке свечей были неестественно синими, словно два огромных сапфира, и очень внимательными. Он не отрываясь глядел на бабочку, даже протянул руку, но бражник плавно вильнул в сторону от его пальцев.

– Так и должно быть, ведь правда? Она не нужна тебе, пусть летит, – жарко зашептал Алекс, прижимая сильнее, проводя обжигающими ладонями по спине. Рада расслабилась, сдаваясь, и торопливо расстегнула белоснежную рубашку парня, скользнув руками под шелковые полы. Стянула с плеч, обнажая сильную, гладкую грудь, и замерла в испуге. Над левым соском Алекса виднелась побледневшая от времени, но все еще читаемая буква «Р».

Рада спрыгнула с колен, отскочила в сторону и испуганно уставилась на замершего на краю кровати парня. Взгляд на миг прояснился, наваждение исчезло, и девушка с ужасом заметила, как за спиной Алекса сползает со стен дорогая покраска, растворяются обои и мебель, обнажая серые, покрытые плесенью стены. Бабочка, в нерешительности порхающая уже достаточно далеко от плеча, резко рванула обратно, опалив кожу болью. Алекс, прищурив глаза, спросил, и в его по-прежнему мягком голосе слышалась угроза:

– В чем дело, Рада? Ты так неожиданно передумала… теперь силу будет забрать намного сложнее…

– Ты… ты… – Слова застряли в горле. Рада завертела головой, пытаясь уловить еще изменения, но комната снова стала прежней – дорогой и недавно отремонтированной.

– Что? – В безмятежных голубых глазах удивление, а на губах едва заметная самодовольная улыбка. Она теперь не казалась милой, а пугала.

– Ты… ты ведь это он, правда? Ты Александр Новослободский.

– Не понимаю. – Парень пожал плечами и, поднявшись, сделал шаг навстречу. – Конечно, я Александр Новослободский. В чем проблема? Если ты не хочешь, передумала, так и скажи…

– Не-е-е-ет… – Рада попятилась к двери, несмотря на протянувшего к ней руки Алекса. После того как она поняла, в

чьи сети угодила, предупреждение бьющейся в окно призрачной девушки воспринималось иначе. Стало очень страшно, хотя Рада и пыталась не подавать вида. – Ты меня больше не одурачишь… – Она покачала головой, медленно продвигаясь к выходу. – Твоя татуировка или что это такое у тебя на груди… у него была такая же в точности…

– Так ты помнишь, моя Рада… – Его голос изменился, стал ниже. В нем появилась волнующая хрипотца, а в глазах вспыхнул холодный, пугающий огонь.

– Я не твоя… не твоя Рада…

– Я ждал этого момента очень долго… – шептал он, приближаясь. – Не хотел говорить тебе об этом сейчас, боялся напугать. Это ведь правда наш с тобой шанс. Мне потребовалось целое столетие, чтобы научиться жить заново. Я скрывался от нее, боялся… Еще больше пятидесяти лет собирался с силами и ждал, когда в ее роду наконец-то появится девочка – моя Рада… Мы предназначены друг для друга, неужели ты этого не замечаешь? Ты же понимала это всего полчаса назад.

– Тогда я не знала, кто ты, – уже не так уверенно отозвалась Рада.

В его ласкающем голосе проскользнуло что-то, заставившее сомневаться. То, из-за чего хотелось сдаться и покорно нырнуть в желанные объятия, но девушка боролась с собой. Она старалась отстраниться от Алекса и его слов.

Вновь и вновь бросала взгляд на стены, пытаясь понять, каков же истинный облик старого дома. То тут, то там неопрятными, болезненными проплешинами выступали гнилые доски, и Рада с ужасом осознала – Рыжая была права, дом до сих пор не отреставрирован. Это она, поддавшись чарам древнего и, похоже, давно умершего колдуна не замечала очевидных вещей.

– Какая разница, кто я и как давно живу? – настойчиво продолжал Алекс. – Больше полутора веков назад меня убила твоя прародительница… сейчас я другой. Не такой, каким был раньше…

Но Рада не верила, она слишком хорошо видела сумасшедший блеск, появившийся у колдуна в глазах. От аккуратной, недавно отремонтированной комнаты не осталось ничего – паутина в углах, битые стекла в окнах, торчащие кривыми, смертельными иглами; скрипящие, давно прогнившие половицы и развалившийся камин, в котором опасно вспыхивало неестественное пламя. Рада уже видела такое, когда горел музей. Огонь будто жил своей жизнью, пожирая все, что попадалось на его пути. Он напоминал хищного, жестокого демона.

Кресло с давно истлевшей обивкой внушало отвращение, как

и грязные тряпки со следами крови, в которые была одета Рада. Нормальный, здравомыслящий человек такое не придумает. Впрочем, какой же он человек?..

– Нет. – Рада отступила уже увереннее, стараясь дышать глубже и не обращать внимания на то, как заострились черты молодого человека. Словно с него тоже слезал наложенный морок. – Послушай, Алекс, мне нужно уйти и все обдумать…

– Прости… – Он подошел вплотную, заставив прижаться спиной к холодной стене. В нос Раде ударил сладковатый запах плесени и тлена. «Так вот откуда он был на моей одежде», – в ужасе подумала девушка, пытаясь отвернуться от пугающего лица. Алекс изменился не сильно, но этого было достаточно, чтобы из красивого парня он превратился в пугающее чудовище с тонкой ниткой плотно сжатых губ и лихорадочно блестящими, ярко-синими глазами.

– Прости. – Лич больно схватил Раду за запястья и дернул на себя. – Но отпустить я тебя пока не могу… хотел бы, но слишком велик риск. Вот ты… – Он нежно коснулся губ поцелуем с запахом тлена. – А вот моя сила. – Он бросил безумный взгляд на плечо.

– Твоя? – прошептала девушка онемевшими губами.

– Моя. – Он улыбнулся. – Я же не дорассказал тебе историю… Рада не просто убила меня, она забрала самое ценное – силу. То, чем я обладаю сейчас, – это крупицы, малая толика несметного богатства, которое ты без дела таскаешь на плече. Ты ведь поверила мне. Сила была почти в моих руках. Мы могли бы жить счастливо и править этим городом, и ты бы танцевала для меня, как раньше… только была бы покорная. Без магии ты не смогла бы предать меня. – В его глазах снова появился безумный блеск. – Ну зачем, зачем ты все испортила? Теперь придется опять завоевывать твое расположение, либо убить и попрощаться с силой… а я не хочу. Понимаешь, я очень не хочу тебя убивать, тогда моя сила не достанется никому.

– А может, отпустить? – с тихой надеждой прошептала девушка. – И ждать, когда появится следующая жертва? Я не смогу верить тебе, уже нет… и не хочу умирать. Отпусти, пожалуйста.

– Не могу, второго шанса может и не быть… Она постаралась, ты – случайность, моя любимая, счастливая случайность.

Рада, всхлипнув, рванулась из цепких рук, но Алекс держал крепко и не отпускал, запястья обожгла боль. Из глаз брызнули слезы, и девушка что есть мочи заорала, вкладывая в этот крик всю душу, весь страх и всю боль. Крик отразился от стен и превратился в мощный поток энергии, отбросив Алекса к камину. Почувствовав свободу, Рада со всех ног бросилась вниз, пытаясь

не обращать внимания на горящее, словно в огне, плечо.

Колдун настиг ее на нижней ступеньке лестницы и, поймав за волосы, резко дернул на себя. Девушка рухнула спиной на каменные ступени, всхлипнула, чувствуя, как от боли темнеет перед глазами, а Алекс поволок ее наверх.

Полный отчаяния крик снова вырвался из груди:

– Пусти!

– Прости, – в холодном голосе больше не было нежности. – Но ты плохо себя вела, придется тебя наказать.

Громоподобный звук не испугал. Что бы ни происходило снаружи – оно не могло быть страшнее творящегося здесь и сейчас. Массивная деревянная дверь слетела с петель, и в ней показался монстр – получеловек-полумедведь. Высокий, под два метра, сутулый, с оскаленной мордой, частично поросшей шерстью и огромными лапами-руками. Рада всхлипнула от страха и боли, когда Алекс отшвырнул ее в угол. Девушка ударилась плечом о стену и на долю секунды потеряла сознание.

– Надо же, как интересно, – холодно выплюнул Алекс. – Оборотень. Давно в наших краях не было таких зверюшек… А знаешь почему? Я их всех поубивал.

Рада, осторожно придерживая плечо, выползла из угла. К сожалению, Алекс и неизвестный монстр перекрывали единственный выход отсюда. Бежать было невозможно – оставалось только затаиться и ждать. В неторопливых угрожающих движениях и чертах то ли морды, то ли лица монстра чудилось нечто знакомое. Обрывки темно-серой водолазки на раздавшейся, покрытой шерстью грудной клетке развеяли последние сомнения. «Бер…» – Рада судорожно выдохнула, понимая, какой секрет скрывал парень и с чем именно ему помог справиться дед. Неужели он пришел спасти ее? Или все же сожрать на пару с сумасшедшим мертвым колдуном?

Бер, оскалившись, бросился вперед, но Алекс отбросил его безо всяких усилий, словно не было ни разницы в весе, не устрашающих когтей. Оборотень перекувырнулся через голову и припал на все четыре конечности. Огромные когти заскребли по полу, оставив несколько глубоких царапин на трухлявых досках.

– Медвежьей шкуры в моей коллекции еще нет, – с кровавым азартом в голосе заметил Алекс, сделал шаг навстречу Беру, выкинул вперед руку и резко сжал кулак, словно дернув за невидимую нить. Оборотень на полу взвыл, оскалился от боли, но сделал усилие и кинулся вперед, норовя вцепиться зубами в горло противника. Ему это почти удалось, он повалил Алекса на пол, разодрав когтями рубашку и бок под ней. Кровь, густая, бордовая, хлынула вязким потоком. Рада взвизгнула, сильнее

вжимаясь в угол. А Алекс толкнул воздух перед собой, отбрасывая оборотня к стене. Посыпались остатки старой штукатурки со стен, дрогнула на потолке кованая люстра. Оборотень замер на секунду, потом медленно отполз от стены, тряхнул лохматой головой и зарычал, а Алекс резво вскочил на ноги, словно и не было у него на боку страшных кровоточащих ран. Колдун метнулся к стене и стащил оттуда длинный, изогнутый и ржавый меч.

– Каленое железо, – зачем-то пояснил он и усмехнулся, замахиваясь. Оборотень постарался уйти в сторону, но Рада поняла – не успеет. Вырвавшийся из груди крик: «Нет!» – заставил мир вокруг замедлиться. Даже Алекс с поднятым мечом словно увяз в патоке. Только Рада рванулась и, рассекая загустевшее пространство, нырнула вперед, пытаясь закрыть собой Бера. Он хрипло выругался гортанным, нечеловеческим голосом и отшвырнул девушку в сторону за секунду до того, как Алекс смог прорваться сквозь неумелое заклинание.

Ржавое лезвие полоснуло по покрытой жестким мехом руке наполовину обратившегося зверя и оставило после себя неожиданно глубокий след. Бер зарычал и бросился на противника, а Рада была вынуждена лишь испуганно следить за кровавой бойней. Девушка заметила, что Алекс ранил оборотня еще раз и теперь теснил к стене, замахиваясь с каждым разом все сильнее и сильнее.

Девушка готова была взвыть от бессилия. Она даже не сразу заметила, что призрачная девушка, бьющаяся до этого в окно, наконец-то смогла проникнуть в дом. Теперь она замерла на лестнице и умоляюще уставилась на Раду. Бледные губы шепнули: «Огонь», и Рада вдруг неожиданно поняла, как можно остановить Алекса. Он был мертв, а значит, уничтожить его можно огнем, только не простым, а тем, в котором сгорели призраки в музее.

Девушка опрометью бросилась наверх, пролетев сквозь призрака, и голыми руками схватила из камина головешку. Страха не было, уже очутившись рядом с камином, она поняла – огонь, горящий в нем, такой же сверхъестественный, как и все остальное. Девушка сжала зубы, выдохнула и взяла в руки пылающую головню, сначала боль была нестерпимой, но длилась лишь миг, а потом магия смирилась и подчинилась. Рада почувствовала, как взмахнула на плече крыльями бабочка, а пламя в руках разгорелось сильнее.

Призрачная девушка, казалось, слегка улыбнулась и растворилась в воздухе возле камина, а Рада вспомнила изуродованное тело и остекленевший взгляд жертвы кровавого

помещика. «Так вот чей призрак бился в окно!» – подумала она, слетая вниз по лестнице. Времени было мало. Девушка понимала, что не успевает. Израненный Бер отбивался вяло, он пока еще умудрялся уклоняться от смертельного удара, но силы его покидали.

Рада, закусив губу и панически боясь промахнуться, швырнула пылающую головешку. Она попала Алексу в затылок. Светлые, рассыпавшиеся по плечам волосы вспыхнули, завоняло паленой шерстью. Колдун взвыл и рухнул на колени, пытаясь ладонями сбить пламя. Огонь мгновенно перекинулся на руки, охватил плечи, стек волной по сгорбленной спине. Плоть горела, обнажая желтые кости, и дикий вой перешел в визг:

– Стерва-а-а-а!

Алекс вскинул голову, и Рада увидела безумные синие глаза на обуглившемся лице.

Девушка вжалась в угол, вцепившись зубами в кулак. Трудно было не заорать от страха, омерзения и… жалости? Что-то похожее на это чувство шевельнулось в душе и потонуло в лавине ужаса.

Краем глаза Рада увидела, как поднимается окровавленный Бер, рычит и пытается что-то сказать ей.

А Александр, дергаясь, упал на пол, заскреб обуглившимися пальцами по грязным доскам, затем поднял лицо, превратившееся в почерневший череп с желтыми зубами и еще горящими неистовым синим светом глазами. Черная, похожая на ядовитых змей сила вытекала из его разрушающегося тела и, свиваясь в тугой, толстый жгут, тянулась к Раде.

– Забирай уж и это, может, подавишься, тварь! – прохрипел колдун, шамкая обгоревшими челюстями.

Он вцепился обуглившимися костями рук в черные извивающиеся нити силы, оторвал от себя и швырнул в сторону Рады. Они ударили, словно кнут, и девушка, тонко вскрикнув, упала. Бер кинулся к ней, но замер, не в силах прорваться сквозь плотную черно-серую завесу, а Алекс последний раз хохотнул и рассыпался прахом, за несколько секунд превратившись в горстку обугленного пепла.

Рада судорожно хватала ртом воздух, пытаясь отбиться от черной колдовской силы, но не могла, впитывала ее как губка, процеживая сквозь себя и выпуская обратно посветлевшую и очищенную. Сила вокруг бледнела и таяла, а на улице поднимался ветер и сгущались тучи. Бер смотрел испуганно, топтался рядом, бросал взгляд в окно, но не решался подойти.

Когда последние струйки силы растворились возле Рады, девушка выгнулась дугой, закатила глаза и упала. Из уголка ее

губ стекала тонкая струйка крови. Бер, который почти вернулся в человеческую ипостась, кинулся к девушке.

Глава 24
У всех свои секреты

Рада была без сознания, но дышала, это Бер понял сразу и, облегченно выдохнув, отступил. Парень морщился от боли. Бывший помещик Новослободский ранил его несерьезно, но рука повыше локтя саднила, а из длинной царапины на боку все еще сочилась кровь – не смертельно, можно терпеть, но неприятно. Далекие раскаты грома нарастали, и Бер заметался по развалинам дома, прикидывая, куда сумасшедший лич мог спрятать ключи от машины. Ехать на мотоцикле в грозу с девушкой без сознания на руках было неразумно.

Ключи нашлись довольно быстро. Брелок висел на ржавом кривом гвозде возле двери. Подхватив Раду на руки, Бер торопливо двинулся к выходу. Парень не мог понять, как девушка вообще очутилась в этом страшном месте. Дом того гляди рухнет – половицы давным-давно прогнили, со стен обвалилась штукатурка, а старая железная люстра на потолке опасно раскачивалась и грозилась упасть. Как бы ни задурил Раде голову лич на «мерсе», попав сюда, она должна была бы насторожиться. Даже бомжи бы побрезговали здесь жить. И зачем, спрашивается, девушка переоделась в страшные истлевшие тряпки? Их и трогать-то было противно.

Бер выскочил на улицу, подгоняемый мощными раскатами грома, и кинулся к припаркованной у остатков каменного забора дорогой, идеально чистой машине. Парень аккуратно уложил Раду на заднее сиденье и, сгибаясь под порывами ветра, залез на водительское место. Только теперь он понял, что имела в виду София, когда говорила о способности гаранта преобразовывать темную и светлую силу в чистую энергию.

Невиданная по своей мощи гроза являлась своего рода откатом после смерти Новослободского, силу которого забрала и «очистила», пропустив через себя, Рада. Бер надеялся, что на этот раз древний лич не оживет. Вряд ли он способен восстать из пепла.

Ураганный ветер нарастал, он гнул к дороге деревья, срывал с покосившейся, местами провалившейся крыши остатки черепицы и швырял их под колеса машины. Ливень, мощный, косой, хлестал в лобовое стекло. Дворники не справлялись с потоками воды, поэтому Бер вел машину практически на ощупь.

Впрочем, у подобной погоды был один неоспоримый плюс – вряд ли на улице окажутся случайные прохожие, даже ДПС,

вероятнее всего, не встретишь, а значит, никто не увидит его сейчас. Бер не был истинным оборотнем – его укусили, и он мог только частично менять облик, с трудом и болью. Звериные черты проступали неохотно и лишь в период полнолуния и столь же неохотно исчезали. Сейчас огромные когти, клыки и остатки бурой шерсти на лице смотрелись как дешевый грим из низкобюджетного фильма ужасов.

Шквальный ветер валил деревья. Одно из них едва не упало на капот машины. Бер резко вильнул рулем влево, вылетел на встречку и с трудом разминулся с неожиданно вынырнувшим впереди автомобилем. Выровняв «Мерседес» на дороге, до упора нажал педаль газа и рванул вперед, мечтая как можно быстрее оказаться в помещении.

Бера страшила встреча с Рыжей. Больше всего хотелось положить Раду на площадку и сбежать к себе в нору – прятаться и зализывать раны, но делать это было ни в коем случае нельзя. Слишком многое нужно объяснить, жалеть себя можно и потом. Ни Рада, ни Рыжая не расскажут никому об увиденном – обе слишком умны и уже поняли, какова сущность Кромельска – он притягивает сверхъестественное. Правда, девушки его самого будут обходить стороной, но это не страшно. Рада и так боится до заикания. Сильнее, кажется, невозможно. После сегодняшней ночи к ней присоединится и Рыжая.

Парень ожидал от художницы любой реакции, но не такой. Сначала она вообще, казалось, ничего не заметила. Ее волновала только безвольно обвисшая в руках Бера Рада. Рыжая бегала вокруг нее как наседка, и только убедившись, что с подругой все нормально, за исключением нескольких синяков, и она просто спит, переключилась на Бера. Притащила бинты, перекись и неумело, дрожащими руками наспех обработала раны. Предложила вискаря, а после того как Бер отказался, выпила сама, щедро плеснув в широкий стакан, запила спиртное валерианкой и только потом начала пристально рассматривать парня.

– Это просто шикарно! – Она с безумным взглядом метнулась к Беру, вцепилась в шерсть на лице, осмотрела когти (Бер даже обрадовался, что из-за повышенной волосатости не видно, как он покраснел) и скомандовала: – Сядь где-нибудь у стены. Я сейчас! Тебе же все равно нужно немного отдохнуть, правда ведь? Какая разница где, прислонись спиной к косяку, так будет удобнее, и смотрится поза удачно.

Бер замер, но команду выполнять не стал, чем сильно разозлил вернувшуюся с планшетом и листами художницу.

– Эй! – возмутилась она. – У тебя когти короче стали и

шерсть почти пропала! Я не успею, давай быстрее!

– Скоро все пропадет, и я стану… – Бер запнулся, не рискнув сказать слово «нормальным».

– Какого же фига ты стоишь?! Быстро, пошли в комнату к Раде, там освещение хорошее! Мне нужно срочно нарисовать. Всегда мечтала, но даже не думала, что привалит такая удача… Ты не представляешь, насколько красив! – с совершенно нездоровым энтузиазмом воскликнула девушка и тут же, смутившись, виновато добавила: – Может, тебе больно? Хочешь, таблеточку принесу, только ты, главное, посиди чуть-чуть, хорошо? Вон там, в дверном проеме, если можно, и взгляд сделай задумчивый и несчастный… впрочем, он и так у тебя такой, какой нужно.

– Рыжая… – нерешительно заметил Бер, жалея, что водолазка пришла в полную негодность и ее пришлось выкинуть в мусорное ведро. Ладно хоть джинсы уцелели. – Ты понимаешь, что это нельзя будет показывать?

– Это нужно показывать, – закусив губу, уверенно заявила художница, не отрываясь от работы. – Никому в голову не придет, что подобное может быть на самом деле. Не фотка же… поэтому сиди, не нервничай… Я тащусь от твоих шрамов и окровавленных бинтов. Это будет мой лучший портрет.

– И тебя не пугает? – Бер дернул плечом, чувствуя себя крайне беззащитным. Меньше всего он желал позировать с обнаженным торсом. Он наедине с собой-то предпочитал не раздеваться.

– Нет… у всех свои секреты… поверь.

– А…

– Не дергайся, свой я тебе тоже расскажу и покажу. Так и быть – баш на баш, но только после того, как дорисую. А сейчас, умоляю – не шевелись! И если будешь хорошо себя вести, в порыве невиданной щедрости даже подарю тебе частичку своей тайны…

Заинтригованный обещанием, Бер послушно замер. Накатила усталость, он привалился к косяку и, опустив голову, ненадолго прикрыл глаза. Как ни странно, Рыжая не возражала, поэтому получилось даже чуть-чуть вздремнуть.

Рада медленно открыла глаза, плохо понимая, где находится. Последнее, что она помнила, – это догорающий в судорогах Алекс и черная струя удушающей силы. Но сейчас было тихо, спокойно и привычно. Девушка немного повернула голову и узрела удивительную картину. На полу у двери сидел Бер, одетый в одни грязные, местами рваные джинсы. У него почти исчезла шерсть с

лица, а раны были неаккуратно замотаны бинтами и смотрелись гармонично на его покрытом старыми шрамами торсе.

Огромные отпечатки чьих-то зубов украшали плечо, глубокие борозды от когтей рассекали грудь через сосок ниже, к прокачанному до кубиков прессу. Несколько отметин поменьше красовались на мощных плечах, длинная тонкая белесая линия спускалась к локтю.

Бер сидел, опустив голову, и не сразу заметил взгляд Рады, дернулся, словно от удара, и поднял на девушку свои большие, цвета бутылочного стекла глаза. В них застыли боль и страх.

– Спасибо, – прошептала Рада одними губами. Почему-то именно это слово сейчас казалось единственно важным.

– Не за что, – так же беззвучно отозвался парень.

– Сказала же, не дергайся! – сварливо буркнула Рыжая. Рада приподнялась на подушках и только сейчас заметила художницу, которая вдохновенно рисовала. Несколько набросков, сделанных сангиной, валялись на полу, а один был закреплен на планшете.

Заметив с энтузиазмом творящую соседку, Рада с облегчением выдохнула и осознала – все действительно закончилось, а Рыжая наконец-то осуществила свою мечту и рисует Бера, а значит, теперь точно безопасно. Весь ужас остался в прошлом, только сердце ныло от невольных воспоминаний. Все же Алексу удалось ее зацепить, Раде было больно от того, что именно она послужила причиной его смерти. И даже понимание того, что иначе было нельзя, помогало слабо.

Глядя на увлеченно рисующую Рыжую, Рада неожиданно поняла, что она нашла во внешности Бера. Он ведь и правда был привлекателен, с этими шрамами, тренированным телом, подавляющей силой и дикой, звериной красотой.

Рада никогда не думала, что когда-нибудь поймет красоту на грани уродства. Ей всегда эта грань казалась непреодолимой, Бер как раз находился на ней, и это завораживало. А еще Рада осознала, что он находится как бы между светом и тьмой, сейчас девушка видела это отчетливо, правда, пока не понимала, как это получается.

Рыжая наконец-то дорисовала, пританцовывая, отправилась варить кофе и забрала с собой Бера. Это дало возможность Раде переодеться и привести себя в порядок.

Заметив, что на ней все еще старая истлевшая юбка и блузка с бурыми кровавыми разводами, девушка решила сходить в душ. Это было просто необходимо, тем более в носу все еще стоял запах гари. Горячие струи немного взбодрили и помогли прийти в себя, но сил выползти на кухню все равно не было, поэтому Рада нацепила на себя пижаму, залезла под теплый плед и стала

ждать, когда про нее вспомнят.

– Я подарила ему «Осеннюю аллею», – с порога заявила Рыжая и поставила поднос с кружками на журнальный столик. Появившийся за ее спиной Бер довольно кивнул, а Рада поразилась. Как после всего случившегося эти двое еще могут думать об искусстве?

– Прости за вопрос. – Бер нахмурился. – Но нет ли у тебя вещей деда, я бы предпочел одеться.

Парень повел плечом, видимо, пытаясь продемонстрировать дискомфорт, который испытывает, и Рада сглотнула. Ему действительно стоило одеться, обнаженный по пояс, Бер просто не мог оставить никого равнодушным – от него веяло силой, мужественностью и опасностью. Рыжая была права – шрамы мужчину только украшают. Бера, по крайней мере, точно.

– Посмотри в шкафу, в спальне. – Рада кивнула в сторону двери. – Я его еще не разбирала. Только подойдет ли? – с сомнением заметила она, игнорируя недовольный взгляд Рыжей, которую, похоже, Бер устраивал и в том виде, в котором он был сейчас. Не зря же она притащила с собой карандаш и блокнот, наверное, хотела, пользуясь случаем, порисовать еще.

Даже в гардеробе деда Бер умудрился отыскать ненавистную водолазку и натянуть ее на себя. Она обтянула его словно вторая кожа, и глаза Рыжей снова загорелись лихорадочным огнем, а на губах появилась мечтательная усмешка. Художница поставила рядом с собой чашку кофе, подвинула ближе вазочку с печеньем и вдохновенно принялась рисовать, не забыв при этом сказать, что творчество совсем не мешает ей слушать и она вся внимание.

Глава 25
Ответы

Разговор не клеился, и первое время сидели, молча и настороженно посматривая друг на друга. События минувших суток были настолько жуткими и неприятными, что говорить о них не хотелось.

– Спасибо тебе огромное, – наверное, в сотый раз повторила Рада, кутаясь в теплый плед и допивая третью чашку горячего чая с мятой и медом. Рыжая самозабвенно рисовала, а Бер устроился в кресле напротив дивана. Парень выглядел смущенно и встревоженно, хотя уже перестал коситься с опаской, видимо, понял, что Раду не напугал его маленький секрет, а Рыжую так и вообще привел в дикий художественный восторг.

– Не стоит, я тебе говорил, – снова отмахнулся Бер. – Если тебе так проще, считай, что я вернул твоему деду долг.

– Просто я как представлю, что могло бы произойти, не успей ты вовремя, меня пробирает дрожь. И дело не только в моей жизни, а в судьбе всего города. Если бы Александру досталась сила…

– Город бы погрузился в тот же хаос, в котором он находился две сотни лет назад.

– Я не могу понять одно, – подала голос Рыжая. – Как ты догадался? Ты же мне так об этом и не сказал, умчался, я и сообразить ничего не успела.

– Я не догадывался, – мрачно заметил Бер, пытаясь устроиться поудобнее. Хоть парень не подавал вида, но было заметно – раны доставляют ему неудобство. – Ноутбук Степана Григорьевича не зря был запаролен – моя тайна лишь малая толика имеющейся на нем важной информации. Рада, обязательно сделай несколько копий жесткого диска и спрячь их хорошенько.

– Но зачем? – удивилась девушка.

– Внутри находится «библия» борца с нечистью и гаранта равновесия города. Целая энциклопедия, я даже не стал удалять сведения о себе, понял – они не моя личная тайна, а часть некой картины мира, которую по кусочкам всю жизнь собирал твой дед. Ноутбук Степана Григорьевича – это то же самое, что блокнот отца Сэма и Дина Винчестеров[2].

– Кого? – нахмурилась Рыжая и подозрительно посмотрела на согласно кивнувшую Раду, а Бер продолжил, не сочтя нужным ничего пояснить:

– О том, что Алексей Новослободский был не просто колдуном, а личем, я начал догадываться достаточно давно. Изучая документы, переговорив с некоторыми людьми… – Бер заметно замялся, и Рада насторожилась. Похоже, в городе есть еще осведомленные лица, и Бер с ними знаком. – Я понял – между силой Рады из настоящего, Рады из прошлого и лича есть какая-то непонятная связь. Но сколько я ни пересматривал источники, так и не смог понять, какая именно. А потом пришел Хаос.

– Кто? – нахмурилась Рада, которая перестала улавливать суть.

– Тот компьютерщик, который убирал пароль с ноутбука. Я не смог сдержать искушение. Прости, у меня нет привычки копаться в чужих вещах…

– Перестань! – отмахнулась Рада. – Ноутбук моим является только условно.

– Так вот, в документах твоего деда я нашел всю необходимую информацию. Если бы ты заинтересовалась компьютером с самого начала, возможно, ничего бы не случилось.

– Когда я познакомилась с Алексом, я не знала, кто он. Ты уверен, что файл с компьютера уберег бы меня от этого? – невесело спросила Рада, чувствуя, как по щекам текут слезы.

– Не знаю…

– Не тяни, – замахала руками Рыжая, которая сидела, уткнувшись в свой блокнот. – Давай рассказывай! Дико интересно.

– Это будет нелегко, – проворчал Бер. – Ты же знаешь, я не любитель говорить.

– Это не мешает тебе учиться на юридическом, значит, можешь, если хочешь! – возразила художница.

– Ты права. – Парень смущенно усмехнулся. – Для начала – не было никакого Александра Новослободского, точнее, был. В возрасте десяти лет уехал учиться в Европу, около восемнадцати вступил в тайное колдовское общество. Где и познакомился с трехсотлетним личем. Эта встреча стала для него роковой. Александра убили, а после смерти его родителей лич приехал под именем Александра Новослободского в Кромельск, который в то время уже был местом сосредоточения силы и прибежищем для разного рода нечисти. Само месторасположение города на границе миров благоприятствовало занятиям магией, темным ритуалам и прочим чернокнижным развлечениям. К тому же жители города были привычны к разного рода мистическим вещам. Все это полностью устраивало лича, и здесь он развернулся в полную силу, не отказывая себе ни в чем.

Твоя же прапрабабка Рада не была случайной, заезжей

цыганкой – она давно охотилась за древней нежитью, которую мы знаем под именем Александра Новослободского. Основная проблема заключалась в том, что убить лича практически невозможно, но можно лишить большей части силы и на какое-то время вывести из игры. Это Рада и сделала, я не знаю, почему она не догадалась его сжечь. То ли пожалела, решив, что, лишенный силы, он будет неопасен, то ли посчитала, будто без сердца лич не выживет, то ли была еще какая-то неизвестная нам причина.

– То есть… – Рада прищурилась. – Моя прапрабабка не любила Александра?

– Нет, – покачал головой Бер. – Влюбляла в себя. Участвовала в его оргиях, сама иногда являлась зачинщицей для того, чтобы втереться в доверие. А когда Александр оказался полностью в ее руках, она его нейтрализовала и забрала силу.

Вот тут и начинается самое интересное. Твоя прапрабабка была могущественной колдуньей, но темная магия лича сделала ее еще сильнее и неуязвимее. Две полярные энергии, смешавшись в одном человеке, обрели важное свойство…

– Нейтрализовывать темную энергию? – догадалась Рада.

– Нейтрализовывать излишки любой энергии, – поправил девушку Бер. – Сильная, светлая сила возле тебя так же растворится, как и темная. Твоя прапрабабка осталась в городе, который являлся местом сосредоточения силы, по просьбе жителей. Она прожила очень долго – говорят, ее видели даже в середине двадцатого века, – охраняла город от темных сущностей и не давала вернуться за своей силой Александру, который был очень слаб. После смерти старой цыганки, имени которой уже никто не помнил, хранителем стал твой прадед. Рада передала свою силу сыну, позаботившись, чтобы у того не было дочерей и внучек…

– Но почему? – удивилась девушка.

– Мужчина в вашем роду может быть только хранителем силы, использовать ее в полном объеме у него не получится. Александр вынужден был смотреть на твоего деда издалека, но сделать ничего не мог. К тому же ты ведь сама понимаешь, каким способом отняла у лича силу твоя прапрабабка; чтобы получить обратно желаемое, Александр должен был провернуть то же самое…

– Заставить меня влюбиться. – Рада покачала головой, поражаясь собственной наивности и недальновидности. – Ты говоришь, девочек в нашем роду не должно было быть, а как же я?

– С тобой вышла промашка. То ли дед не рассчитал силы, то ли природа все равно берет свое, но появилась ты – точная копия

Рады и новая возможность для лича… Знаешь, почему твой отец не разговаривал с дедом всю жизнь? – хмуро спросил Бер и опустил глаза.

– Они поругались… – ответила Рада дрожащим голосом.

– Не совсем… – Бер ненадолго замолчал. – Степан Григорьевич хотел тебя убить в младенчестве, но не смог. Всю жизнь он пытался сделать так, чтобы ты никогда не приехала в город, но судьба распорядилась иначе. Мне кажется, кто-то этому поспособствовал и, возможно, не учитывал, что окажется затронут интерес древнего лича. Меня заинтересовала смерть твоего прадеда, помнишь, я заходил в ванную? Именно тогда я окончательно убедился – его убили…

– Как? – Рыжая выронила карандаш. В ее глазах блеснули слезы. – Но кто?

– Не знаю… – Бер выглядел недовольным, в глазах появился пугающий блеск.

– Ты говорила, что картину дед принес в день смерти, – обратилась к Рыжей Рада. Ее саму не удивили слова Бера, нечто похожее девушка уже подозревала. – Ты не заметила ничего странного….

– Кроме самого Степана Григорьевича? – поинтересовалась Рыжая. – Нет. Но сам он выглядел не очень хорошо, бледный, уставший. Я даже не удивилась, когда мне сказали, будто у него неожиданно прихватило сердце. Бер, может, ты ошибаешься и смерть произошла от естественных причин?

– Нет, – покачал головой парень. – Более того, я скажу, почему он так странно выглядел. Ему не было плохо, просто он уже умер…

– Как умер? – поперхнулась Рыжая и подпрыгнула. Рада сама едва сдержалась от того, чтобы не дернуться от испуга.

– Я долго сопоставлял факты и пришел к выводу, который, впрочем, может быть ошибочным. Степана Григорьевича убили. Хотели получить его силу. Если колдун не успел завещать силу, ее можно забрать. Забрать что-либо у гаранта и хранителя непросто, но ее можно, как бы это сказать… – Бер замялся. – Развеять. И тогда увеличится сила у каждого отдельного мага в городе.

– То есть смерть прадеда выгодна многим? – уточнила Рада.

– Как и твоя, – кивнул Бер. – Те, кто его убил, не учли один момент. Даже умерший маг может оставить для себя лазейку. Так и поступил твой дед. Его силы хватило на то, чтобы успеть после смерти сделать два важных дела: не дать развеяться собственной магии, поместив ее на портрет-резервуар, и передать его Рыжей…

– Но как ты догадался?

– Я исходил из того, что знал. Степан Григорьевич не хотел видеть Раду здесь, он мог передать силу только случайно или если бы не осталось иного выхода. Кстати, сама бабочка – бражник – послужила подсказкой… По многим преданиям, бражники – это души умерших…

– А если бы приехал папа? – задала интересующий вопрос Рада.

– Не знаю, возможно, сила перешла бы к нему, а может, он был лишен способностей… ничего не могу сказать. Да и портрет Степан Григорьевич оставил не случайно.

– Но твой отец выбрал меня, – прищурилась Рада. – Почему в город вызвали именно меня?

– Не отец выбирал. – Бер покачал головой. – Его попросили.

– Кто? – Рада напряглась и подалась вперед. – Логично предположить, те, кто пытался убить.

– Нет, – Бер ответил излишне резко. – Просили все. Было нужно, чтобы в городе появился новый хранитель, но кто-то оказался нечестен. Кто-то вызвал тебя в город, чтобы убить. Или же руку приложил Александр, подкупив кого-то из влиятельных лиц города. Думаю, мы сейчас этого не узнаем… маги скрытны и всегда врут.

– Но у тебя есть свои источники…

– Есть. – По тону Бера было понятно – больше на эту тему он распространяться не будет. – Но они не помогут. В городе есть три группы колдунов…

– Ты мне расскажешь о каждой из них, – требовательно сказала Рада.

– Ты прочитаешь о них сама. – Бер едва заметно улыбнулся и положил девушке на колени обычный ноутбук в серебристом корпусе, который до этого лежал на журнальном столике. – Думаю, здесь ты найдешь много всего интересного.

Эпилог

Солнце светило в высокие окна. Было уже за полдень, но черноволосый, худощавый молодой человек пижонистого вида лениво позевывал и неторопливо пил кофе из красной кружки с изображением похожего на футбольный мяч попугая и надписью «Angry Birds».

Парень лениво пролистывал новости «ВКонтакте» и даже не делал вид, что работает. Он сидел, закинув ноги на стол, и скучал. Хаос был гением и знал об этом. Ему давалось невероятно легко все связанное с компьютерами, свою работу в офисе на неделю вперед он закончил еще вчера и сегодня просто лениво убивал время, а мог бы валяться сейчас на пляже и пить пиво.

Но в начальницах у него значилась светловолосая стерва лет тридцати – Снежная королева по имени София. Она могла бы пойти навстречу и разрешить работать полдня, но оказалась принципиальной и вредной. Приходилось отсиживать почти полную рабочую смену. Впрочем, Хаос демонстративно опаздывал на полтора часа и на столько же раньше уходил.

София бесилась, грозилась штрафами, но терпела, так как кроме опозданий придраться было не к чему.

– Ты сегодня опять поздно…

Она появилась в дверях бесшумно и неожиданно. Хаос даже слегка подпрыгнул, но ноги со стола все равно демонстративно не убрал. Холодная война с начальницей доставляла удовольствие и вносила разнообразие в скучную и размеренную жизнь офиса.

– И что? – Смотреть на нее не хотелось. Зараза была красивой и пользовалась этим. Не открыто и вульгарно, как многие малолетние вертихвостки, а расчетливо, с умом, не выставляя напоказ свои прелести, а старательно пакуя их в дорогие брендовые шмотки.

Сегодня София была настроена миролюбиво и даже не стала повышать голос или читать нотации. По-кошачьи медленно приблизилась и села на свободный стул.

– Мне тут сказали… – издалека начала она. – Ты чинил ноутбук Артему Окулову.

– Кому? – Хаос даже оторвался от созерцания опостылевших ВКонтактовских новостей.

– Беру. – София сморщилась, словно выплюнув привычное прозвище.

– Допустим, – не стал отрицать Хаос. Тайны в этом никакой не было. – Мы дружим. И не чинил, а снимал пароль, причем,

прошу заметить, в свободное от работы время.

– Ты знаешь, что это за ноутбук? – София никак не прореагировала на последнее замечание.

– Я-то знаю, а зачем вам?

– Он ведь принадлежит девушке… правильно?

– Не совсем, он достался девушке в наследство, – поправил Хаос, почему-то просто сказать «да» не поворачивался язык.

– От Степана Григорьевича…

– Вот видите, вы сами все прекрасно знаете, зачем вам я?

– Мне нужен не ты, а та информация, которая хранится на этом ноутбуке. Ты ведь сохранил ее где-то для собственных нужд.

– Я-то, может, и сохранил. – Хаос пожал плечами. – Но не уверен, что собираюсь ею делиться.

– Поверь. – София наклонилась к парню. – Я умею быть щедрой.

Она взяла со стола карандаш и написала на бумажке цифру. Хаос взял ее и, стараясь не выдавать эмоции, ответил:

– Я весь ваш…

– Вот и хорошо, – победно улыбнулась женщина. – Думаю, мы с тобой все же сработаемся.

Апрель, 2014

notes

Примечания

1

Бохо – это смесь стиля хиппи, микс фольклора, милитари, одежды цыган и этнических мотивов. Стал популярен еще в 2000 году и снова переживает очередной всплеск. Слово «бохо» происходит от слова «богема».

2

Здесь речь идет о популярном телесериале «Сверхъестественное».